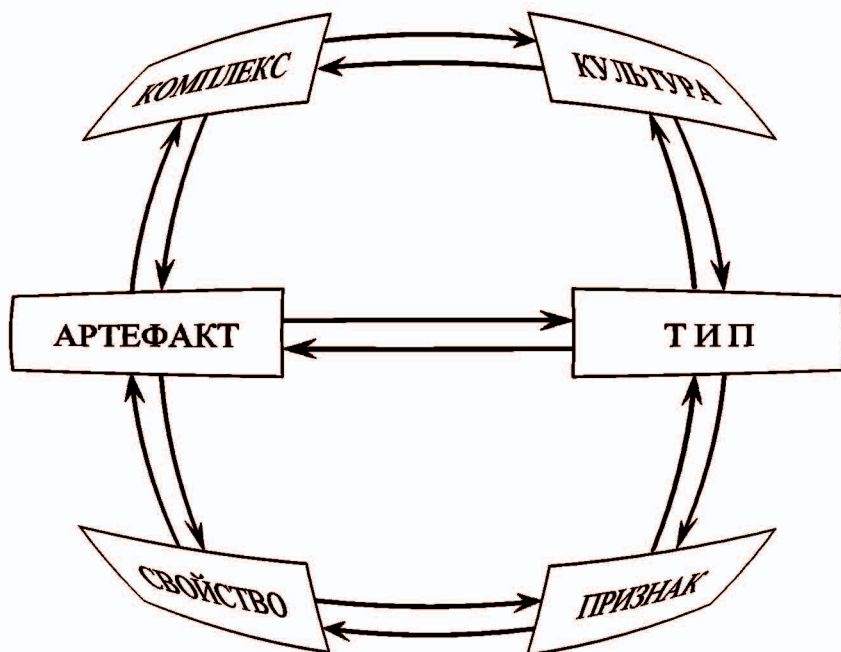

КЛАССИФИКАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Санкт-Петербург
2013

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY

CLASSIFICATION
IN
ARCHAEOLOGY

St. Petersburg

2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

К Л А С С И Ф И К А Ц И Я
В
А Р Х Е О Л О Г И И

Санкт-Петербург

2013

УДК 902.01

ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *Колпаков Е.М.*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Клейн Л.С.*
доктор исторических наук *Берёзкин Ю.Е.*

ISBN 978-5-904247-80-5

© **Е.М. Колпаков, 2013**

Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2013 – 251 с.

Книга является переизданием в новой редакции терминологического словаря-справочника «Классификация в археологии», опубликованного в 1990 г., и книги Колпакова Е.М., «Теория археологической классификации», вышедшей в 1991 г.

Предназначена для специалистов в области исторических наук и в области теории и методов классификации. Может служить учебным пособием для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

Нет типологической системы фактически прирождённой материалу... Классы – это сущности и реальности, существующие лишь в сознании исследователя, они не имеют другого существования... [Brew 1946: 46].

Полагать, что классификации – это искусственные выдумки археологов, равносильно тому, чтобы считать понятия «собака» и «кот» искусственными выдумками зоологов [Hodson 1980: 8].

Содержание

Предисловие	6
Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник	10
Принятые сокращения	10
1. Некоторые исходные понятия археологии	11
2. Классификация и её виды	13
3. Термины организации материала и отношений в нём	27
4. Уровень признаков	34
5. Уровень типов	43
6. Комплекс и его разновидности	53
7. Уровень археологических культур	58
8. Надкультурный уровень	66
Теория археологической классификации	69
<i>Введение</i>	70
<i>Глава 1. Сходство</i>	72
<i>Глава 2. Признаки</i>	80
свойство – признак	80
подходы к признаку	82
обсуждение	89
отбор признаков	92
вес признака	98
уровни расчленения	99
<i>Глава 3. Типы</i>	100
артефакт	100
класс – тип	101
подходы к типу	102
обсуждение	105
формирование и определение типа	117
монотетизм – политетизм	120
эвидентные типы	121
уровни иерархии и прикладные разновидности	121

<i>Глава 4. Археологические культуры</i>	123
комплекс	123
археологическая культура: конкрет – абстракт	124
подходы к определению археологической культуры	125
обсуждение	127
формирование археологической культуры	131
уровни археологической культуры	132
охват артефактов	133
интерпретация	134
<i>Глава 5. Методы классифицирования</i>	137
подходы к методам классифицирования	137
обсуждение	144
принципы классифицирования	147
идентификация	149
<i>Глава 6. Виды классификаций</i>	152
классификация – типология	152
служебная – исследовательская	154
искусственная – естественная	158
классификации классификаций	160
<i>Глава 7. Процедура классифицирования</i>	161
<i>Заключение. Основы теории классификации</i>	172
Summary	181
Иллюстрации	194
Указатель терминологический	201
Указатель именной	211
Библиография	216

Предисловие

Эта книга является переизданием терминологического словаря-справочника «Классификация в археологии», опубликованного в 1990 г., и книги одного из авторов, Колпакова Е.М., «Теория археологической классификации», вышедшей в 1991 г. Оба эти издания были выполнены на минимальном техническом уровне, с большим количеством опечаток, и в широкую продажу не поступали. Актуально ли их переиздание через двадцать лет?

Так уж случилось, что в 1991 г., кроме книги Колпакова, увидели свет ещё две монографии по теории археологической классификации: книга советского археолога Л.С.Клейна «Археологическая типология» и книга двух американцев Уильяма и Эрнста Адамсов «Археологическая типология и реальность практики». Правда, книга Клейна впервые была издана в сокращенном варианте на английском языке в 1982 г. в серии VAR. Однако, по независящим от автора и издательства обстоятельствам, её английский вариант вышел в непрофессиональном переводе и с огромным количеством существенных ошибок. Немногие археологи смогли её прочитать. Поэтому 1991 г. оказался и для книги Клейна годом выхода в свет. После 1991 г. ничего сопоставимого с этими тремя книгами не появилось: ни новых идей, ни серьёзной критики этих работ. По нашим наблюдениям, трудно утверждать, что за прошедшие двадцать лет в области теории археологической классификации появилось что-нибудь принципиально новое. Главное, ничего не изменилось в области практических типологических построений в археологии. У нового поколения археологов остались прежние представления об археологической классификации.

Поэтому словарь-справочник по археологической классификации, выпущенный в 1990 г., пока не устарел и адекватно отражает современную ситуацию в археологии. Более того, из литературы последних двадцати лет в него можно добавить всего лишь несколько строчек.

Первоначальный вариант этого словаря-справочника был завершен в 1982 г. Он был подготовлен в соответствии с решением и инструкцией I Всесоюзной школы-семинара по методологии и теории классификации (Борок, октябрь 1979) и предназначался для широкого круга специалистов в области теории классификации. Этим во многом определялись его содержание и структура. В таком виде он был

депонирован в марте 1988 г. Издать его удалось лишь в 1990 г. благодаря содействию академика В.П.Алексеева. При этом словарь был дополнен и переработан уже в расчете на археологов и специалистов смежных дисциплин.

В издании 1990 г. вторая часть состояла из терминологического словаря по археологической типологии Л.С.Клейна, который был тогда мало доступен специалистам. Теперь, когда словарь Клейна полностью опубликован в его упоминавшейся выше книге, исчезла необходимость в его использовании в нашем словаре-справочнике. Словарь Клейна превышает по объёму словарь, который нам удалось собрать из существующей литературы. Поэтому целесообразнее знакомиться с ним по его книге. Словарь Клейна не включён в нынешнее издание словаря-справочника.

Цель настоящего терминологического словаря – познакомить читателей с основными идеями археологической классификации, которые были выработаны на протяжении последних ста лет развития нашей науки. В нем учтена практически вся советская и русская литература и основной корпус иностранной (по состоянию на 1987 г.), затрагивающая вопросы теории, методологии и методов классификации в археологии. Из нее отобраны только те классификационные понятия, которые имеют общearхеологическое значение и для которых приведены более или менее ясные определения. Лишь для нескольких широко распространенных и терминологически оформленных понятий мы не нашли определений в литературе – для них мы сформулировали определения, исходя из сложившегося опыта их употребления.

Определенные трудности также имеются при переводе иностранных терминов и определений. Целый ряд из них в зависимости от контекста следует переводить на русский язык по-разному. Но в этом случае в терминологическом словаре неизбежно возникла бы терминологическая путаница. Поэтому, в целом, мы ориентировались на буквальный перевод терминов и придерживались его уже независимо от контекстов употребления.

В словаре приведены все понятия теоретического уровня, которые применялись и применяются в археологической классификации. Они расположены в соответствии с индуктивной стратегией группирования: от низшего таксономического уровня к высшему. Вместе с тем, в начале словаря даны определения некоторых исход-

ных понятий археологии, которые понадобятся для понимания последующего текста, а также терминология разновидностей классификации. Этот порядок нарушен только помещением раздела о комплексах между уровнем типов и уровнем археологических культур, хотя, в основном, понятия о комплексах относятся к исходным. Нам представляется, что это должно облегчить понимание целой группы понятий, поскольку комплексы чрезвычайно важны для перехода от уровня типов к уровню археологических культур и являются высшим уровнем группировки материала, данным археологу непосредственно в наблюдении. Кроме того, у разных авторов одни и те же термины обозначают понятия разных уровней. Поэтому мы старались соблюдать выбранный нами порядок в первую очередь по отношению к наиболее распространенным и утвердившимся определениям.

Данный словарь-справочник охватывает почти все идеи археологической классификации, которые терминологически оформлены. В то же время определения наиболее популярных терминов, таких как *тип* или *археологическая культура*, можно встретить во многих работах, не имеющих никакого отношения к теории классификации. Разумеется, учесть все определения из них мы не могли – для этого потребовалось бы проработать всю археологическую литературу. Впрочем, эти определения, как правило, неоригинальны – поэтому в словарь включена только часть из них.

Немногочисленные рисунки, использованные нами, приведены в том виде, в котором они представлены у их авторов. Незначительно изменено лишь форматирование.

Словарь снабжен алфавитным и именным указателями. Это поможет ориентироваться как в поисках отдельных терминов, так и в понимании систем понятий, данных каким-либо одним автором.

Библиография включает не только литературу, из которой взяты термины и определения, но и остальную археологическую литературу, связанную с теорией и методами классификации.

При пользовании словарем нужно помнить, что приводимые определения вырваны из контекста работ и в какой-то мере искажают или не полностью передают мысль авторов. Иногда под почти одинаковыми формулировками скрывается во многом противоположное содержание. С другой стороны, обнаруживается, что многие дефиниции даются без серьезного соотнесения с другими понятиями, вне всякой системы. Это приводит к тому, что наряду о устоявшимися и

общепринятыми понятиями и терминами существует значительное число частных, используемых лишь одним или несколькими исследователями и часто плохо связанных с общепринятыми. Так образуется множество определений и терминов. Следует, однако, констатировать, что и с учетом этих последних понятийный аппарат археологической классификации не отражает всей сложности, глубины и разнообразия исследовательской практики археологов и явно недостаточен.

Следует также учитывать, что некоторые понятия, приводимые в словаре, относятся уже к истории археологии и в настоящее время не употребляются.

В заключение, мы выражаем искреннюю благодарность всем коллегам, которые способствовали созданию данного словаря. Значительная часть работы по подготовке этого издания выполнена под руководством А.В.Евглевского.

Е.М.Колпаков, В.С.Бочкарёв

КЛАССИФИКАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Терминологический словарь-справочник

Редактор Колпаков Е.М.

Авторы: Е.М.Колпаков, В.С.Бочкарёв.

И.О.Васкул, Л.Б.Вишняцкий,

Е.В.Власова, А.А.Ковалёв,

Н.Н.Чеснокова, О.В.Шаров

Библиография: Л.М.Всевиов, Е.М.Колпаков

Принятые сокращения

АК – археологическая культура

Б.о. – близкие определения

Б.т. – близкие термины

С. – синонимы

С. и б.т. – синонимы и близкие термины

Термины в тексте, для которых есть определения в словаре, выделены курсивом.

Эквиваленты на английском, французском и немецком языках приводятся только из использованных источников, а не из двуязычных словарей.

Определения даются как незакавыченные цитаты. Но нередко в источнике определение представлено в неудобной для прямого цитирования форме, вместе с другими сведениями и т.п. Тогда приходится изменять падежные окончания, добавлять или наоборот исключать отдельные слова и т.п. В этих случаях к ссылке на источник приводимого определения добавляется слово "по:".

1. Некоторые исходные понятия археологии

АРТЕФАКТ (от лат. *artefactum* букв.: *arte* – искусственно, *factum* – сделанное).

1. Любой материальный объект, изготовленный или модифицированный человеком прошлого и выполняющий определенную культурную функцию: в понятие А. включаются отдельные черты объекта, целые объекты, структуры, материальные следы деятельности древних людей [по: Бочкарёв 1975: 35. Б.о.: Taylor 1948; Rouse 1972]. (рис. 3).

2. Любой предмет, модифицированный наложенными человеком *признаками* [Clarke 1968: 145, 186, 665. Б.о.: Daniel 1950; Bray, Trump 1979]. (рис. 2).

3. Сделанный человеком предмет, а также фоссиллизованная идея [по: Deetz 1967: 45].

4. Дискретный и портативный объект, характеристики которого – полностью или частично результат человеческой деятельности [Sharer, Ashmore 1979: 560].

5. Археологический предмет [Массон 1975: 54].

6. *Свойства* несоциальных систем, приданные им взаимодействием с социальными объектами [Ковалёв 1987: 39].

Б.т.: *вещь*, предмет.

Примечание: понятие А. в археологии стало употребляться в XX в., оттеснив слова "антик", "памятник", "историческая вещь"; в наиболее широком значении – всякий след приложения сил человека, в наиболее узком – *руководящий тип* [по: Клейн 1978]. В археологической классификации А., выступает как сложная категория, представляющая набор внешних *свойств* (не выводных) [по: Sackett 1966], описывается как сумма значений присущих ему *признаков* [Деопик 1977: 3]. Артефакты составляют основную предметную область, подлежащую классификации в археологии.

англ. – artifact, artefact; *нем.* – Artefact

ВЕЩЬ

1. Предмет, не содержащий никакой языковой информации; основной источник в археологии [по: Колчин, Шер 1969: 70].

2. Конечное множество *признаков*: $x = (a, b, c, \dots, k)$ [по: Колчин и др. 1970: 6].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Конкретная реалья, внешне наблюдаемый, фиксируемый чувствами

фрагмент действительности, включенный в познавательный процесс археологии [по: Клейн 1978: 86. Б.о. Захарук 1978].

Б.т.: *сущность*.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ

1. Совокупность разнообразных следов и остатков результатов деятельности прошлых, уже не существующих обществ; вся совокупность разнообразных *археологических объектов* [Захарук 1975: 4-5].

2. Определенный ареал археологического исследования, часто регион или местонахождение, ограниченное как во времени, так и в географическом пространстве [Sharer, Ashmore 1979: 562].

англ. – data universe

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ВЫБОРКА

Основная единица археологического исследования; подразделение *археологического универсума*, определяемое как произвольными, так и непроизвольными критериями [Sharer, Ashmore 1979: 568].

англ. – sample unit

МАТРИЦА (*нем. Matrize* от лат. *matrix* – матка)

Физическая среда, которая окружает, вмещает или поддерживает археологические данные [Sharer, Ashmore 1979: 565].

англ. – matrix

ПОЗИЦИЯ

Трехмерные характеристики положения археологических данных внутри *матрицы* ко времени их открытия [Sharer, Ashmore 1979: 567].

англ. – provenience (происхождение, источник)

ЧЕРТА

Непортативный *артефакт*, неизвлекаемый из своей *матрицы* без разрушения его целостности [Sharer, Ashmore 1979: 563].

англ. – feature

КОНТЕКСТ (от лат. *contextus* – сплетение, соединение, связь)

Характеристики археологических данных, выводимые из комбинированных поведенческих и трансформационных процессов, оцениваемых посредством зарегистрированных *ассоциаций*, *матриц* и *позиций*: интерпретация положения *артефакта* с точки зрения его матрицы, позиции и ассоциации – т.е. где он есть и как он туда попал

[Sharer, Ashmore 1979: 561,84].

англ. – context; фр. – contexte; нем. – Kontext

ПЕРВИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Условия, где *позиция*, *ассоциация* и *матрица* не были нарушены после первоначального отложения археологических данных [Sharer, Ashmore 1979: 567].

англ. – primary context

ВТОРИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Условия, где *матрица* и *позиция* были целиком или частично изменены трансформационными процессами после первоначального отложения археологических данных [Sharer, Ashmore 1979: 568].

англ. – secondary context

2. Классификация и её виды

КЛАССИФИКАЦИЯ (от лат. *classis* – разряд, класс; *facere* – делать)

1. Выделение различных групп материала и описание этих групп таким образом, чтобы были ясны общность внутри каждой группы и различия между ними [по: Каменецкий и др. 1975: 10-11. Б.о.: Daniel 1950; Harris 1964; Benjamin 1965; Cormack 1971; Чеснов 1979].

2. Упорядочение феноменов в группы (классы), основанное на общности *признаков* [Sharer, Ashmore 1979: 560].

3. Выделение *типов* [Бочкарёв 1973: 59].

4. Процедура формирования новых *классов*, их наименования и определения в терминах диагностических образцов (патернов) *признаков* или *комплексов* образцов (патернов) [Rouse 1972: 267].

5. Способ группирования материала, который стремится разложить по ящичкам-классам весь материал без остатка, строго разграничивая *классы* [по: Клейн 1987: 33].

англ. – classification; фр. – classification; нем. – Klassifizierung

ТАКСОНОМИЯ (от греч. *τάξις* – построение, строй, линия ряд; *νομος* – обычай, установление, закон)

1. *Классификация*, в особенности, что касается ее общих законов и принципов [Brew 1946: 44].

2. Такая отрасль науки вообще или какой-либо отдельной науки ли темы, которая включает в себя *классификацию* или связана с ней [там же].

3. Иерархически организованная *классификация* [по: Rouse 1960: 317-318].

4. Иерархия *классов*, сформированных с помощью *таксономической классификации* так, чтобы все классы более низкого уровня иерархии были бы точными подразделениями классов более высокого уровня [Rouse 1972: 298, 53].

Примечание: для многих является синонимом *классификации*.

англ. — *taxonomy*; фр. — *taxonomie*

ТИПОЛОГИЯ

1. Наука, которая позволяет опознавать, определять и классифицировать различные варианты орудий, встречающиеся в отложениях на протяжении всего периода эволюции человечества [Bordes 1961: 1; 1979].

2. Учение о *типах* и их взаимоотношениях [по: Malmer 1962: XXXV; 1963].

3. Разновидность *классификации*, свободная от жесткого распределения показателей (*параметров*) по шагам процедуры [по: Dunnell 1971: 140].

4. Группировка предметов по нескольким *параметрам*, т.е. через комплексность *признаков* [по: Чеснов 1979: 191].

С.: *политетическая классификация*.

8. *Классификация*, теоретически ориентированная на решение некоей проблемы [по: Kluckhohn 1960 из: Клейн 1982].

6. Упорядочение *артефактов* в последовательные ряды, показывающие морфологическое развитие [Daniel 1950: 8].

Б.т.: *сериация, типологический метод*, построение *типологических рядов*.

7. *Набор классов*, сформированных с помощью *типологической классификации*. Причем, если эти классы являются иерархическими, то не требуется точности в подразделении одних классов на другие как в *таксономии* [Rouse 1972: 301].

8. Начальная *классификация* предметов и явлений, полученных в результате раскопок [Викторова 1977: 11].

9. а) В широком смысле слова: любое упорядочение множества объектов, которое позволяет автору делать заключения относительно фактов, не содержащихся в первоначальном представлении этих объектов.

б) В операциональном смысле слова: выявление систематических

соответствий между внутренними свойствами объектов и их внешними характеристиками посредством постоянных рекуррентных операций. Цель установления таких соответствий состоит в том, чтобы на основе минимального числа физических, геометрических, семиотических свойств получить наибольшее число внешних характеристик Места, Времени и Функции.

в) В узком смысле слова: любая организация какого-нибудь *комплекса* археологических материалов, основанная на систематическом сопоставлении их *внутренних и внешних признаков*, из которой исследователь получает информацию о положении этих материалов в пространстве и во времени [Гарден 1983: 269, 116, 131, 139].

10. Системная *классификация*: поиск системных структур *артефактов*, как следующий за классифицированием и построенный на его основе этап исследования, результатом которого мыслится установление системы *типов* в рамках определенных категориям артефактов [по: Бианки 1987: 43].

11. Способ группирования, который выявляет узловые пункты изменчивости материала, группируя его по сходству *параметров* вокруг этих пунктов, не обязательно весь, и для него не важны границы между *типами* [по: Клейн 1987: 33].

Примечание: слово *T.*, кажется, впервые было использовано в Англии Питтом Риверсом во второй половине XIX века и обозначало приложение к продуктам человеческого труда – *артефактам* – систем, используемых в естественных науках для выражения связей в форме и структуре организмов внутри эволюционной секвенции [по: Piggott 1959: 48].

англ. – typology; *фр.* – typologie

ИНТУИТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (интуиция – лат. *intueri* – пристально смотреть)

K., при построении которой отношения подобия или различия между единицами интуитивно устанавливаются через широкий ряд наблюдаемых, но обычно неопределенных характеристик, каждая из которых вполне может отражать смесь (взаимоналожение) порождающих импульсов (предполагаемой функции, пригодных технологий и материалов, стилистической традиции и т.д.) [по: Doran and Hodson 1975: 165].

ИСКУССТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Первичное упорядочение исходного материала с чисто служебны-

ми целями [по: Каменецкий и др. 1975: 45, 46. Б.о.: Грязнов 1969; Григорьев 1972].

2. Выделение стабильных групп, навязывающих материалу деление извне, разбивка его на группы, которые в большинстве случаев ему не присущи [по: Каменецкий 1978: 18].

С. и б.т.: формальная к., *аналитическая к.*, предварительная к., служебная к., служебное группирование.

Примечание: под служебными целями обычно понимают удобство описания археологического материала при его публикации и надежность его розыска в музейных коллекциях.

ЕСТЕСТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Исследование закономерностей, заложенных в самом материале, выявление групп *признаков* с такими границами и такими характеристиками, которые отражают особенности материала [по: Каменецкий 1978: 18, 23].

С. и б.т.: *типологическая к.*, исследовательское группирование, *типология*, *к. высшего ранга*.

Примечание: идея ЕК. в археологии имеет глубокие обоснования. Согласно нашим современным представлениям о человеческом обществе, вся или почти вся деятельность людей регламентируется, регулируется, оценивается в соответствии с нормами (стандартами, установлениями, моделями, эталонами), принятыми в определенных социальных группах. Соответственно, в каждом конкретном обществе есть и нормы, регламентирующие изготовление и использование вещей и сооружений. Причем эти нормы в каждом обществе свои и отличаются от норм других обществ. Таким образом, оказывается, что существуют группы сходных предметов, сделанных в соответствии с одними и теми же нормами, – т.е. вещи объективно объединены в классы согласно тем стандартам, идеям, "мысленным шаблонам", по которым они сделаны. Отсюда и возникает задача отыскания в археологическом материале овещественного выражения таких норм – *культурных типов (культур-типов)* – т.е. выявление естественной классификации вещей и сооружений, открытых археологами.

К тому же и в самой археологии есть некоторые данные в пользу возможности ЕК. Так, некоторые исторические общности, известные по письменным источникам, удается более или менее идентифицировать с группами материальных объектов, выделенных в результате археологической классификации. *Типы*, выделенные по встречаемости в *комплексах*, всегда одновременно оказываются

одинаково локализованными в пространстве и во времени, т.е. целые группы типов, связанные определенными структурными отношениями, как правило, имеют свой ограниченный ареал распространения и существуют в определенный отрезок времени. Все это наводит на мысль о действительном существовании в материале естественных границ.

То, что ЕК. существует в материале, у подавляющего большинства археологов сомнения не вызывает. Серьезные разногласия начинаются с вопроса о том, каким образом можно выявить ЕК., выделить культурные типы, возможно ли это сделать вообще и нужно ли это нам и в каких случаях. Одни считают, что индуктивное группирование (возможно, с учетом *веса признаков*) автоматически приводит к выделению культурных типов. Другие полагают, что для этого нужна особая стратегия группирования (системная стратегия группирования), которая бы позволяла выделять культурно значимые *признаки* (см. Смысл комплекса черт) и типы, исходя из данных нам контекстов и всего археологического материала в целом. Третьи сомневаются в полезности выделения культурных типов для решения наших задач и предлагают тем, кто все-таки к этому стремится, выявлять культурно значимые признаки дедуктивными способами. *Таксономическая классификация*, видимо, тоже рассматривается многими как ЕК. или наиболее близко подводящая к ней. Четвертые считают, что вследствие целого ряда причин выделить культурные типы невозможно или слишком трудно и что поэтому следует сознательно создавать заведомо *искусственные классификации* и работать с *условными типами*, полностью отдавая себе отчет в их условности и не мешая себе иллюзорной надеждой ухватить культурные типы.

Ситуация усложняется еще и тем, что в одном и том же культурном материале может существовать несколько ЕК. Например, для читателя наиболее естественной будет классификация книг по их содержанию, а не умеющий читать ребенок разделит их на книги с картинками и книги без картинок. Для издателя будут важны такие признаки, как размеры, качество и толщина бумаги, тип печати, а при транспортировке – вес. Получается, что для разных групп людей существуют разные ЕК.

В то же время, возможность создания ЕК. несколько не отрицает необходимость создания различных других классификаций, специально приспособленных к каким-либо определенным задачам, хотя, конечно, наибольших достижений ждут от ЕК. Стоит также отметить, что размышления о возможности и необходимости ЕК., о мето-

дах ее достижения представлены в основном среди ученых, связанных с теорией археологии. А на практике подавляющее большинство археологов стремится к созданию наиболее правильной единственной классификации (*типологии*) для своего материала, к которой относятся как к ЕК., хотя эта цель крайне редко осознается и оформляется в терминах теории классификации.

англ. – natural classification

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЫШЕГО РАНГА

Продукт объяснительной, а не описательной стадии; в ней, насколько это возможно, археологические объекты раскрывают свою сущность, становясь "вещью для нас" [по: Матюхин 1975: 22].

С. и б.т.: *естественная классификация.*

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Распределение материала по *группам (типам)*, имевшим место в реальной действительности, для использования в исторических построениях; систематика археологических материалов, т.е. разделение их по *признакам* сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы ... Систематизация изучаемых вещей и явлений в соответствии с их исторической принадлежностью и обусловленностью [по: Грязнов 1969: 19].

С.: генетическая к., *естественная к.*

2. В рамках *контекста* достаточно сходных *артефактов классификация на типы* есть процесс обнаружения комбинации *признаков*, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольная (субъективная) процедура, производимая классифицирующим исследователем [Spaulding 1953: 305].

3. Разделение материала на *классы* путём выбора пробных конфигураций (патернов) *признаков, модов* или *типов*, проверки их способности к распределению материала в гомогенные классы и замены этих конфигураций на другие и повторения процедуры до получения распределения материала в гомогенные классы. Для установления иерархии в ТК. нужно проводить новую классификацию на каждом уровне [по: Rouse 1970: 11-12, 1972; Krieger 1944, 1960; Kluckhohn 1960].

С. и б.т.: преисторическая к., историческая к.

4. К., которая достигается путём искусственного разграничения и ограничения выделенных *типов* на основе строгих, но произвольно заданных критериев, определяемых практическим удобством [по:

Клейн 1987: 35].

С.: вторичная классификация.
англ. – typological classification

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. К., получаемая формированием последовательных серий *классов* по отдельным *свойствам артефактов*, выявляющим *моды*, и являющаяся начальным этапом процедуры классифицирования, предшествующим *типологической классификации* [по: Rouse 1960] (рис. 6).

2. Группирование с учетом всех замеченных *свойств*, наличных в материале, с организацией для каждого *параметра* отдельной шкалы и распределением по ней материала (по каждому параметру особо, перебирая весь материал заново) ... Для одного и того же материала строится сразу не одна сеть аналитических классов, а много, и эти сети взаимно пересекаются, образуя координатную решетку АК. [по: Клейн 1979: 50].

С.: индуктивная к., аналитическое группирование.
англ. – analytical classification

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

К., основанная на придании *признакам* равного веса, так что каждый *класс* определяется *кластером* особых признаков и независим от порядка, в котором эти признаки определены [Sharer, Ashmore 1979: 566].

англ. – paradigmatic classification

ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Процедура деления и подразделения некоторой коллекции на прогрессивно уменьшающиеся *классы*, исходя из последовательности произвольно выбранных *признаков*. Конечные классы определяются признаками, использованными для их формирования [Rouse 1972: 268] (рис. 7).

2. Формулирование одного набора *классов*, которые дифференцируют *артефакты* некоторой коллекции согласно *типам*. Каждый таксономический класс характеризуется одним или более *модами*, отобранными из полного количества модов, выделенных средствами *аналитической классификации*. Моды, диагностичные для класса, образуют его тип [Rouse 1960: 317-318].

3. К., основанная на неравном взвешивании *признаков*, которое налагается в иерархическом порядке так, что признаки, определяющие каждый *класс*, зависят от порядка, в каком эти признаки рассматри-

ваются [Sharer, Ashmore 1979: 569].

4. Группирование, основанное на оценке различной важности *свойств*, когда археолог выбирает часть свойств, устанавливает их прочные сочетания, вводя при этом иерархию ... Применительно к одному материалу возможна не одна таксономическая группировка [по: Клейн 1979: 50].

С.: иерархическая к., иерархическое группирование
англ. – taxonomic classification

ДРЕВОВИДНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

К., основанная на иерархии *признаков*, располагаемых "древовидным" образом в соответствии с их важностью в определении *типов*. В этом подходе критерии для определения типов могут изменяться от одного типа к другому в зависимости от того, где он располагается в иерархии признаков в процессе разделения [по: Whallon 1972: 15 из: Hill and Evans 1972: 269].

англ. – tree-type classification

АГЛОМЕРАТИВНАЯ (СОБИРАТЕЛЬНАЯ) СТРАТЕГИЯ

Группирование объектов некоторой совокупности путём их подбора одного к другому по сходству между ними до получения подходящего количества *классов* или *типов* с любой иерархией; после этого можно специально выделить черты, отличающие один класс от другого – *ключ классификации* [по: Doran and Hodson 1975: 173-174].

Б. т.: *классификация снизу*.

англ. – agglomerative strategy

РАЗДЕЛИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Группирование объектов некоторой совокупности путём ее последовательного деления на две части по определяемому на каждом шаге группирования какому-либо одному критерию до получения подходящего количества групп [по: Doran and Hodson 1975: 174].

Б.т.: *древовидная классификация, классификация сверху*.

англ. – divisive strategy

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Группирование объектов некоторой совокупности путём выбора подходящего количества предварительных легко различимых образцов, все остальные объекты группируются вокруг этих образцов по сходству с ними, затем в каждой полученной группе выбирается наиболее представительный тип-образец, и вокруг этих типов-образцов вновь

производится перераспределение объектов и т.д. до получения устойчивых групп или типов [по: Doran and Hodson 1975: 174].

англ. – re-allocation strategy, relocation strategy or procedure

СВОБОДНОЕ ПОСТРОЕНИЕ, ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ РЯД

Построение, в котором выбор *признаков* и *классификация* объектов не обусловлены (во всяком случае, явно) никаким предварительным знанием об их распространении и датировке [по: Гарден 1983: 140-141].

фр. – construction libre, ordre taxonomique

УПРАВЛЯЕМОЕ ПОСТРОЕНИЕ, ИНДУЦИРОВАННАЯ ТИПОЛОГИЯ

Построение, в котором отбор определенных *признаков* и даже отнесение определенных объектов к тому или иному *типу* определяются тем, что об изучаемых материалах уже известно археологу; среди признаков выбираются такие, в которых опыт и логика археолога обнаруживают связь с целью исследования [по: Гарден 1983: 144].

фр. – construction guidee, typologie induite

ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОЕ ПОСТРОЕНИЕ, ДЕДУКТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Построение, в котором *классы* определяются наблюдениями данных внешнего (например, раскопки, письменные источники и т.п.) или внутреннего (например, надписи на вещах) характера, содержащих сведения типа Места и Времени [по: Гарден 1983: 146].

фр. – construction imposee, typologie deduite

КЛАССИФИКАЦИЯ "СВЕРХУ" (ДЕДУКТИВНАЯ)

К., при которой *артефакт* относится к какому-либо *типу*, если обладает определенным набором *признаков*. Такой подход предполагает наличие достаточных знаний о квалифицируемых явлениях, так как осуществляется через их определение [по: Холюшкин, Холюшкина 1985: 32].

Б.т.: монотетическая к. [там же].

КЛАССИФИКАЦИЯ "СНИЗУ" (ИНДУКТИВНАЯ)

К., которая производится посредством перечисления *признаков* квалифицируемых объектов и применяется в том случае, когда мы не знаем, какие признаки являются *существенными* [по: Холюшкин, Холюшкина 1985: 32].

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Процедура формирования *классов морфологических комплексов* и определения их с помощью *диагностических комплексов* морфологических черт [Rouse 1972: 268].

Примечание: обычно МК. называют группировку *артефактов* по *признакам*, описывающим их форму и нередко характер поверхности (например, орнамент).

англ. – morphological classification

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Процедура формирования *классов артефактов* или *свойств* по технологически значимым *признакам* [Rouse 1972: 268].

2. (Для бус) такая, в которой главными *признаками* (первого уровня) являются технологические, подразделяющиеся на а) выводные (конструктивная характеристика, технология изделия, технология изготовления материала для него, характеристики инструментов, красителей и т.д.) и б) визуальные (основа определения выводных); вариантными признаками (второго уровня) – морфологические, позволяющие выделить внутри технологической группы отдельные *типы* [по: Львова 1978: 27].

Примечание: обычно под ТК. подразумевается группировка материала на основе сходства и различия в технологических приемах изготовления *артефактов*, начиная с приемов обработки сырья для них.

англ. – technological classification

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Процедура формирования *классов артефактов* или *свойств* по *признакам*, которые делали их полезными в тех или иных сферах деятельности [Rouse 1972: 268].

2. (Для бус) такая, в которой ведущими *признаками* (первого уровня) являются морфологические (видимые потребителем и обусловленные назначением), признаками второго уровня – технологические [по: Львова 1978: 26].

Примечание: обычно под ФК. подразумевается группировка объектов согласно их основному назначению (стереотипному и санкционированному культурой диапазону действий, производимых с ними), для которого они изготавливались. Как правило, наиболее общие группы, выделенные по этому основанию, называют *категориями*.

англ. – functional classification

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Процедура формирования *классов деятельностных комплексов* на основании функциональных и технологических *модов* и *типов* для того, чтобы реконструировать отдельные сферы деятельности [Rouse 1972: 267].

англ. – activity classification

ХОРОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (от греч. *χώρα* - пространство, место)

К. *комплексов* и т.п. с точки зрения их географического распределения [Rouse 1972: 267].

англ. – chorological classification

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (от греч. *χρονος* – время)

Процедура формирования *классов артефактов* путём изучения только их хронологически значимых *свойств* (измерений) для того, чтобы выработать хронологические определители (см. Руководящие типы) [Rouse 1972: 268].

англ. – chronological classification

ВНЕШНЯЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Процедура *классификации* остатков, но не для изучения их собственной природы, а для выделения конфигураций (патернов) *признаков* или их *комплексов*, указывающих на *позицию* этих остатков в измерениях формы, пространства или времени [Rouse 1972: 268].

англ. – extrinsic classification

ПАРТИТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (от лат. *pars* – часть)

Процедура формирования *классов свойств артефактов*, нежели целых артефактов, и определения их с помощью *модов*, нежели *типов* [Rouse 1972: 268].

англ. – partitive classification

АРТЕФАКТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Процедура формирования *классов артефактов* и определения их с помощью конфигураций (патернов) *признаков*, известных как *типы* [Rouse 1972: 267].

англ. – artifactual classification

ИДЕНТИФИКАЦИЯ (от лат. *idem* – тот же самый; *facio* – делаю)

Процедура отнесения образцов в уже установленные *классы* на осно-

вании *признаков* или *черт*, диагностических для этих классов [Rouse 1972: 280; Doran and Hodson 1975].

англ. – identification

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Процедура отнесения *деятельностных комплексов* в уже установленные *классы* на основании *комплексов*, диагностических для этих классов, для того, чтобы определить распределение сфер деятельности [Rouse 1972: 280].

англ. – activity identification

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Процедура отнесения *морфологических комплексов* в уже установленные *классы* на основании *комплексов*, диагностических для этих классов [Rouse 1972: 280].

англ. – morphological identification

ПАРТИТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Процедура отнесения *свойств артефактов* в уже установленные *классы* свойств на основании *модов*, диагностических для этих классов [Rouse 1972: 280].

англ. – partitive identification

АРТЕФАКТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Процедура отнесения *артефактов* в уже установленные *классы* на основании *типов*, диагностических для этих классов [Rouse 1972: 280].

англ. – artifactual identification

СЕРИАЦИЯ (от лат. *series* – ряд; *sero* – сплетаю, соединяю, сцепляю)

1. Группирование сравнимых археологических единиц ... в значимую последовательность только на основе сходства и различия между ними (интервалы между единицами не требуются) [Doran and Hodson 1975: 267].

2. Любая техника для расположения *набора* единиц (*сущностей*) в такой последовательный ряд, что, отправляясь от любой определенной единицы, другие единицы, наиболее сходные с ней, были бы и наиболее близкими к ней в этом ряду, и сходство постепенно уменьшалось бы при сравнении единиц, все более и более удаленных друг от друга в этом ряду [Cowgill 1972: 381].

3. Процедура разработки хронологии путём расположения остатков одной культурной традиции и из одной местности в такой порядок,

который предоставляет наиболее последовательную конфигурацию их культурных черт [Rouse 1967 p.157].

– Использование конфигураций (паттернов) изменений в культурах, *типах* или *модах* для установления их локальной последовательности [Rouse 1972 p.292].

С. и б.т.: *типология, типологический метод*, построение *типологических рядов*.

4. Относительное расположение явлений на основе частот встречаемости сходств различных *модов* или *типов*; метод основан на предположении о том, что мод или тип появляется, постепенно увеличивается, затем постепенно уменьшается в частоте встречаемости и, однажды исчезнув, никогда не появляется вновь [Swartz 1967: 491-492].

5. Метод установления относительной хронологии, основанный на положениях о том, что процентное соотношение *типов* массового материала постоянно меняется во времени, и что для каждого отрезка времени процентное соотношение устойчиво и определено для данного памятника и для данной серии однородных памятников; *комплексы* выстраиваются в последовательный ряд по степени близости, вычисленной на основе процентного соотношения их типов. (В сериационном ряде форма объектов считается как бы стабильной, и учитываются только количественные вариации объекта) [по: Бочкарев, Трифионов 1980: 17. Б.о.: Deetz 1967].

Примечание: в последнем понимании: наиболее широко применяется в археологии палеолита, но не только для установления относительной хронологии, а главным образом для выделения АК. Как правило, этот метод называют методом Борда – по имени французского археолога Франсуа Борда, начавшего его применять в конце 50-х годов. По методу Борда, в одну АК попадают те памятники, в которых процентное соотношение типов орудий очень близко. Как показал опыт, существуют группы палеолитических памятников, различающиеся по этому критерию.

англ. – seriation

АРТЕФАКТНАЯ СЕРИАЦИЯ

Сериация типов или *модов* [Rouse 1972: 292].

англ. – artifactual seriation

КУЛЬТУРНАЯ СЕРИАЦИЯ

Сериация культур [Rouse 1972: 292].

англ. – cultural seriation

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СЕРИАЦИЯ

Сериация, основанная на развитии культур, *типов* или *модов*, когда один развивается из другого [Rouse 1972: 293].

Б.т.: типология, типологический метод, построение типологических рядов.

англ. — developmental seriation

ЧАСТОТНАЯ СЕРИАЦИЯ

Сериация, основанная на изменениях частоты встречаемости культур, *типов* или *модов* [Rouse 1972: 293].

англ. — frequency seriation

СЕРИАЦИЯ ПО СОВСТРЕЧАЕМОСТИ

Сериация, основанная только на распределении культур, *типов* или *модов* (пример: система трех веков) [Rouse 1972: 293, 127].

англ. — occurrence seriation

КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ (от греч. *ἀνάλυσις* – разрешение, *ἀναλύω* – разрешаю (задачу, нечто трудное))

Метод определения в точных *параметрах типов* исходных *категорий артефактов*; метод детального объективного сравнения между *комплексами*, выявления природы различий между ними, установления величины для культурной дифференциации и прослеживания характера эволюции материальной культуры того или иного региона [по: Матюшин 1972: 337, 339].

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РЯД

Множество типов, расположенных в последовательности, соответствующей степени их сходства [Malmer 1963: 255].

англ. — typological series

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

1. Метод установления *типологии*.

2. Метод установления последовательности периодов (относительной хронологии) с помощью эволюционного ранжирования *типов* [по: Montelius 1903: 15].

3. (В первом приближении) совокупность интуитивных и логических действий, которые позволяют археологу "узнавать" изучаемые вещи, объекты и памятники и относить их к определенным *классам* по назначению, технологии, форме, по принадлежности к культурно-историческим районам и периодам [Шер 1970: 9].

Примечание: термин ТМ. был впервые употреблен

С.Мюллером для обозначения разработанного и примененного О.Монтелиусом метода установления относительной хронологии Скандинавских древностей [Müller 1884]. В основе этого метода лежали эволюционистские представления о последовательном и постепенном развитии материальной культуры, сходном с биологической эволюцией. *Типы* распределялись в эволюционные *типологические ряды* в соответствии со сходством и различием вещей в порядке их последовательного изменения. Правильность построения типологических рядов проверяется с помощью установления их согласованной параллельности через совстречаемость типов в *замкнутых комплексах*. Набор типов, связанных совстречаемостью в замкнутых комплексах, дает период развития. Основным собственно археологическим средством определения направленности этого развития является так называемый *типологический рудимент*. В конце 60-х — начале 70-х годов ТМ. был усовершенствован М.Мальмером, который стал рассматривать в качестве замкнутых комплексов отдельные *артефакты*, а типологический ряд стал строиться по распределению *признаков* в артефактах [Malmer 1962].

Б.т.: *типология, типологическая классификация, сериация.*

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Т., построенная на оптимально однозначных конструктах, приемлемых для типологизации однотипных культурно-исторических систем Старого и Нового Света; предназначена для реконструкции общих культурно-исторических процессов прошлого [по: Коробкова 1980: 21].

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Целостная система суждений и понятий, связанных с определенными логическими признаками, выявленными в ходе образования *классов, категорий, групп, типов* [Коробкова 1980: 23].

3. Термины организации материала и отношений в нём

ПОПУЛЯЦИЯ (от лат. *populus* – народ, население)

1. Любая ограниченная или неограниченная коллекция измерений, *признаков, артефактов, комплексов, АК*, индивидов или вещей, определенных некоторой общей характеристикой; не относящаяся только к живущим вещам (статистические и демографические популяции) [Clarke 1968: 186, 668].

2. Совокупность *археологических единиц* внутри *археологического*

Термины организации материала

универсума [Sharer, Ashmore 1979: 566].

англ. – population

ГРУППА

Подотдел типа [Malmer 1962: XXXII].

Примечание: обычно употребляется как общее обозначение для любой как угодно объединенной или выделенной совокупности объектов.

нем. – Gruppe

КЛАСС

1. Общий термин, относящийся к любому делению материала на *группы*, основывающемуся на сходствах и различиях; любая такая группа называется классом [Hill and Evans 1972: 233. Б.о.: Swartz 1967].

2. Есть нечто большее, чем простое расчленение материала, – две основные идеи заключены в нем: внутреннее единство и внешняя изолированность. Все коллекции могут быть расчленены, но не все классифицированы [по: Cormack 1971 из: Doran and Hodson 1975: 159].

3. *Группа* схожих *типов* [по: Taylor 1948: 116, 121].

4. *Группа* однотипных предметов [по: Rouse 1939: 11; 1960; 1972].

5. Подотдел *типа*, объединяющий несколько *групп* [Malmer 1962: XXXII].

С. и б.т.: *тип* [Chang 1967; Мелконян 1976; 1978], *группа*, *категория*.

Примечание: многие американские археологи обозначают термином К. *популяцию признаков*, а термином "тип" – только те признаки, которые характеризуют К. [по: Rouse 1970].

англ. – class; фр. – classe; нем. – Klasse

КЛЮЧ КЛАССИФИКАЦИИ

Средство к установлению возможности присовокупления новой единицы к определенному ранее *классу*; выделяет только те характеристики, которые отличают один класс от другого [по: Sokal and Sneath 1963: 68, 76 из: Doran and Hodson 1975: 160].

англ. – Key of classification

МОНОТЕТИЗМ

Группа сущностей или *систем* называется монотетической, если обладание строго определенным *набором признаков* необходимо и достаточно для включения их в группу [Clarke 1968: 42, 37, 189-190, 667].

англ. – monothetic

ПОЛИТЕТИЗМ

Группа сущностей или *систем* называется политетической, если каждый ее член обладает широким, но неопределенным количеством определяющих эту группу *признаков*, если каждый признак принадлежит значительному количеству членов группы, и нет ни одного такого признака, обладание которым было бы необходимо и достаточно для включения в эту группу [Clarke 1968: 42, 37, 190, 668].

англ. – polythetic

МОНОТЕТИЧЕСКИЙ КЛАСС

Класс, определяемый постольку, поскольку его члены обладают данными характеристиками; внутри МК. член должен обладать определенными характеристиками, одной или более; рассматривается как искусственный [по: Sokal and Sneath 1963 из: Doran and Hodson 1975: 160].

ПОЛИТЕТИЧЕСКИЙ КЛАСС

Класс, определяемый постольку, поскольку его члены подобны; каждый член такого класса может иметь достаточно много характеристик, общих с другим членом, но ни одна характеристика не обязательна для всех членов [по: Sokal and Sneath 1963 из: Doran and Hodson 1975: 160].

С.: *тип* [по: Kamenetski 1971].

ЭМПИРИЧЕСКИЙ КЛАСС (как наблюдаемая эмпирическая категория)

Группа эмпирических типов (или *типов* и *форм*), обладающих определенными специфическими сходствами в своей родовой близости или в диагностических критериях [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

англ. – empirical class

КУЛЬТУРНЫЙ КЛАСС (как выводная культурная категория)

Группа типов (или *типов* и *форм*), как *эмпирических*, так и *культурных*, обладающих определенными специфическими сходствами в их выводных "употреблении", "функции" или технике производства [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

англ. – cultural class

КУЛЬТУР-КЛАСС (как категория культуры, выводная),

КОНФИГУРАЦИЯ

Объективированная культурная идея и/или "смысл", проявляющийся

Термины организации материала

в *классе*, как *эмпирическом*, так и *культурном* [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

англ. – culture class

ПОДКЛАСС

Подразделение *класса артефактов* или *комплексов* [Rouse 1972: 296].

англ. – subclass

НАДКЛАСС

Группировка *классов артефактов* [Rouse 1972: 297].

англ. – superclass

АРХЕОГРАММА

Любая описательная единица (entity) [Moberg 1970: 21].

Примечание: термин впервые предложен Мубергом.

англ. – archaeogram

КЛАСТР (*англ.* – cluster – сгущение, пучок)

Группа пространственно близких *археологических единиц*, внутренняя варибельность которых кажется схожей с таковой всей *популяции* [Sharer, Ashmore 1979: 560].

Примечание: в подавляющем большинстве случаев К. понимается в археологии так же, как и в математической статистике.

СИСТЕМА (от греч. *συστημα* – соединенное в одно целое)

1. Организация, которая функционирует через взаимозависимость ее частей [Sharer, Ashmore 1979: 569].

2. Взаимосвязанная сеть *признаков* или *сущностей*, формирующих *комплекс* в целом. Ансамбль признаков [Clarke 1968: 669].

Примечание: в археологии употребляются и такие термины, как "система признаков", "система типов", "система культур". Как правило, слово "система" в них имеет значение, близкое к обычному словоупотреблению, и подчеркивает то, что распределение объектов некоторым образом упорядочено. Кроме того, этот термин применяется для обозначения принятой общепалеонтологической периодизации, которую называют Системой трех веков или Системой Томсена-Ворсо. Эта периодизация была разработана в Дании к середине XIX в. и включала как свои основные подразделения каменный, бронзовый и железный века. Хотя сейчас общепалеонтологическая периодизация намного усложнилась, название сохранилось прежнее.

англ. – system; *фр.* – système; *нем.* – System

ИЕРАРХИЧНОСТЬ

Возможность рассматривать каждый компонент, составляющий *систему*, как своего рода подсистему, тогда как сама система в свою очередь является лишь компонентом некоей макросистемы [Массон 1975: 53; 1978].

КОРРЕЛЯЦИЯ (от лат. *correlatio* – соотношение)

1. Установление границ данного *признака* при помощи другого признака, который должен быть независим от первого и должен быть дискретным [по: Каменецкий и др. 1975: 24].

2. Усредненное соотношение между двумя или более *переменными*, каждая из которых представлена сериями измерений количественного характера [Clarke 1968: 665, 186, 567].

3. (В более широком смысле) взаимозависимость между двумя *переменными*, при которой изменениям одной переменной соответствует изменение другой наподобие математической функции, но не точно определяемой [Clarke 1968: 665, 186, 567].

англ. – correlation; *фр.* – corrélation; *нем.* – Korrelation

ПЕРЕМЕННАЯ

Любая величина или значение, которые изменяются, или величина, которая может принимать любое значение из определенного набора значений [Clarke 1968 p.670, 186].

англ. – variable

СУЩНОСТЬ

Взаимосвязанный ансамбль *признаков*, образующих сложное, но согласующееся и целостное единство на определенном уровне сложности. Специальный *класс систем* [Clarke 1968: 42, 666].

П р и м е ч а н и е: фактически сам Д.Кларк в своей книге использует понятие *С.* в более широком смысле, применяя его для общего обозначения всех основных археологических понятий. Это видно, например, из того, что он относит к "фундаментальным сущностям" *признак, артефакт, тип артефактов, комплекс, археологическую культуру и культурную группу* [Clarke 1968: 22].

Точного соответствия этому термину в русскоязычной археологии нет. Поэтому мы выбрали дословный перевод, хотя во многих случаях его лучше переводить как "явление", "объект", "понятие": в разных случаях по-разному.

англ. – entity

ВЕКТОР (от лат. *vectare* – нести, везти; *vector* – несущий, везущий)

Составная *сущность*, имеющая определенное число компонентов [Clarke 1968: 670].

англ. – vector

ПРОЦЕСС (от лат. *processus* – шествие вперед; продолжение)

Вектор, который описывает серии положений *сущности* или *системы*, подвергающихся длительным изменениям во времени и пространстве [Clarke 1968: 668, 42].

англ. – process

ФАЗА (от греч. *φάσις* – выявление, избличение)

1. Археологическая единица, являющаяся наименьшим таксономически однородным *набором состояний сущностей*, имеющая большее взаимное сходство внутри себя, чем за своими пределами; может быть выделена внутри минимального временного отрезка континуума *системы сущностей*. Приложима ко всем уровням археологических сущностей: от *признака* до *культурной группы* [по: Clarke 1968: 146, 667].

2. *Группа* археологических *комплексов*, объединяемых общими чертами [по: Binford 1965: 205; Willey and Phillips 1958; Rouse 1955].

3. *Компонент* или группа компонентов в ограниченном регионе или зоне, существующая короткий отрезок времени и обладающая достаточно характерными *модами* или *типами* для отличия ее от всех других подобных единиц [Swartz 1967: 490].

С. и б.т.: *фокус* [McKern 1939], *фация* [Heizer 1958].

англ. – phase

НАБОР

1. Собрание *признаков, сущностей* или *векторов*, которые называются элементами или членами набора [Clarke 1968: 82, 668].

2. Переменная составляющая *системы*. Отсутствие его элементов (всех или некоторых) в ячейках внутренней или внешней структуры не изменяет сути явления [Смирнов 1972: 349].

англ. – set

КОВАРИАЦИЯ

Совокупность продуктов отклонений двух *переменных* из *популяции сущностей* от их средних значений, разделяемых учитываемыми сущностями [Clarke 1968: 66, 567].

англ. – covariance

РЕГУЛЯРНОСТЬ (от лат. *regulo* – устраиваю, направляю)

Повторяющееся отношение (связь) между двумя или более *наборами*, когда они вынуждены изменяться под воздействием одного и того же фактора [Clarke 1968: 82, 668].

англ. – regularity

ТРАНЗИЦИЯ (от лат. *transitus* – переход)

Изменение, происходящее тогда, когда *признак*, *сущность* или *вектор* подвергаются воздействию некоторого фактора [Clarke 1968: 82, 669].

англ. – transition

ТРАНСФОРМАЦИЯ (от лат. *transformo* – превращаю, преобразую).

Набор изменений, или *транзиций*, вызываемый воздействием некоторого фактора на *признак*, *сущность* или *вектор* [Clarke 1968: 82, 669].

англ. – transformation

ТРЕНД

Непрерывное последовательное движение в сериях или рядах *состояний* – независимо от того, хронологические ли это серии, пространственные или абстрактные серии, включающие археологические данные [Clarke 1968: 186, 669].

англ. – trend (направление, тенденция, течение)

ТРАЕКТОРИЯ (от лат. *trajicio* – перемещаю, перебрасываю; *trajectus* – переход)

Ряд произведенных последовательными *трансформациями состояний признаков*, *сущности* и или *вектора* [Clarke 1968: 669].

англ. – trajectory

ТРАДИЦИЯ (от лат. *traditio* – передача; предание)

1. Археологическая единица, образующая общую *систему*, выражающую многолинейную временную *траекторию* археологической *сущности* [Clarke 1968: 186, 669].

2. Конфигурация черт, существующих длительный промежуток времени [Deetz 1967: 61].

3. Хронологическая непрерывность существования *модов* или *типов*, природа и условия нахождения которых позволяют предполагать их постепенное и последовательное развитие внутри узкой географической зоны [Swartz 1967: 491].

П р и м е ч а н и е: не следует смешивать понятие Т. в археологии и в культурологии или этнографии – в этих науках оно имеет совершенно иное содержание. «Культурная традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [Маркарян 1981: 80]. В известном смысле археологическая Т. связана с культурной Т. – однако связь эта носит чрезвычайно опосредованный характер.

англ. – tradition

4. Уровень признаков

СВОЙСТВО

Любая черта, любая характеристика, любое состояние, измерение, которые поддаются непосредственному наблюдению, – все, что может быть описано и зафиксировано в артефакте [Бочкарёв 1975: 36. Б.о.: Spaulding 1971; Swartz 1967; Lüning 1972; Rouse 1972; Массон, Бочкарёв 1978]. (рис. 3).

С. и б.т.: *признак*, черта, атрибут, характеристика

англ. – property, attribute, trait, feature;

фр. – attribut, propiëte, trait; *нем.* – Eigenschaft

ПРИЗНАК

1. Характеристика предмета с одной какой-либо стороны [Фёдоров-Давыдов 1970: 123].

2. Такое *свойство* предмета, объекта или памятника, которое может быть установлено объективным способом и описано конечным набором слов, цифр, условных знаков и графем [по: Шер 1970: 9. Б.о.: Каменецкий и др. 1975].

3. Черта, встречающаяся порознь от других черт в достаточно больших группах вещей [по: Маршак 1965: 308].

4. Дискретная характеристика, которая в комбинации с другими характеристиками дает предмету его отличительную *форму* [по: Deetz 1967: 46].

5. Минимальная характеристика, используемая как критерий для группирования артефактов в *классы* [Sharer, Ashmore 1979: 560].

6. Устойчивое, повторяющееся сходство *свойств* [по: Бочкарёв 1975: 40]. (рис. 3).

7. Результат аналитической кодификации реально существующих и точно измеренных вариаций внутри каждой специфической группы

изделий [Матюшин 1972: 337; 1976].

8. (В широком смысле) любая логически несократимая характеристика или свойство *системы*, имеющая два или более *состояний* (наличие/отсутствие), действующая как независимая *переменная* и принимаемая исследователем как значимая в рамках его исследования [по: Clarke 1968: 43, 665].

9. (В археологии) логически неразложимая характеристика двух или более *состояний*, действующая как независимая *переменная* внутри определенной *системы артефактов* [Clarke 1968: 139, 145, 186, 665]. (рис. 2).

10. Такая особенность, которая является результатом выбора мастера, делавшего данную вещь или основавшего традицию изготовления таких вещей [по: Маршак 1970: 26].

П р и м е ч а н и е : П. – одно из основных понятий археологической классификации, которое приобрело большое практическое значение, особенно в последние десятилетия, в связи с применением в археологии индуктивной процедуры классифицирования и точных методов. Термин П. употребляется как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле П. выступает как результат абстрагирования свойств артефакта. В широком смысле термин П. прилагается к любому археологическому явлению как его отличительная черта (характеристика).

Разделение на уровне элементов на эмпирически наблюдаемые "свойства" и абстрагируемые от них "моды" ("признаки") было предложено И.Раузом [Rouse 1972] и В.С.Бочкарёвым [1975].

С. и б. т.: *свойство*, черта, характеристика, атрибут.

англ. – attribute, trait; *фр.* – attribut, trait

КЛАССОДЕЛИТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Способность *признаков* или их сочетаний давать при группировании наилучшее распределение объектов по *группам* – чтобы сходство объектов внутри групп было наибольшим, а между группами наименьшим.

СМЫСЛ КОМПЛЕКСА ЧЕРТ

Ассоциации, которые какое-либо общество придает этому комплексу черт. (Такие ассоциации субъективны и часто неосознанны. Они находят лишь не прямое выражение в поведении и, таким образом, не могут быть установлены чисто объективными методами). [Linton 1936: 403-404 из: Taylor 1948: 118].

П р и м е ч а н и е : в археологии это понятие было заимствовано из культурной антропологии, по-видимому, У.Тэйлором. Сейчас для его обозначения обычно употребляют термины "Культурный смысл" и "*Культурное значение*". В археологии этому понятию придается чрезвычайно важное значение. Главная проблема и задача археологической классификации формулируется как задача выделения отыскания культурно значимых типов (см. культур-тип, культурный тип). Существует надежда, что, если правильно выделить культурные типы, то из них удастся сформировать такие АК, которые, несомненно, будут соответствовать каким-либо конкретным историческим общностям, удастся построить такие типологические ряды, которые будут соответствовать действительной эволюции древних общностей и т.п. Но поскольку культурный смысл приписывается разным объектам в каждом обществе и в каждом конкретном случае по-разному и с разной иерархией и т.п., и поскольку археологический материал – это всего лишь далеко не представительная выборка из полного набора существовавших в древности вещественных объектов, открытие культурно значимых черт (*признаков*), деталей (*модов*) и *типов* оказывается не под силу методам формально-логического классифицирования. Отсюда и возникает идея *типологии* как особого вида группирования без соблюдения формально-логических правил классифицирования и более адекватного объекту и задачам археологии.

В то же время, первоначальное содержание данного понятия в процессе его применения, на наш взгляд, существенно исказилось, произошло как бы его переосмысление с точки зрения сложившейся практики археологии. И хотя толкования культурного смысла почти повторяют определение Линтона и Тэйлора, практически под культурным смыслом или культурным значением понимается роль того или иного археологического объекта и в собственно археологических исследованиях (главным образом, в классификации), и в историко-культурной интерпретации. Он может определяться как количественно (см., например, *Вес признака*), так и качественно (см., например, *Руководящий тип*). И если тип, выделенный по какому-либо основанию, дает лучшую корреляцию с определенным культурно-историческим явлением, чем тип, выделенный по другому основанию, то первый тип будут называть более культурно значимым, чем второй.

С. и б.т.: культурный смысл, культурное значение, культурная значимость.

англ. – meaning of a trait complex, cultural meaning, meaning, cultural significance

ВЕС ПРИЗНАКА

Значение *признака* для цели данного исследования [по: Шер 1970: 11. Б.о.: Подольский 1972: 306; Каменецкий и др. 1975: 72].

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПРИЗНАКА

Способность *признака* (его значений) нести информацию о значениях других признаков [по: Фёдоров-Давыдов 1981: 278].

СОСТОЯНИЕ

Определенное значение *признака* или определенные значения *набора* признаков в *системе* [Clarke 1968: 42, 668].

Примечание: сам Д.Кларк применяет понятие *S*. к любой *сущности*, которая может иметь два или более значений.

англ. – state

СОСТОЯНИЕ ПРИЗНАКА

Альтернативные значения или качества *признака*, которые могут быть найдены в данном пространстве признаков [Clarke 1968: 145, 186, 669].

Б.т.: значение признака.

англ. – attribute state

НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие, которые не имеют значения (нерелевантны) в рамках данного исследования и которые, следовательно, не фигурируют в *системе* как определяющие, и такие, которые всегда постоянны [Clarke 1968: 137].

англ. – inessential attributes

СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие *переменные*, которые являются частью значимой (релевантной) системы и значения или *состояния* которых могут меняться как часть меняющейся *системы* [Clarke 1968: 137].

англ. – essential attributes, relevant attributes

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие коррелированные *кластеры признаков* в *системе*, чьи последовательные значения или *состояния* согласованно изменяются (ко-варируют) в какой-либо определенной связи с последовательными значениями других сходных признаков [Clarke 1968: 137].

англ. – key attributes

ВНУТРЕННИЕ ПРИЗНАКИ

Признаки объектов, относящиеся к их материалу, форме, пиктографическим знакам на них и т.п. [по: Гарден 1983: 118-119].

фр. – attributs intrinseques

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ

Признаки объектов, относящиеся к их датировке, происхождению, назначению и т.п. [по: Гарден 1983: 118-119].

Б.т.: контекстуальные свойства [Бочкарёв 1975: 36].

фр. - attributs extrinseques

КАЧЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК

П., который определяет свойство предмета или явления путём простой фиксации наличия или отсутствия этого свойства [Каменецкий и др. 1975: 20].

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК

П., где присутствует уже указание на количество данного свойства [Каменецкий и др. 1975: 20].

ДИСКРЕТНЫЙ ПРИЗНАК

П., который не может принимать промежуточные по отношению к указанным значения (наконечник стрелы не может иметь 2,5 лопасти) [Каменецкий и др. 1975: 21].

НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРИЗНАК

П., который может принимать любые значения [по: Каменецкий и др. 1975: 21].

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

П., который позволяет нам различать предметы или явления [Каменецкий и др. 1975: 26].

НЕДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

П., который не позволяет нам различать предметы или явления, хотя и характеризует этот предмет или явление с какой-то стороны [по: Каменецкий и др. 1975: 26].

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ПРИЗНАК

П., который в принципе не может быть расчленен (например, диаметр венчика сосудов) [по: Каменецкий и др. 1975: 30].

СЛОЖНЫЙ ПРИЗНАК

П., который при необходимости может быть заменен двумя или

большим числом более дробных признаков [Каменецкий и др. 1975: 30].

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Признаки или их значения, которые взаимоисключают друг друга и не могут встречаться вместе на одном предмете (например, наконечник стрелы не может иметь одновременно два или три пера) [по: Каменецкий и др. 1975: 32].

СОВМЕСТИМЫЕ ПРИЗНАКИ

Признаки или их значения, которые могут сочетаться на одном предмете [по: Каменецкий и др. 1975: 32-33].

НЕЗАВИСИМЫЕ ПРИЗНАКИ

Признаки, присутствие или значения одного из которых на объекте полностью не зависят от присутствия или значения другого на этом же объекте [по: Каменецкий и др. 1975: 33].

КОРРЕЛИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ

Признаки, присутствие или значения одного из которых на объекте в той или иной степени зависят от присутствия или значений другого на этом же объекте [по: Каменецкий и др. 1975: 33].

НОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Определяющие «имя» объекта, когда иерархия *признаков* принципиально не определима [Белецкий, Лесман 1982: 137].

РАНГОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие, когда значение *признаков* может быть иерархически упорядочено, но значение ранга остается неизвестно [Белецкий, Лесман 1982: 137].

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

Любая объективно регистрируемая физическая деталь или *свойство артефактов*, с помощью которой может быть показано их сходство или несходство [по: Malmer 1962: 50-51; 1963 S. 24-25; 1970: 44].
С. и б.т.: морфологическая черта [Cullberg 1968], *признак*.

НЕЗАВИСИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Элемент, который не зависит от всех других элементов – как от их существования, так и от их качества [Malmer 1970: 44].
англ. – independent element

ФОРМО-ПРИЗНАКИ

Признаки, основанные на физических характеристиках *артефакта*, включая общую *форму*, форму частей и измеримые величины [Sharer, Ashmore 1979: 563].

англ. – form attributes

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Элементы технологической целесообразности, оптимальный технологический вариант [по: Медведев 1975: 36].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

П., содержащие характеристики сырьевого материала и характеристики, являющиеся результатом методов изготовления [Sharer, Ashmore 1979: 569].

англ. – technological attributes

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

П., определяемые внешними характеристиками *артефактов* – цветом, текстурой, декором и т.д. [Sharer, Ashmore 1979: 569].

англ. – stylistic attributes

ТИПООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

1. Некоторые из *формообразующих* плюс "второстепенные", субъективно обуславливающие специализацию (этнического и др. характера); такие признаки не влияют на целесообразность, хотя в момент появления были технологически целесообразными [по: Медведев 1975: 36].

2. П., обладающие большой информативностью и средним коэффициентом неравномерности; определяют наиболее важные изменения внутри *категории*: образуют структурные ядра взаимосвязанных значений признаков [по: Фёдоров-Давыдов 1979: 84].

МЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Количественные *признаки*, которые образуют непрерывную плавную изменчивость и требуют квантификации материала, т.е. наложения условных произвольно градуированных шкал на континуум материала для фиксации конкретных значений [Каменецкий 1978: 17-18].

УСТОЙЧИВОЕ СОЧЕТАНИЕ ПРИЗНАКОВ

Сочетание, дающее наибольшую повторяемость [по: Каменецкий и др. 1975: 106].

ТИПООБРАЗУЮЩИЙ НАБОР ПРИЗНАКОВ

1. *Класс* или *набор признаков* (атрибутов), служащий в кластерном анализе для кодификации внешних вариаций внутри определённой *группы артефактов* [Sackett 1966: 359].

С.: система признаков (*англ.* – attribute system) [там же].

2. *Политетический набор* разных *признаков*, постоянно находимых вместе на артефактах внутри *популяции артефактов* [Clarke 1968: 145, 186, 665].

С.: комплекс признаков (*англ.* – attribute complex) [там же].

УСТОЙЧИВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ФОРМЫ (УРФ)

Группа предметов, описываемая через статистически устойчивый пучок одинаковых значений одних и тех же *признаков* (насколько возможно для различения – немногочисленных) [Деопик 1977: 4].

МОД (*англ.* *mode* – вид, модификация)

1. Любой *признак артефакта*, который кажется исторически значимым; причем в моды включаются и те признаки, которые описывают приемы производства [по: Rouse 1939: 12].

2. Любой стандарт (норма), идея или обычай, который обуславливает поведение мастеров некоего коллектива и который может передаваться от поколения к поколению и от коллектива к коллективу ... Такие моды могут отражаться в *артефактах* как *признаки* [Rouse 1960: 313].

3. *Признак* с особым значением, так как он отделяет один *тип* от другого [Sharer, Ashmore 1979: 565; Rouse 1970].

4. Конфигурация (патерн) *признаков*, которая была произведена в соответствии со стандартами, обычаями и верованиями древних мастеров [Rouse 1970: 10-11; 1965].

5. Образец (патерн) *признаков*, который отличает группу *свойств артефактов*, например, таких как профили венчиков, и является ее определителем как класса. (*Класс* свойств – это объективная единица, состоящая из сходных свойств конкретных предметов, в то время как мод является абстракцией на основе этих свойств) [Rouse 1972: 283, 57].

6. *Свойство*, которое является диагностическим хронологически-пространственным индикатором, независимо от того, имеет ли оно культурное значение (см. Смысл) или нет [по: Swartz 1967: 489].

Б.т.: отличительный признак (*англ.* – character) [Krieger 1944].

ВНУТРЕННИЙ МОД

Мод, который выражает собственную природу *класса свойств*; он говорит о том, какие свойства в классе сходны [Rouse 1972: 57, 338, 283].

Б.т.: *внутренний признак*.

англ. – intrinsic mode

ВНЕШНИЙ МОД

Мод, который выражает способ изготовления или использования *свойств*; он включает как технику производства, так и функцию, которые могут быть выведены из свойств [Rouse 1972: 57, 238, 283]

Б.т.: *внешний признак*.

англ. – extrinsic mode

КОГНИТИВНЫЙ МОД

Образец (патерн) *признаков*, которые люди используют для отличия *классов свойств* среди своих собственных *артефактов* [Rouse 1972: 283, 57, 238].

англ. – cognitive mode

МОН

Идея преобразования материи (по аналогии с "модами" Рауза и "монадами" Лейбница). Задается же мон согласно основному его содержанию – описанием *артефактов*, которые он определяет [Ковалёв 1987: 39].

ФАКТЕМА

Минимальный *класс признаков*, который влияет на функциональное значение *артефакта* (например, зазубривание продольных краев наконечника стрелы) [Deetz 1967: 89].

англ. – facteme

ФОРМЕМА

Минимальный *класс объектов*, которые имеют функциональное значение (например, стрела – комбинация пяти формем: древко, наконечник, перья, вяжущее вещество крепления, оформление древка) [Deetz 1967: 90].

Б.т.: *мерон, мод*, рабочий элемент [Коробков, Мансуров 1972].

англ. – formeme

МОРФЕМА

Реальная категория, отражающая на разных таксономических уров-

нях традиционно значимые моменты для достижения определенных целей ... (Проявляется по-разному на разных ступенях развития вещи в ее функционировании и может характеризовать как отдельную вещь или *тип* вещей, так и традиции материальной культуры коллектива людей, в которых они существовали) [Синицын 1977: 163].

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ФОРМА (как наблюдаемая эмпирическая категория). Сумма и расположение составляющих археологические проявления химико-физических частей вместе с их эмпирическими сходствами; те аспекты явления, выражение которых может прямо наблюдаться, и, которые, таким образом, могут быть использованы археологом как эмпирические данные [Taylor 1948: 117]. (рис. 1).

КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА (как выводная культурная категория) "Применение" и "функция" и/или техника производства (или часть из этого), насколько это можно вывести из эмпирических данных (*эмпирической формы*) [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

КУЛЬТУР-ФОРМА (как категория культуры, выводная), МОД. Культурная идея, культурная черта (как категории культуры), объективированная в индивидуальном проявлении; также "смысл", проявляемый в этом [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

ПАРАМЕТР (от греч. *παράμετρον* – отмеривающий)
Числовая характеристика *популяции* [Clarke 1968: 667].
англ. – parametr

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РУДИМЕНТ

1. Такая деталь вещи, которая первоначально имела практическую функцию, однако позже ее утратила и продолжает существовать в виде орнамента [Montelius 1903 по: Монгайт 1973: 32].

2. Выражающаяся внешне (в форме или материале) деградация первоначального назначения *признака* (или *мода*).

Примечание: ТР. используется как одно из основных средств построения и ориентирования *типологических рядов* (см. Типологический метод).

5. Уровень типов

СТИЛЬ (от лат. *stilus* – палка, палочка-инструмент для письма; позже – литературный слог)

1. В большинстве случаев сходство *типов* между собой по ряду *признаков* [Lüning 1972: 166].
2. Обозначает те формы, которые лишены опознавательной важности для естественного отбора [Dunnell 1978: 199].
англ. – style; *фр.* – style; *нем.* – Stil

СТИЛИЗАЦИЯ

Ослабление изобразительной функции без потери узнаваемости детали или объекта в целом [Каменецкий и др. 1975: 68].

ТИП (от греч. *τύπος* – отпечаток, след; очерк, очертание).

1. Такие произведения человеческого труда, которые по всем существенным *признакам* схожи и имеют общее происхождение [по: Montelius 1891: 1].
2. Собрание предметов, одинаковых по назначению, веществу и форме [Городцов 1927: 6].
3. *Группа* предметов одной *категории*, неразличимых в пределах некоторых допущений по форме [Фёдоров-Давыдов 1970: 126. Б.т.: Григорьев 1972; Heizer 1967].
4. *Группа артефактов*, обнаруживающая *устойчивое сочетание признаков*, чьи *свойства*, взятые вместе, дают характерный образец, и отличающаяся от других групп артефактов [по: Spaulding 1953: 305. Б.о.: Спицын 1898; Childe 1956; Deetz 1967; Hill and Evans 1972; Lüning 1972; Фёдоров-Давыдов 1979].
5. *Устойчивое сочетание признаков*, отличное от других устойчивых сочетаний признаков [Лебедев 1972: 3. Б.о.: Rouse 1939; Angeli 1958; Chang 1967; Алексеева 1970а; Каменецкий 1970; Деопик 1972; Бочкарёв 1973; Массон 1974; Каменецкий и др. 1975; Фёдоров-Давыдов 1981].
6. Такая разновидность археологического материала, в котором *типобразующие признаки* соединены между собой связями с высокими показателями сопряженности [Фёдоров-Давыдов 1981: 268].
7. Однородная *популяция артефактов*, определяемая последовательно повторяющимся рядом *состояний признаков*, внутри данного *политетического набора*. Уровень сходства, возможно, 30-60%, выделяющий популяцию как единое целое [Clarke 1968: 188, 669]. (рис. 2).
8. *Устойчивая разновидность формы* с частотой употребления для данных изделий в *комплексе* не менее 2% и не менее 20 предметов [по: Деопик 1977: 4].
9. Связанный *набор* повторяющихся *свойств артефактов*, служащий диагностическим хронологически-пространственным индикатором

независимо от того, обладает ли он культурным значением или нет (см. Смысл) [по: Swartz 1967: 490. Б.о.: Ritchie and McNeish 1949].

10. Орудие с намеренными и повторяющимися характеристиками [Tixier 1967: 812 из: Sonnevillе-Bordes 1975].

11. Периодически повторяемая связь между орудиями [Синицын 1977: 163].

12. Сумма объектов с определёнными общими свойствами..., а также... собрание объектов, соответствующих конкретным историческим ситуациям, которые сходны в существенных отношениях [Malmer 1962: XXXV].

13. Определенный набор *параметров* и указаний [по: Генинг 1973: 116].

14. Понятие Т. может быть отображено как пересечение подмножеств, заданное на универсальном пространстве *признаков* [Колчин и др. 1970: 6].

15. *Класс* данных, определенный последовательным кластеризованием *признаков* [Sharer, Ashmore 1979: 570].

16. Серия – ряд разновременных вариантов, очень близких по всей сумме *признаков* и обычно представлявших собой последовательное развитие одного и того же *типа* [Амброз 1966: 122. Б.о.: Арциховский 1930; Брюсов, Зимина 1966].

17. *Система признаков*, обладающая свойствами целостности, структурности, иерархической организации, принципиальной относительности и состоящая из признаков четырех уровней: функциональных, конструктивных (декоративных, семантических) [по: Лебедев 1979: 80].

18. *Набор признаков* с отсутствием прочных корреляционных связей (см. Корреляция) между ними (чем Т. отличается от *системы*), где формально-морфологические признаки подчинены признакам-условиям, обеспечивающим стабилизацию Т. и его отличие от изофункционального, равноценного ему Т. [по: Чеснов 1979: 191-192].

19. Абстрактный "наименьший-общий-знаменатель", среднее, *мод* или *смысл* эмпирически схожих и ассоциирующихся *артефактов* [Taylor 1948: 119].

20. Конфигурация (патерн) *признаков*, которая отличает *группу артефактов* и определяет ее как *класс* [Rouse 1972: 300].

21. Результат идеализации (абстрагирования, суммирования, усреднения) *артефактов* предположительно одного назначения, объединяемых по их сходствам между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения [Клейн 1979: 62].

22. *Класс* формальных вариаций, который, в известном смысле, считается культурно значимым. Он представляет морфологический образец, который сразу может рассматриваться и как физическое множество объектов, или *группа артефактов*, и как конфигурация внешних элементов, или *кластер признаков* [Sackett 1966: 356].

23. Стандартизованное орудие, которое есть само по себе ископаемое понятие, так как в нем воплощена идея, выходящая за пределы не только каждого индивидуального момента, но и каждого отдельного индивида, – это понятие социальное: воспроизвести образец – значит знать его, а это знание сохраняется и передается обществом [по: Childe 1957: 30].

24. Варьирующая и развивающаяся во времени *система*, характеризующаяся устойчивым повторением сочетания *признаков* у входящих в нее предметов или объектов, обособленность которой от других аналогичных систем осознавалась производителями и потребителями этих предметов или объектов [Каменецкий 1972: 355; 1971].

25. Близкие по форме предметы, связанные родством происхождения и отражающие реальные культурно-исторические традиции единого порядка [Рябинин 1981: 10].

26. Любая *группа*, охватывающая материал, который может быть представлен как состоящий из индивидуальных вариаций при реализации определенной конструкционной идеи [Krieger 1944: 272 из: Taylor 1948].

27. Конфигурация (патерн) *признаков*, которая была произведена в соответствии со стандартами, обычаями и верованиями древних мастеров [Rouse 1970: 10-11].

Примечание: в качестве термина слово "тип" было заимствовано культурной антропологией из биологии и антропологии. В 1865 г. Э.Тайлор сформировал понятие этнографического типа на базе среднего значения массы индивидуальных проявлений изменчивости культурных объектов [Tylor 1865, 1881]. В археологии термин "тип", по-видимому, впервые стал употребляться среди ученых, окружавших Р.Вирхова, во второй половине XIX в., покрывая почти весь спектр значений, сформировавшихся тогда в биологии, антропологии и культурной антропологии. Однако уже к концу XIX в. под влиянием работ О.Монтелиуса [Montelius 1885, 1891, 1900, 1903] применение этого термина сузилось и было привязано к разделению среди функционально однородных предметов. Для О.Монтелиуса типы являлись средством установления относительной хронологии с помощью *типологического метода* [по: Klejn 1982].

В современной археологии понятие Т. значительно усложнилось и выступает в различных аспектах и модификациях, у разных авторов по-разному. В зависимости от объективных свойств конкретного археологического материала, задач исследования и процедуры выделения типов получаются – в некотором смысле – типы разного качества с различными познавательными возможностями.

С. и б.т.: *класс*, вид, *группа*, *категория*, раздел, разновидность
англ. – type; фр. – type; нем. – Тур

КУЛЬТУРНЫЙ ТИП

1. Материальная объективация "мысленных шаблонов" и подсознательных стереотипов поведения древней человеческой группы и, следовательно, ближайшее соответствие этим шаблонам и стереотипам [по: Клейн 1979: 56].

С.: *культур-тип*, *архетип*, реальный тип, естественный тип, исторический тип.

2. Пробный гипотетический *класс*, который должен пересматриваться, корректироваться и расширяться время от времени по мере накопления фактов ... Это категория, находящаяся в процессе формулировки, а не фиксированный стандарт [по: Shepard 1956: 309, 315 из: Doran and Hodson 1975].

3. (Как выводная культурная категория) – *Группа* проявлений, обладающих определенными специфическими сходствами в своих выводных "употреблении", "функции" и/или технике производства [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

англ. – cultural type

КУЛЬТУР-ТИП (как категория культуры, выводная), АРХЕТИП.

Объективированная культурная идея и/или "смысл", проявляющийся в одном *типе*, как *эмпирическом*, так и *культурном* [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

англ. – culture type

КОГНИТИВНЫЙ ТИП

Конфигурация (патерн) *признаков*, которую люди используют для категоризации своих собственных *артефактов* и отнесения их к какому-либо *классу* [Rouse 1972: 300, 52, 167, 238].

С.: эмный тип [там же], *архетип*, *культурный тип*.

англ. – cognitive type

ВНУТРЕННИЙ ТИП

Конфигурация (патерн) диагностических *признаков*, получаемая с помощью классифицирования *артефактов* на основании *свойств* всех видов для того, чтобы получить выражение собственной природы артефактов [Rouse 1972: 300, 50, 167, 238].

С.: дескриптивный тип, этный тип, морфологический тип, естественный тип, фенетический тип [там же], *эмпирический тип*.
англ. – intrinsic type

ВНЕШНИЙ ТИП

Конфигурация (патерн) диагностических *признаков*, получаемая с помощью классифицирования *артефактов* на основании выбранных видов *свойств*, таких как характер отошителя, профили венчиков и орнаментальные мотивы, для того, чтобы выявить стилистическое, хронологическое, функциональное или эволюционное значение артефактов [Rouse 1972: 300, 51-52, 167, 238].

С.: эмный тип, *функциональный тип*, исторически-указательный тип [там же].
англ. – extrinsic type

ОСТЕНСИВНЫЙ ТИП

Т., дефинированный через как можно более широкий спектр *признаков* на первом этапе выделения типов [по: Doran and Hodson 1975: 166-167. Б.о.: Childe 1956].

С. и б.т.: гипотетический тип, предварительный тип, *эмпирический тип*, аналитический тип.
англ. – ostensive type

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ТИП (как наблюдаемая категория).

Группа проявлений, обладающая определенными специфическими сходствами в своей родовой близости и/или составных частях, или абстрагированный из них идеал (т.е. нечто среднее) [Taylor 1948: 116]. (рис. 1).

С.: морфологический тип [Steward 1954], дескриптивный тип [Rouse 1960], аналитический тип [Rouse 1970], *внутренний тип* [Rouse 1972].

англ. – empirical type

УСЛОВНЫЙ ТИП

Т., очерченный наложением на материал искусственной, но четкой сети рубежей, произвольно выбранных и условно оцененных или даже искусственно нарезанных [по: Клейн 1979: 58].

РУКОВОДЯЩИЕ ТИПЫ

Т., посредством которых АК может быть опознана и отличена от других. Такие типы должны: 1) давать возможность наглядного определения; 2) обязательно соотноситься (связываться) с двумя или более подобным же образом определенными типами; 3) распределяться в соответствии с определенной моделью [по: Childe 1956: 34, 126].

С. и б.т.: тип-определитель, диагностический тип, руководящее ископаемое.

англ. – type-fossil, index-type, time-marker

фр. – index-fossile, fossile-directeur

нем. – Leittypen, Leit-Fossilien

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

1. Сформированный из стилистических (см. Стиль) *признаков* и поэтому особенно полезный для различения народов и периодов [по: Steward 1954 из: Rouse 1970: 10].

2. Т., сформированный для установления различий во времени и пространстве [Rouse 1960: 318].

С. и б.т.: преисторический тип [Rouse 1970], исторически-указательный тип [Steward 1954].

англ. – historical type, historical index type

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ТИПЫ

Отношение (связь), существующее между последовательными и побочными *состояниями типов* из одной *траектории* многовариантных типов *артефактов* [Clarke 1968: 229, 669].

англ. – transform types

НЕЗАВИСИМЫЕ ТИПЫ

Отношение (связь), существующее между *типами артефактов* или *состояниями типов*, которые не *трансформируются* из одной *траектории* типов артефактов [Clarke 1968: 229, 667].

англ. – independent types

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП

Т., сформированный из *признаков*, определяющих использование *артефактов*, и служащий, таким образом, для реконструкции деятельности, в которой артефакты этого типа использовались [по: Steward 1954 из: Rouse 1970: 10].

С. и б.т.: *категория*, рациональный тип [Вакка 1968].

англ. – functional type

ФОРМО-ТИПЫ

Классы артефактов, основанные на формо-признаках [Sharer, Ashmore 1979: 563].

англ. – form types

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Класс артефактов, основанный на технологических признаках [Sharer, Ashmore 1979: 569].

англ. – technological type

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ТИП

Класс артефактов, основанный на стилистических признаках [Sharer, Ashmore 1979: 569].

англ. – stylistic type

ЯДРО ТИПА

Некоторая средняя величина, вокруг которой вариации реальных *артефактов* образуют *кластеры* (сгущаются) [по: Ford 1954: 54 из: Doran and Hodson 1975].

ТИПООБРАЗУЮЩИЕ СВЯЗИ

Связи между значениями *признаков* внутри *ядра типа*; выделяются при исследовании взаимовстречаемости значений с применением коэффициента "связи" или сопряженности" [по: Фёдоров-Давыдов 1981: 283; 1970].

СТРУКТУРА ТИПА

Совокупность формирующих *тип признаков* и связей между ними.

Б.т.: *тип как система признаков.*

"СИЛЬНЫЙ" ТИП

Разновидность, имеющая полностью связанное ядро (см. Ядро типа) *типообразующих признаков*, где количество *типообразующих связей* максимально, и между значениями других (вариантных) признаков у них нет отрицательных связей [Фёдоров-Давыдов 1981: 284; 1979].

"СЛАБЫЙ" ТИП

Разновидность, которая имеет не полностью связанное ядро (см. Ядро типа), т.е. количество *типообразующих связей* составляет не менее 2/3 максимального, даже если между вариантными *признаками* есть отрицательные связи [Фёдоров-Давыдов 1981: 284; 1979].

МАССОВЫЙ ТИП

Составляет не менее 1,5% от всего количества объектов данной *категории* в данном *комплексе* [по: Фёдоров-Давыдов 1979, 1981].

РЕДКИЙ ТИП

Составляет менее 1,5% от всего количества объектов данной *категории* в данном *комплексе* [по: Фёдоров-Давыдов 1979].

НЕТИПИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

Т., в типобразующем ядре (см. Ядро типа) которого не менее 2/3 *типобразующих связей* [по: Фёдоров-Давыдов 1979].

КОНЕЧНЫЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЯД (КТР)

Группировка близких по основным морфологическим *признакам* предметов, которая является для нас основной и неделимой при всех сравнительных операциях; рабочее подразделение чисто классификационного характера [по: Черных 1970а: 134; 1970б: 53].

ПОДТИП

1. Конфигурация (патерн) *признаков*, которая отличает подразделение *класса артефактов* и определяет его как подкласс [Rouse 1972: 297].

2. Однородная субпопуляция (см. Популяция) *артефактов*, которая определяется данным поднабором (см. Набор) внутри отдельного *политетического* набора *признаков* данного *типа*. Субпопуляция с уровнем сходства внутри себя 60-90% [Clarke 1968: 198, 229, 669].

3. Низшая из возможных классификационных единиц в общей *классификации*, учитывающей отношение к АК и памятнику; подразделение, характеризующее какую-то часть культуры – территориальную или хронологическую [по: Деопик 1977: 5, 7].

С.: *вариант типа*, субтип.

англ. – subtype

ВАРИАНТ ТИПА (от лат. *varians* – изменяющийся)

1. Второстепенные изменения внутри *категорий* и *типов* [Фёдоров-Давыдов 1979: 84. Б.о.: Алексеева 1970; Мелконян 1978].

2. Серия предметов с общим (или общими) *признаком*, не учтенных на уровне *типа*: такие серии отражают определенный этап в развитии типа, в ряде случаев заключая в себе информацию о более узком, локальном районе изготовления отдельной группы предметов [Рябинин 1981: 11].

3. Подотдел типа, выделяемый по особенностям частной морфологии [по: Матюшин 1975: 11].

4. Подотдел *типа* с очень малым числом входящих в него *типологических элементов* [Malmer 1962: XXV].

С.: *подтип*, субтип.

англ. – variety

НАДТИП

1. Конфигурация (паттерн) *признаков*, которая отличает *группу классов* и определяет ее как *надкласс* [Rouse 1972: 297].

2. *Устойчивая разновидность формы*, которая не стала *типом*, но характеризует *группу культур* или еще большую совокупность вместе с выделенными на том же уровне типами и отдельно [по: Деопик 1977: 5].

англ. – supertype

КАЧЕСТВО ТИПА

Присущий порядок расположения (элементов). Набор образцов поведения, преобладающих в системе деятельности, который с точки зрения и в рамках проводимого исследования заметно отличается от других таких наборов [по: Chang 1967: 79-80].

англ. – quality of a type

ТИПИЧНЫЙ АРТЕФАКТ

Любой *артефакт*, выбранный для того, чтобы служить стандартным представителем *класса* при *идентификации* новых артефактов [Rouse 1972: 301, 45].

англ. – type artifact

КАТЕГОРИЯ (от греч. *κατηγορία* – букв.: обвинение; суждение, определение)

1. *Группа* предметов, неразличимых между собой по их функциональному назначению, свободно друг друга заменяющих при употреблении их в деле [Фёдоров-Давыдов 1970: 126. Б. о.: Городцов 1927; Фёдоров-Давыдов 1979].

2. Высшая единица системы *классификации*, определяющим признаком для выделения которой служат дискретные *свойства* находок, т.е. материал: камень, керамика, кость, металл, дерево и др. [по: Матюшин 1975: 11; 1976].

С.: *функциональный тип*, функциональная группа.

6. Комплекс и его разновидности

АССОЦИАЦИЯ (от лат. *associetas* – сообщество, соединение)

Распространение отдельных археологических предметов, соседствующих с другими в одной и той же *матрице* [Sharer, Ashmore 1979: 560].

англ. – association

КЛАСТР ДАННЫХ

Археологические данные, найденные в *ассоциации* и в *первичном контексте* и используемые для определения ареалов и видов древней деятельности [Sharer, Ashmore 1979: 561].

англ. – data cluster

ОТКРЫТАЯ АССОЦИАЦИЯ

Связь двух или более предметов, найденных вместе, для которых их совместное выпадение в отложения только предполагается, но не может быть доказано [по: Bray, Trump 1979: 25].

англ. – open association

ПОДЛИННАЯ, или ЗАКРЫТАЯ АССОЦИАЦИЯ

Связь двух или более предметов, найденных вместе, для которых может быть доказано их совместное выпадение в отложения [по: Bray, Trump 1979: 25].

англ. – genuine association, closed association

КОМПЛЕКС (от лат. *complexes* – связь, схватывание, соединение)

1. *Группа артефактов* и других объектов, найденных в ограниченном локусе и составляющих одно функциональное целое, определяемое не только суммой артефактов, но и характером взаимосвязей между его отдельными компонентами [по: Бочкарёв 1975: 37]. (рис. 3).

2. (*англ.* *assemblage*) Остатки, которые объединяются в единое целое, потому что они найдены вместе, а не потому что они сходны, как в случае объединения в *класс* [Rouse 1972: 264].

3. (*англ.* *assemblage*) Большая группировка всех *субкомплексов*, полагаемых представляющими сумму человеческих действий, осуществленных внутри одной древней общины [Sharer, Ashmore 1979: 560].

4. Совокупность археологических материалов [Захарук 1964: 17].

5. Совокупность различных *признаков* [Фёдоров-Давыдов 1970: 125].

6. Памятник той или иной культуры [Каменецкий и др. 1975: 16].

7. (англ. complex) Произвольная хронологическая единица, определяемая для категорий данных, таких как *индустрия артефактов*, и используемая в культурно-исторической интерпретации [Sharer, Ashmore 1979: 561].

8. (англ. assemblage) Связанный *набор* одновременных *типов артефактов*; должен строго отделяться от расплывчатых физических или географических совокупностей [Clarke 1968: 665]. (рис. 2).

9. (англ. complex) Периодическая конфигурация *элементов* или *сущностей* внутри более широкой *системы* [там же].

10. Хронологически-пространственно упорядоченная археологическая коллекция; подразделение *фазы*, обладающее некоторым общим кодом [Swartz 1967: 491].

Пр и м е ч а н и е : одно из фундаментальных понятий археологии, имеющие различные спецификации. Необходимо различать комплексы-реалии и комплексы-абстракты (*ассоциации*), хотя терминологически это разделение сейчас оформлено не строго. Первые – это эмпирически данные нам в наблюдении сочетания объектов, естественно отграниченные каким-либо образом от других аналогичных сочетаний, например, *артефакт*, погребение, клад, поселение. Для общего обозначения таких К. употребляют названия "натуральный", "конкретный", "реальный" и т.п. Вторые – это сконструированные исследователем (разумеется, на основе наблюдаемых в конкретном материале связей) сочетания археологических объектов, например, *тип* как К. (или *система*) *признаков*. Подобное понимание К. отражают приведенные здесь определения Д.Кларка. Такие К. называют "аналитическими".

Производят также ранжирование комплексов по степени их относительной сложности, на основе включения одного К. в другой. Например, простой К. – погребение, К. комплексов – курган, мегакомплекс – могильник, К. мегакомплексов – поселение и его могильники [см. Бочкарёв 1975].

англ. – complex, assemblage; фр. – complexe

ЗАМКНУТЫЙ КОМПЛЕКС

1. Сумма предметов, найденных в положении, позволяющем судить о том, что они были захоронены одновременно [Montelius 1903: 3. Б.о.: Виноградов 1972; Бочкарёв, Трифионов 1980].

2. *Группа* предметов различных *типов*, найденных в *закрытой ассоциации* друг с другом, т.е. таких, для которых может быть доказано их совместное выпадение в отложения [по: Bray, Trump 1979: 24-25].

3. Такой, в который предметы попали одновременно, что гарантируется его надежной изолированностью, и независимый от нас [по: Каменецкий 1970: 83-84].

4. *Комплекс*, который рассматривается как результат одного действия, одного события, одного момента [по: Бочкарёв, Трифонов 1980: 15].

С.: закрытый комплекс, *комплекс*.

Примечание: как видно из приведенных определений, существует два близких понимания ЗК.: как группы одномоментно (в результате одного события) отложившихся (упокоенных) предметов и как группы одновременно отложившихся предметов. Это несущественное различие приводит к разному разделению комплексов на замкнутые и открытые. В первом случае разделение зависит только от обстоятельства выпадения предметов в отложения и от нашей возможности это доказать. Наиболее распространенными примерами таких ЗК. являются погребения и клады разового накопления. Во втором случае разделение на замкнутый и открытый комплексы зависит не только от объективных обстоятельств (длительности процесса упокоения), но и от используемых минимальных интервалов времени, определяемых задачами и условиями исследования. Один горизонт культурного слоя поселения может рассматриваться как ЗК., если его датировка уже других датировок, используемых в исследовании, и как открытый комплекс, если длительность его отложения превышает интервалы других датировок. Видимо, в связи с этим появилось понятие *полузамкнутого комплекса*.

англ. – assemblage; *нем.* – sicherer Fund, geschlossener Fund

ОТКРЫТЫЙ КОМПЛЕКС

1. *Комплекс*, для которого одновременно попавших в него предметов проблематично; неизолированный; в какой-то степени создается исследователем [по: Каменецкий 1970: 83-84].

2. *Комплекс*, в который предметы помещаются в существенно различные промежутки времени [по: Бочкарёв, Трифонов 1980: 15].

3. *Комплекс*, который рассматривается как результат ряда действий, ряда событий, ряда моментов [по: Бочкарёв, Трифонов 1980: 15].

С.: незамкнутый комплекс.

ПОЛУЗАМКНУТЫЙ КОМПЛЕКС

Совокупность *артефактов*, связанных совместным нахождением и обстоятельствами, с непреложностью говорящими об участии этих артефактов в одном и том же процессе жизнедеятельности какого-

либо конкретного подразделения общества, который привел к их отложению.

Примечание: обычно, в зависимости от задач исследования, может рассматриваться и как *замкнутый комплекс*, и как *открытый комплекс*.

С.: полузакрытый комплекс, полуоткрытый комплекс.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ

Как можно более полный набор остатков жизни и деятельности конкретной первобытной общины, представленных на ее поселении и связанном с ним могильнике [по: Захарук 1964: 18-22].

С. и б. т.: округа, резиденция – locality (Phillips and Willey 1953).

КОМПОНЕНТ (от лат. *componens* – составляющий)

1. Проявление любого данного *фокуса* на определенном местонахождении [McKern 1939: 508 из: Swartz 1967].

2. *Ассоциация кластера модов* или *группы типов* в геологическом контексте одного местонахождения [Swartz 1967: 490].

С. и б.т.: поселение (*англ.* – settlement, occupation)

англ. – component

ПЕРВИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

К., который не может быть разделен на более мелкие [Каменецкий 1970: 85].

ОБОБЩЁННЫЙ КОМПЛЕКС

Объединение нескольких *первичных комплексов* [по: Каменецкий 1970: 85].

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Конфигурация (патерн) черт, которая отличает *группу комплексов* и определяет ее как *класс* [Rouse 1972: 274].

англ. – diagnostic complex

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Сходные морфологические остатки, происходящие из отдельного участка местонахождения [по: Rouse 1972: 269, 284].

англ. – morphological assemblage

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КОМПЛЕКС

Остатки, происходящие из локуса, связанного с какой-либо сферой деятельности [Rouse 1972: 259, 44].

Б.т.: производственный комплекс.

англ. – activity assemblage

КОМПЛЕКС ТИПОВ

Политетический набор разных специфических *типов артефактов*, постоянно находимых вместе в комплексах внутри *популяций комплексов* [Clarke 1968: 670].

англ. – type complex, artefact-type complex

ГРУППА ТИПОВ

Группа взаимно связанных, близких *типов артефактов*, характеризующихся общим составом поднабора (см. Набор) *признаков* из комплекса черт, определяющих их функциональное назначение, и сырьевым материалом [Clarke 1968: 670].

С.: семейство типов [Clarke 1968].

англ. – type group, artefact-type group

СУБКОМПЛЕКС

Группировка *классов артефактов*, основанная на критериях функции и формы и обозначающая, как полагают, отдельную профессиональную группу внутри одной древней общины [Sharer, Ashmore 1979: 569].

англ. – subassemblage

ПЕРИОД

Синхронная *группа типов*, существующая раньше или позже других синхронных групп типов; основная ячейка относительной хронологии [Бочкарёв, Трифонов 1980: 16].

ТИП АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ

Определенный конкретный по своему археологическому содержанию *комплекс*, который характеризуется целиком конкретными хронологическими и территориальными рамками. *Группа* памятников с однотипными комплексами; структурная единица АК [по: Захарук 1964: 42].

АНСАМБЛЬ [франц. *ensemble* – целое, совокупность, вместе].

Подсистемы *комплекса* памятников; *артефакты*, сгруппированные во взаимосвязанные подразделения по функциональным категориям, например, А. поселения, А. украшений, А. некрополя [по: Лебедев 1975: 57].

АНСАМБЛЬ НЕКРОПОЛЯ (от греч. *νεκρός* – мертвый и *πόλις* – город)
Совокупность взаимосвязанных *типов* обряда (= ритуала); охватывает всю наличную массу погребений, разделенных на типы, и является одной из характеристик АК, образует развивающуюся во времени *систему* [по: Лебедев 1972: 3, 4].

7. Уровень археологических культур

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

1. Объединение отличительных типов изделий из металла, кости, камня и керамики, постоянно находимых взаимосвязанными в могилах и поселениях (в *замкнутых комплексах*) на определенной территории, вместе с особенностями строения жилищ и погребальных сооружений, в которых они встречаются, и отличающихся от находок, обнаруживаемых в могилах и поселениях другого рода [по: Childe 1930: 41-42; 1936: 3. Б.о.: Childe 1929, 1950, 1956; Bray, Trumpp 1979; Грач 1980].

– Определенный *культурный комплекс*; *политетический набор* специфических и всеобщих *категорий типов артефактов*, которые неслучайным образом встречаются вместе в *комплексах* в пределах ограниченного географического ареала [Clarke 1968: 188, 407, 666]. (рис. 2).

– Набор *замкнутых комплексов*, связанных друг с другом наличием (среди неодинаковых) одинаковых или схожих *типов* [Lüning 1972: 166].

– Устойчивое сочетание *типов* [Бочкарёв 1973: 57. Б.о.: Массон 1974].

2. Объективная совокупность остатков материальной культуры, представленных *типами* и находящихся в прочной взаимосвязи, определенным образом ограниченных во времени и пространстве [Абрамова 1979: 4].

3. *Группа* памятников, занимающих сплошную территорию (или территории), границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных *признаков*, образующих сложную, внутренне связанную *систему*, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры [Каменецкий 1970: 29. Б.о.: Удальцов 1953; Сорокин 1966; Артамонов 1971; Bialekova 1978; Romsauer 1978].

4. Общность археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории [Монгайт 1965: 278. Б.о.: Формозов 1959].
5. Область одинакового распространения нескольких *типов* [по: Jahn 1955: 9. Б.о.: Blume 1910; Kilian 1960].
6. Сочетание и согласованная изменчивость типичных элементов [по: Жуков 1929: 34. Б.о.: Willey 1966 – котрадиция].
7. Стилистическое единство форм (см. Стиль) [по: Schuchhardt 1926: 10 из: Артамонов 1971. Б.о.: Uslar 1955].
8. Система *типов* памятников, объектов и предметов, выявляемая на основе устойчивого сочетания *существенных признаков* [по: Шер 1966: 264].
9. Устойчивые, повторяющиеся сходства *комплексов* [Бочкарёв 1975: 40]. (рис. 3).
10. Географически сопряженный *набор типов артефактов*, которые могут встречаться в различных комбинациях в разных функциональных контекстах и которые совместно образуют сохранившееся материальное выражение определенного образа жизни, достаточно содержательное, чтобы позволить ее носителям увековечить себя и системы своего поведения на протяжении последующих поколений [Trigger 1978: 76 из: Башилов 1982].
11. Максимальная группировка всех *комплексов*, представляющих, как полагают, сумму человеческих действий, осуществленных внутри одной древней культуры [Sharer, Ashmore 1979: 559].
12. Территориально-хронологическая *система комплексов* памятников, оставленных коллективами, связанными хозяйственным и социальным укладом, культурными традициями, политическими отношениями, т.е. составляющими историческую общность [Лебедев 1975: 56. Б.о.: Любин 1972; Массон 1974].
13. Единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, выражающееся в близком сходстве *типов артефактов*, в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению). Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей – орнамента, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники (в таком понимании АК отражает в своем единстве своеобразии различных сторон жизни опреде-

ленной этнической группы в процессе конкретного исторического развития) [по: Брюсов 1952: 20. Б.о.: Фосс 1949; Клейн 1962; Смирнов 1964].

14. Совокупность территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (*комплексов*) определенного типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка [Захарук 1964: 39; 1981. Б.о.: Фосс 1952].

15. Материальное выражение "этнического" способа производства, складывающегося из: а) производственной специфики, связанной с данной культурно-хозяйственной областью; б) особенностью производственной технологии, присущей именно данному коллективу; в) тех же особенностей, заимствованных у генетических или территориальных предшественников; г) производственных особенностей, связанных с внедрением новой продукции или видов производства в результате культурных контактов, обмена, торговли и проч. [по: Кожин 1972: 357-358. Б.о.: Монгайт 1967].

16. *Ассоциация* археологических явлений, которой безусловно соответствует определенное этническое единство [по: Бочкарёв 1965: 31. Б.о.: Артамонов 1949].

17. Совокупность материальных остатков жизнедеятельности конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития [Викторова, Генинг 1977: 9. Б.о.: Пиоро 1973].

18. Некий организм, подлежащий измерению во времени и пространстве, складывается из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания [по: Городцов 1923: 19 из: Каменецкий 1970].

19. *Комплекс* специфических признаков материальной и духовной культуры, которые отражают в различных видах археологических источников совершенно особые типичные черты обычаев, если эти признаки ставят в соответствие с другими хозяйственными и культурными элементами комплекса [по: Отто 1953: 14].

20. *Набор артефактов*, который рассматривается как материальное проявление особого образца культурной наследственности [Daniel 1950: 7].

21. Закрепленная в прошлом обычаем овеществленная деятельность первобытных коллективов, имеющих «родственную природу» и наделенных множеством отображений друг друга в различного вида сочетаниях археологических источников [Холушкин 1981: 16].

22. Динамическая и политетическая *система* компонентов, состоя-

щих из слагающих их *категорий* и *типов артефактов*, ментифактов и выделяемых после их изучения социофактов [Холушкин, Холушкина 1985: 30].

23. Определенная *группа* памятников, выделяющаяся по форме (облику), времени, территории, а частично и духовно. При ее выделении учитывается четыре признака: территория, время, базис и надстройка, которые нельзя брать изолированно, но в их диалектическом единстве [Furmanek 1978: 14].

24. Совокупность должным образом исследованных и научно зафиксированных и приведенных в определенную систему ископаемых *археологических объектов* [Захарук 1976: 4-5; 1975].

Примечание: со второй четверти XIX века археологи заметили, что определенные типы вещей, жилищ, погребений встречаются на определенных территориях, комплексы таких находок стали обозначаться термином "культура" [по: Монгайт 1967: 58]. В Германии, где романтики и "немецкая историческая школа" представили культуру эманацией национального духа, этно-территориальный ракурс рассмотрения археологического материала рано захватил археологов. В связи с этим сам термин "культура" с середины XIX века стали прилагать к территориальным и предположительно этническим общностям памятников. Систематическим такое употребление термина сделал Р.Вирхов; кроме этого, он пользовался, как синонимами термина АК, терминами "культурный круг" и "тип культуры". Это словоупотребление перекинулось в другие страны. К концу века во Франции более употребительным для этой цели оказался термин "цивилизация" (civilisation), в Германии – "тип культуры", "культурная провинция", "культурная группа" и "культурный круг" (Kulturtypus, Kulturprovinz, Kulturgruppe, Kulturkreis), в США. – "культурный ареал", "фаза", "фокус" (culture area, phase, focus), в России и Англии – "культура" (culture) и др. Различия в понимании всех этих терминов не превышают различий в понимании АК; трактовки разных терминов подчас совпадают, одного и того же – расходятся. Параллельно сложилась хронологическая версия понимания АК, в ней термин "культура" употреблялся как синоним терминов "век", "период", "эпоха"/"этап" (мустьерская эпоха = мустьерская культура). Однако действительно новое и самостоятельное понятие (АК) сформировал первым Г.Коссина в конце XIX – начале XX века, хотя он и не дал его определения и употреблял как синонимы термины "культурная область" (Kulturgebiete), "культурная провинция", "культурная группа". (Определение дал за него его ученик Блюме). Коссина первым в

широком масштабе установил и генерализовал возможность совпадения ареалов разных типов, для него было несомненным, что такие области одинакового распространения разных типов (т.е. АК) наверняка «совпадают во все эпохи с совершенно определенными народами или племенами» [Kossinna 1911 S .3; 1896 по:Klejn 1982]. Таким образом, хотя термин АК появился уже около середины XIX века, а понятие было сформировано в конце века, первую дефиницию, в которой в качестве дефиниендума стоял термин АК. дал в 1929 году Г.Чайлд [по: Монгайт 1973: 94]. С первой четверти XX века понятие АК стало быстро выдвигаться на место центрального понятия археологической науки.

Понятие АК относят к трем исходным, фундаментальным в археологической классификации наряду с *типом* и *признаком* [Шер 1966; Malmer 1967; Фёдоров-Давыдов 1970; Массон 1972; Бочкарёв 1973 (или даже двум важнейшим наряду только с типом [Грязнов 969]), а иногда выдвигают и в качестве самого важного: «теория АК. претендует на роль наиболее общей теории археологии» [по: Генинг 1975: 8]. Проблемы выделения АК и ее культурно-исторической интерпретации представляются чрезвычайно перспективными и важными для дальнейшего развития археологии. Ведущее место, которое занимает понятие АК в современной археологии, определяется тем, что непосредственно археологу даны лишь материальные остатки и их расположение, поэтому получение из них информации о прошлом человеческих коллективов возможно только через выявление существующих в них связей и закономерностей, для чего необходимо исходить из наиболее широких и общих группировок археологических объектов, т.е. АК. В известной мере формирование АК является завершающим этапом археологической классификации и в то же время предпосылкой самой этой классификации. В основном, именно исходя из уровня АК, осуществляется переход к культурно-исторической интерпретации археологического материала.

Объективной основой выделения АК является неравномерное распределение *сущностей* в археологическом материале и – как его частные случаи – признаков в *артефактах* и типах, типов в *комплексах* и т.д. Существует масса различных точек зрения на методiku выделения АК, возможности и методы ее интерпретации. Формирование АК зависит от вида использованного типа (условный, эмпирический, культурный и их разновидности), иногда от вида признаков (например, "этнические" признаки), а также от вида комплексов (*замкнутый, полужамкнутый, открытый*). Приходится учитывать и

категориальную значимость типов (керамика, металл, жилища и т.д.) и комплексов (поселение, погребение, клад и т.д.), так как они занимают разное положение в жизни человеческого общества, по-разному ее отражают и имеют свои собственные закономерности развития. Имеет смысл определение уровня сочетаемости типов в комплексах, хотя в этом отношении и не существует общепринятых критериев (см., например, Clarke 1968), и различия в характере распределения типов в комплексах и АК. Формирование АК в огромной степени зависит от выбора способа классифицирования, стратегии группирования (например, индуктивная, дедуктивная, системная и их разновидности), а также от того, на основе какого археологического объекта и как формируется АК (признаки, стиль, типы, ковариация типов, корреляция типов, комплексы типов, типы комплексов).

В соответствии с выбором того или иного варианта из перечисленных выше, археологическое и культурно-историческое содержание АК, ее познавательные возможности будут различными; вопреки сложившейся археологической практике, значительная часть этих вариантов должна не исключать, а взаимодополнять друг друга. Фактически, в настоящее время термин АК охватывает целую группу родственных понятий, не имеющих собственных обозначений.

Как всякое археологическое и культурно-историческое явление, АК имеет пространственно-временные характеристики. На практике большинство археологов исходит из допущения, что АК занимает замкнутую непрерывную территорию и непрерывный отрезок времени, но единого мнения о величине этих характеристик нет. По эпохам, культурно-историческим зонам, экологическим зонам и т.д. территориально-хронологические рамки АК заметно различаются. Территория и время, занимаемые одной АК, индивидуальны для каждой конкретной АК, но существуют и целые зоны, в которых эти параметры близки для всех входящих в них АК. Важна также и количественная сторона популяции АК. По мере количественного роста археологического материала и успехов в его исследовании не только изменяются и уточняются характеристики АК, но и сама АК приобретает более сложную структуру: распадается на варианты или переходит в ранг надкультурного образования.

Обычно АК рассматривается как динамичное явление, развивающееся во времени и пространстве, что выражено в археологическом материале. Например, по Д.Кларку, АК проходит три фазы ("подъем" – *formative*, "расцвет" – *coherent*, "упадок" – *post-coherent*), каждая из которых характеризуется своим состоянием типов и ком-

плексов [Clarke 1968: 257]. Но в обычной археологической практике не употребляются строгие определения динамических состояний (фаз) АК, хотя они и улавливаются на нестрогом уровне. Чаще всего для обозначения временного развития АК применяются термины "период" и "вариант" (хронологический), иногда – "этап". Выделяются также территориальный и территориально-хронологический варианты (субкультуры) как выражение развития АК в пространстве.

Значительная часть археологов рассматривает АК как чисто классификационное понятие, не имеющее никакого объективного культурно-исторического содержания. Однако большинство, особенно в Европе, считает АК археологическим отражением различных культурно-исторических общностей. Часть сторонников этой точки зрения рассматривают АК как чисто археологическое понятие, от которого затем можно перейти к культурно-исторической интерпретации, другие видят в АК непосредственное и прямое выражение культурно-исторических явлений. Причем нередко авторы, придерживающиеся одного и того же определения и одинаковой методики выделения АК, резко расходятся во взглядах на возможности ее интерпретации, и наоборот. Сторонники объективного содержания АК сходятся на том, что это понятие отражает некую реальную общность людей. Однако жесткого соответствия АК одному определенному типу общности не существует: разным АК, а также АК, выделенным различными методами, могут соответствовать различные типы общностей. Поэтому в каждом конкретном случае этот вопрос приходится решать индивидуально, что отражается и на формальном археологическом содержании АК. (Например, те авторы, которые стараются придать АК этническое истолкование, стремятся сразу отбирать "этнические" признаки и типы).

Методы интерпретации АК разработаны недостаточно. Необходимо констатировать, что действительная практика археологии разнообразнее и сложнее всех теоретических разработок археологической классификации, предложенных на сегодняшний день. Наиболее удачные, представляющиеся наиболее достоверными, исследования часто не укладываются в существующие теории или противоречат им. Это заставляет предполагать, что археологические теории и отдельные методические разработки еще не доросли до реально работающих, но имплицитных, плохо осознаваемых и понимаемых исследовательских процедур. По-видимому, уже с первых шагов обработки материала археолог имплицитно соотносит имеющиеся данные и операции с ними со своими общими представлениями и ощущение-

ниями о жизнедеятельности человеческих обществ, со стихийно складывающимся образом конкретного исследуемого общества, с целостным представлением о связях изучаемого объекта с его окружением, с массой косвенных и второстепенных предположений и данных в их взаимосвязи и взаимообусловленности и т.п. Причем, на каждом шаге исследования происходит взаимное соотнесение и корректировка всех этих вводных. Таким образом, оказывается, что с самого начала исследования и классификации формальные моменты, по-видимому, тесно связаны с содержательными и, в известной степени, неотделимы от них. Можно предполагать, что именно поэтому, в значительной мере, становится возможным переход от формальной классификации к культурно-исторической интерпретации – АК, выделенные в результате формальных процедур, наполняются культурно-историческим содержанием, и их удается соотнести с конкретными историческими общностями людей. Задача состоит, следовательно, в исследовании, эксплицировании практикуемых способов выделения АК и работы с ними, в отборе полезного и исключении ошибочного из реальной практики археологических исследований.

СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пространственная и хронологическая *система типов* памятников и типов комплектов памятников, которые являются структурными единицами [по: Захарук 1981: 21].

СУБКУЛЬТУРА

Культурный *комплекс* субпопуляции (см. Популяция); вырезка из АК, соответствующая однородной деятельности и характеризующаяся особым комплексом *типов артефактов* [Clarke 1968: 669].

англ. – subculture

ИНДУСТРИЯ (от лат. *industria* – усердие, деятельность)

1. Крупная артефактная категория, определяемая общностью материала и технологии; например, индустрия оббитых камней или гончарная И. [Sharer, Ashmore 1979: 564].

С.: *класс* [Osgood 1942].

2. *Набор комплексов*, изготовленных из одинакового материала *типов артефактов*, происходящих из одного протяженного пространственно-временного ареала, таксономически связанных взаимными технологическими свойствами. Часто аспект *технокомплекса*, выполненный в одном материале [Clarke 1968: 667].

3. Совокупность предметов, найденных в часто повторяющихся (од-

Уровень археологических культур

нотипных) *замкнутых комплексах*, если в этих комплексах встречены предметы только одного *класса* (выполненные в одном материале) [по: Bray, Trump 1979: 25, 114].

4. Стойкое соединение *артефактов*, представляющих материальную культуру группы людей [Daniel 1950: 8].

англ. – industry; *фр.* – industrie; *нем.* – Industrie

КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА

1. Ряд сравнительно более или менее мелких территориальных групп «скоплений», занимающих сравнительно небольшую площадь, обычно в бассейне какой-нибудь реки. Это 20-30 памятников, но среди них – как правило, несколько или по крайней мере один достаточно исследованный могильник. Каждое из таких "скоплений" имеет свою судьбу, в определенное время (не обязательно общее для всех) появляется или исчезает, в определенное время видоизменяется, тяготея к той или иной культуре, подвергаясь одному или другому воздействию [по: Щукин 1974 с. 269].

Примечание: это определение отражает понимание КГ., сложившееся, в основном, в археологии железа Центральной Европы в связи с наилучшей обследованностью территории и изученностью археологических памятников.

2. *Группа* памятников определенной части общества в рамках одной АК или *культурного комплекса*, отличающаяся некоторыми деталями [Béřeš 1978: 46. Б.о.: Demetrova 1978; Siska 1978].

С.: вариант АК.

8. Надкультурный уровень

СТИЛЕВАЯ ЗОНА

Традиция, существующая в пределах одного временного горизонта [Binford 1965: 206].

англ. – style zone

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ КУЛЬТУРЫ

Отношение (связь), существующее между последовательными и побочными *состояниями* культур (АК), принадлежащих одной *траектории* многовариантной культурной *системы* [Clarke 1968: 286, 669].

англ. – transform cultures

НЕЗАВИСИМЫЕ КУЛЬТУРЫ

Отношение (связь), существующее между *культурными комплексами* или культурными состояниями, которые не являются *трансформациями* одной *траектории* культурной системы [Clarke 1968: 268, 667].

англ. – independent cultures

ГОРИЗОНТ (археологический)

1. *Набор* черт, которые связывают множество АК через широкие пространства в короткое время [Deetz 1967: 59. Б.о.: Willey and Phillips 1958].

2. Пространственная непрерывность *модов* или *типов*, природа и условия нахождения которых позволяют предполагать их широкое и быстрое географическое распространение [Swartz 1967: 491].

англ. – horizon

ГРУППА КУЛЬТУР

Семейство *трансформированных* культур; *группа* взаимно связанных, близких АК, характеризующихся *комплексами политемического* характера, различающимися *состояниями* одних и тех же определенных многовариантных типов *артефактов*. Низший уровень сходства – возможно, 30% или менее, объединяющий группу на основе наборов определенных состояний типов; высший уровень сходства – возможно, 60% или более, объединяющий группу на основе наборов групп типов и определенных многовариантных *трансформирующихся типов* [Clarke 1968: 408, 666]. (рис. 2).

англ. – culture group

КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ

Сумма генетически связанных АК, характеризующихся одними и теми же семействами *типов* [по: Childe 1956: 142].

С. и б.т.: *культурная область* [Формозов 1959], *круг культур*.

англ. – cultural circle

КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ

Объединение нескольких АК на основе этнографического сходства, позволяющего судить об этническом или генетическом родстве [по: Формозов 1959].

КУЛЬТУРНАЯ ПРОВИНЦИЯ

Район, в котором на протяжении длительного времени, несмотря на смену ряда культур, сохраняются некое единство, специфичность и общие традиции [по: Формозов 1959].

Б.т.: котрадиция [Bennet 1948].

КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА

Объединение нескольких АК на основе сходств, не имевших этнического характера, а свидетельствующих лишь об одинаковости занятий населения [по: Формозов 1959].

Б.т.: *технокомплекс* [Clarke 1968].

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС

Группа синхронных или хронологически связанных и географически ограниченных соседних АК или групп, характеризующихся рядом *ключевых признаков* с собственными внутренними связями между ними. КК. – более высокая категория, чем АК, но с меньшей информативностью [Вујна 1978: 70. Б.о.: Lamiova-Schmedlova 1978].

С. и б.т.: *культурный круг*, культурная общность.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ (от лат. *civilis* – гражданский, общественный)

Группа культурных комплексов, распространенных на большой территории; последняя ступень классификационной лестницы материальной культуры в археологии [по: Pieta 1978: 83].

ТЕХНОКОМПЛЕКС

Совокупность АК, характеризующаяся *комплексами*, определяемыми *политетическим* рядом различных *типов* одной и той же общей *группы типов артефактов*, рассматриваемой как широко распространенная и тесно связанная реакция на общие факторы природного окружения, экономики и технологии [Clarke 1968: 188, 351, 408, 669]. Для типов в технокомплексе уровень сходства – 5% и меньше, для группы типов – 30-60% [по: Clarke 1968: 351, 406, 669]. (рис. 2).

ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В книге представлены в систематизированном виде имеющиеся в литературе взгляды на основные понятия, функционирующие в сфере археологической классификации; проведён их анализ. На этой базе разрабатываются взаимосвязанная система необходимых и достаточных в археологической классификации понятий и классификационных стратегий, процедура классифицирования, основы теории классификации. Книга призвана облегчить любым археологам (или другим специалистам) освоение основ теории археологической классификации, независимо от того, разделяют ли они точку зрения автора или нет; способствовать знакомству с идеями в этой области, имеющимися в мировой археологической литературе; помочь ориентироваться в многочисленных терминологических и понятийных противоречиях и неувязках. В известной степени книга служит развёрнутым и углублённым комментарием к терминологическому словарю-справочнику «Классификация в археологии».

ВВЕДЕНИЕ

Классификация (типология) является в археологии одним из основных методов исследования материала и обязательной базой для его интерпретации. Невозможно представить археологию без типологии.

Обилие литературы и противоборство различных точек зрения в этой области неудивительно. В то же время, разобраться по разрозненным статьям и отдельным главам монографий в существующих взглядах на проблемы археологической классификации очень непросто. Затрудняет это и терминологическая неупорядоченность: одни и те же термины обозначают у разных авторов различные понятия, разные термины – одно понятие. Существуют ряды понятий и терминов, которые на самом деле сводятся к одному, но каждый автор вносит в их содержание второстепенные индивидуальные нюансы, считая их, разумеется, очень важными.

Чем отличается тип от класса, а типология от классификации? Существуют ли типы на самом деле или нет? Что такое археологическая культура? Как её выделять? Как вообще можно и нужно классифицировать археологический материал? Эти и вытекающие из них вопросы встают перед каждым археологом, – без ответа на них невозможно грамотное современное исследование. Чтобы дать на них хоть какой-то обоснованный ответ, необходимо проанализировать всю основную классификационную проблематику в её взаимосвязи, необходимо выработать ту или иную последовательную систему взглядов на неё, т.е., так или иначе, разработать теорию классификации.

Пожалуй, именно её отсутствие является главным недостатком всех исследований в области археологической классификации. Типичными являются различные критические выступления и предложения по отдельным разделам археологической классификации, которые совершенно не увязываются ни с какими имеющимися представлениями по другим разделам и противоречат им. Всё это давно вызывает настоятельную необходимость систематически рассмотреть основные вопросы теории археологической классификации и посвящённую им литературу, что и является целью настоящей работы.

Из имеющихся публикаций по этой теме наиболее полными и последовательными, на мой взгляд, являются статья Дж.Хилла и Р.Эванса [Hill & Evans 1972] и книга Л.С.Клейна [Klejn 1982], кото-

рые я бы рекомендовал в первую очередь для изучения теории археологической классификации.

При чтении этой книги нужно помнить, что разные авторы по-разному используют одни и те же термины. Поэтому, когда излагается или цитируется литература, следует учитывать, что приводимые термины и понятия зачастую не совпадают ни с позицией автора, ни с позицией самого читателя. Например, уже само название этой книги может вызвать резкие возражения, поскольку часть археологов считает, что классификация и типология – это принципиально разные вещи. По мнению этой части археологов, термин «классификация» в названии книги указывает на то, что она заведомо посвящена только некоторым формальным проблемам археологической классификации. В то время как для меня понятие классификации является, по крайней мере, наиболее общим и логичным, и я не вижу необходимости в привлечении других аналогичных понятий и терминов.

Что же касается частых призывов выработать однозначную единую терминологию, то нужно понимать, что пока мы не договоримся о понятиях, мы не сможем договориться и о терминах. А договориться о понятиях вряд ли удастся без оформления одной или нескольких конкурирующих теорий, которые будут обосновывать необходимость тех или иных понятий.

В данной работе, кстати, фактически не вводится ни одного нового понятия и ни одного нового термина, поскольку их и так уже в избытке. А в предлагаемой мною системе взглядов на классификацию необходимыми оказываются лишь немногие из тех, что уже имеются в литературе.

Благодарности.

Выражаю глубочайшую признательность за неоценимую помощь в подготовке этой книги к изданию И.Г.Ванькову, Л.Б.Вишняцкому и Л.С.Клейну.

Глава 1. СХОДСТВО

«Основой всякой классификации является сравнение объектов, в результате которого можно сказать, что объекты либо сходны, либо различны. Понятия *сходство* и *различие* являются основными в этой процедуре» [Каменецкий и др. 1975: 47-48]. Более того, как считает М.Мальмер, «важнейшими базовыми понятиями при изучении материальных остатков являются "сходство" и "несходство"» [Malmer 1963: 14, 250]. Действительно, классификация в том и состоит, чтобы сходные объекты объединялись в одну группу, а несходные оказывались в разных группах. На первый взгляд кажется, что это очень просто. Красные горшки в одну группу, зелёные – в другую. Однако сложности начинаются с примитивного вопроса о том, на что больше похож жёлтый горшок – на красный или на зелёный. Вопрос, который не может иметь вообще никакого объективного ответа до тех пор, пока мы не решим, что значит «похож»–«не похож». Собственно говоря, это вопрос о понятии «сходство».

Очевидно, что от определения понятия сходства, сколь интуитивно ясным оно ни представляется любому человеку, зависит всякое рассмотрение проблем классификации. В то же время совершенно поразительным выглядит тот факт, что ни один археолог, писавший о классификации, не рассматривал и не определял понятие сходства. Впрочем, и в других науках, связанных с проблемами классификации, ситуация не намного лучше. Как отметил, Ю.А.Воронин, «трудно назвать представления, которые могли бы конкурировать по фундаментальности с представлениями о сходстве, так же как и по методолого-теоретической неразработанности» [1985: 173]. Мне известно всего несколько работ, в которых понятию сходства уделяется специальное внимание.

Д.С.Милль в XIX веке считал, что «чувство сходства (или несходства) составляет часть нашей природы, и притом, часть настолько неподлежащую анализу, что эти чувства приходится предполагать решительно при всякой попытке анализировать какие бы то ни было другие наши духовные состояния» [1914: 60]. В таком случае определять понятие сходства необязательно и, видимо, невозможно, поскольку сходство конкретных объектов устанавливается человеком с помощью врождённого чувства.

Однако в современной литературе уже не приходится встречать подобные взгляды. Сегодня более обоснованной выглядит точка зрения, согласно которой представления о сходстве объектов формируются у человека в процессе его взаимодействия с этими объектами, т.е. являются функцией общественно-исторического опыта, хотя и существуют биологически предопределённые особенности восприятия (см., например, Лурия 1974; Коул, Скрибнер 1977; Кликс 1983). «Предпочтение, отдаваемое определённому признаку, выделение того или иного принципа классификации находятся в тесной зависимости от формы деятельности, преобладающей у данного субъекта. Она определяет как мотивы, с которыми субъект подходит к поставленной перед ним задаче, так и структуру операций, которые он предельвает» [Лурия 1974: 59].

Очень просто определить сходство через обладание одним или несколькими одинаковыми свойствами. «Грубо говоря, два объекта можно считать похожими, если у них больше общих признаков, чем разных, или являются общими какие-то очень важные для данной классификации признаки» [Каменецкий и др. 1975: 48]. Но что такое одинаковые свойства или признаки? Как определяется их одинаковость? Ведь одинаковость, очевидно, есть частный случай сходства [Шрейдер 1971: 78, 81]. К тому же, как правило, речь идёт об обладании не столько одинаковыми, сколько сходными свойствами. Поэтому определение сходства через обладание рядом одинаковых свойств приводит к порочному кругу.

Ю.А.Шрейдер, «проанализировав различные ситуации, когда мы уверенно считаем некоторые объекты одинаковыми», пришёл к выводу, что «"одинаковость" попадает в один синонимический ряд со словом "взаимозаменяемость" (объекта в данной ситуации)» [1971: 46-50], и «если одинаковость объектов обозначает их полную взаимозаменяемость в некоторой ситуации, то сходство – это частичная взаимозаменяемость...» [Шрейдер 1971: 78]. Например, для покупателя и продавца все копейки, имеющие хождение в данный момент, одинаковы, что и реализуется на практике в их полной взаимозаменяемости. но для нумизмата очень важны год и место чеканки (монетный двор) монеты. и для него копейки разных лет выпуска или отчеканенные в разных местах не одинаковы, т.е. не взаимозаменяемы. очевидно, что нумизмат учитывает большее количество ситуаций, в которых участвуют копейки, чем продавец и покупатель, и поэтому может сделать вывод о том, что в одних ситуациях данные копейки взаимозаменяемы, а в других – нет. Пожалуй, лишь стоит уточнить определения

одинаковости и сходства, данные Ю.А.Шрейдером. Одинаковость объектов обозначает их полную взаимозаменяемость во всех учитываемых ситуациях, сходство – взаимозаменяемость лишь в части учитываемых ситуаций.

Как же устанавливается взаимозаменяемость каких-либо объектов или их отдельных свойств? Здесь возможны два основных варианта. Во-первых, когда осуществляется опытная проверка взаимозаменяемости объектов или их свойств в заданной ситуации. Разумеется, это не значит, что соответствующий эксперимент должен осуществляться всякий раз, когда нужно установить взаимозаменяемость объектов: его результат часто очевиден или однозначно и легко выводим из уже имеющегося опыта. Во-вторых, когда опытная проверка в буквальном смысле невозможна и взаимозаменяемость определяется путём логических построений на основе каких-либо допущений.

Можно ли лопатой заменить топор при рубке леса? В принципе, да – и это легко проверить практически. Можно ли заменить рукоять меча дверной ручкой? Эту операцию можно выполнить практически, но и так очевидно, что мечом с дверной ручкой нормально пользоваться нельзя. В штатных ситуациях они не взаимозаменяемы. В то же время, в ситуации, описываемой как «деталь предмета, специально предназначенная для захвата рукой при пользовании этим предметом», рукоять меча и дверная ручка оказываются взаимозаменяемыми. Карандаш и телеграфный столб взаимозаменяемы как деревянные предметы – по материалу, взаимозаменяемы по своему графическому изображению – по форме. Собственно, понятия нашего языка и фиксируют совокупности объектов и определённые жизненно важные ситуации, в которых эти объекты или их отдельные свойства взаимозаменяемы.

Очевидно, что второй вариант является широко распространённым и именно он создаёт для нас серьёзные проблемы. Необходимость определять взаимозаменяемость без опытной проверки приводит к последствиям, которые оказываются решающими. Если взаимозаменяемость некоторых объектов в заданной ситуации не очевидна, приходится представлять эти объекты как системы свойств (признаков) и отбирать из этих свойств существенные в этой ситуации. Причём дробление на свойства (признаки, элементы, детали, составные части, характеристики и т.п.) должно быть таким, чтобы взаимозаменяемость этих свойств в заданной ситуации стала очевидной или легко доказуемой. Более того, взаимозаменяемость этих свойств в данной ситуации должна определять и взаимозаменяемость

объектов в целом в данной ситуации, т.е. необходимо выбрать свойства, существенные в заданной ситуации. Откуда выводится существенность тех или иных свойств объектов в заданной ситуации? Из наших опыта и знаний об этих объектах и их свойствах. Из этого следует, что в определении существенности свойств и, следовательно, взаимозаменяемости объектов присутствует неизбежная доля неоднозначности, в какой-то мере, субъективности. Кроме того, не всегда удаётся достичь такого дробления на свойства, чтобы взаимозаменяемость их всех стала очевидной. И, разумеется, взаимозаменяемость отдельных свойств не всегда приводит к взаимозаменяемости объектов в целом. Всё это вместе взятое обуславливает нетривиальность задач по определению сходства конкретных объектов.

Таким вот образом можно действительно подойти к понятию сходства как обладанию рядом близких свойств (т.е. взаимозаменяемых). Отсюда возникает возможность при определении понятия классификации избегать понятия сходства. Наиболее часто классификация определяется непосредственно как распределение объектов в группы по наличию или отсутствию заданных свойств. «Классифицированием обычно называют процесс отнесения классифицируемого объекта к определённом подразделению какой-либо классификации, производимый на основе определения наличия или отсутствия заданного признака (признаков) у данного объекта» [Воронин 1985: 16].

Казалось бы, лучше в таком случае вообще избежать понятия сходства при рассмотрении классификации. Ведь для того, чтобы классифицировать, нужно только задать набор признаков (основание классификации) и уровень их учёта («шкалу измерения», – чтобы избежать вопросов, связанных со сходством свойств). Заметим, что, когда в логике классификация рассматривается как деление объёма понятия, можно обойтись без понятия сходства. «Классификация – распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов...» [Кондаков 1971: 214]. Однако классификационные задачи не случайно часто формулируются как задачи установления и оценки сходства объектов. Дело в том, что такие задачи и состоят в том, чтобы найти необходимые для группирования в данной ситуации признаки. Эти признаки заранее не известны, и, следовательно, определить задачу через них невозможно. В частности, в археологии обычно заранее не известно, по каким признакам следует группировать материал, какие признаки

являются более важными, а какие менее важными, и с какой точки зрения, да и сам набор признаков всегда можно дополнить.

Стоит специально подчеркнуть следующий, уже отмечавшийся, момент: объекты или их свойства взаимозаменяемы не вообще, а в определённых ситуациях. Топор и молоток взаимозаменяемы при забивании гвоздей, но не взаимозаменяемы при рубке леса. Когда мы говорим о взаимозаменяемости, этот момент представляется очевидным. Но когда речь заходит о сходстве, об этом нередко забывают и получается, что сходство вещей полностью заложено в них самих по себе. Между тем, как нет взаимозаменяемости вообще, так нет и сходства вообще. Безусловно, каждый объект обладает свойствами объективно, но, даже если учесть все его свойства (что невозможно), в разных ситуациях наиболее существенными оказываются разные свойства, – следовательно, определение сходства зависит от ситуации, в которой оно определяется.

Понимание сходства как взаимозаменяемости объектов и их отдельных свойств и способность определять такую взаимозаменяемость в различных ситуациях без непосредственной опытной проверки, а на основе предшествующего опыта и знаний с помощью логических построений, имеет глубокий эволюционный смысл с точки зрения антропогенеза и эволюции организмов вообще. Суть состоит в том, что способность к установлению взаимозаменяемости исходя из воспринимаемых свойств объектов обеспечивает наиболее прогрессивные формы поведения субъекта, поскольку позволяет предвидеть последствия любых явлений в новой ситуации, осуществлять «опережающее отражение» на основе умозаключения по аналогии. «Все объекты, принадлежащие некоторому классу, в известном смысле эквивалентны. Они эквивалентны прежде всего с точки зрения связанного с ними поведенческого решения» [Кликс 1983: 158]. В филогенезе и онтогенезе человека формируется широкий набор ситуаций, в которых знание взаимозаменяемости объектов жизненно важно, или, иначе говоря, вырабатывается широкий набор признаков, по которым полезно оценивать сходство объектов для осуществления нормальной жизнедеятельности. Совершенно закономерно поэтому, что возникает впечатление врождённости чувства сходства у человека и отсутствия здесь какой-либо проблемы, о чём и писал Д.С.Милль. С этой точки зрения понятно, что сходство всегда определяется только для определённых ситуаций и учитываются именно те свойства объектов, различение и учёт которых необходимы для жизнедеятельности

субъекта. Причём установление сходства, хотя и зависит от особенностей нашего восприятия, но не определяется ими.

Весь смысл установления сходства объектов в этом и состоит. Если известен один объект и известно как с ним нужно поступать (очень большой, с хоботом, бивнями, покрытый Шерстью и т.д. – мамонт – можно забить и съесть) и известен другой объект, с которым не известно как поступать, но который сходен с первым по ряду признаков, то на основании этого сходства можно предполагать, что с ним стоит поступать так же, как с первым (очень большой, с хоботом, бивнями и т.д., но без Шерсти – слон – возможные действия те же). Это умозаключение по аналогии (традукция): предмет А имеет свойства а, b, с, d; предмет В имеет свойства а, b, с; следовательно, вероятно, предмет В имеет и свойство d [см. Батороев 1981]. Причём искомым свойством может выступать и конкретное свойство объекта, и его отношение к другим объектам, и отношение субъекта к этому объекту (поведенческое решение). Таким образом, смысл установления сходства объектов по одним свойствам состоит в том, чтобы сделать заключение о сходстве этих объектов и по другим свойствам, важным для субъекта.

Необходимость в этом возникает тогда, когда сходство объектов по интересующим субъекта свойствам (свойствам, которые оказываются решающими для определения взаимозаменяемости этих объектов в заданных ситуациях) невозможно или слишком трудно определить непосредственно. Чтобы выяснить, является ли найденный гриб ядовитым или нет, глупо испытывать его на себе. В результате длительного опыта (на себе) человечество уже определило те внешние легко доступные для наблюдения свойства грибов, по которым можно отличить ядовитые грибы от съедобных. Трудность, однако, состоит в том, чтобы отыскивать для установления сходства такие доступные свойства объектов, которые позволяли бы делать достоверные выводы относительно наличия на объекте других, важных для субъекта свойств. Классификация, как установление сходства между целыми группами объектов и выявление эмпирических закономерностей, и есть, в частности, одно из сильнейших средств повышения вероятности подобных умозаключений по аналогии. Возможно, что возникновение и использование понятия сходства, а не понятия взаимозаменяемости, связано с вероятностностью выводов по аналогии о взаимозаменяемости объектов. Тогда сходство – это предполагаемая взаимозаменяемость объектов в части учитываемых ситуаций.

А если важные в некоторой ситуации свойства объектов легко доступны для наблюдения? Тогда никаких проблем с установлением сходства этих объектов по этим свойствам не возникает, – ведь такое положение равносильно прямой проверке на взаимозаменяемость в данной ситуации.

Кстати сказать, возможность определять взаимозаменяемость объектов в некоторой ситуации через взаимозаменяемость их отдельных свойств позволяет проводить и обратную, не менее важную процедуру: если объекты обладают взаимозаменяемыми свойствами, то они могут оказаться взаимозаменяемыми в целом в какой-то ситуации, хотя сама ситуация нам пока не известна.

Когда говорят об определении сходства, обычно указывают, что оно зависит не только от рассматриваемой ситуации, но и от точки зрения наблюдателя. В известной мере, оба эти момента можно считать двумя сторонами одной медали. Точку зрения наблюдателя можно считать сводимой к ситуации и наоборот. Когда мы говорим, что бронзовый и железный ножи различаются по материалу, но сходны по своей функции, мы рассматриваем их с двух разных точек зрения. Но столь же очевидно, что мы рассматриваем их в этом случае в двух разных ситуациях: в ситуации их прямого использования и в ситуации, в которой разница по материалу существенна, например, в технологии изготовления.

Нередко также считают, что оценить сходство двух объектов можно только по отношению к третьему [Mill 1868: 141-142; Moberg 1969: 190; Клейн 1973: 297]. На мой взгляд, это не совсем так. Если задана ситуация сравнения, то третий объект для оценки сходства двух объектов не нужен. Когда шахматист говорит, что две белые пешки в комплекте шахматных фигур одинаковы, он оценивает их сходство не столько по отношению к ферзю, сколько по отношению к правилам игры: а по правилам игры они одинаковы. Таким образом, для оценки сходства двух объектов необходим не третий объект, а некий критерий (правило, принцип, точка зрения и т.п.) сравнения, устанавливаемый субъектом.

Между любыми двумя объектами и любой парой свойств можно найти сходство с одной точки зрения и различие с другой. Проблема заключается не в этом, а в том, как выявить те свойства объектов, которые необходимо учесть в заданной ситуации для успешного решения в конечном итоге стоящих перед нами задач. В археологии классической и обязательной является задача выявления по сходству групп артефактов, которые имели бы максимально определённые

хронологические привязки. Нетривиальность задачи состоит в том, что в целом не известно, какие именно свойства артефактов отражают хронологию наиболее подходящим для археолога образом. Так сама природа сходства подводит к тому, что главной проблемой классификации является выбор оснований конкретных классификаций – свойств объектов, по которым эти объекты будут распределены в группы.

Глава 2. ПРИЗНАКИ

СВОЙСТВО – ПРИЗНАК

Как мы видели в первой главе, для определения сходства объектов и осуществления классифицирования необходимо представить эти объекты состоящими из некоторых более элементарных единиц. Для общего обозначения таких элементарных единиц наиболее распространёнными являются термины свойство и признак. Определить это понятие можно как *любую черту, любую характеристику, любое состояние, измерение и т.п., которые поддаются наблюдению, всё, что может быть описано и зафиксировано в конкретном объекте* [Бочкарёв 1975: 36; Rowe 1959: 4] *или явлению, а также по отношению к ним*. Последнее добавление необходимо, поскольку нас часто интересуют не только свойства в буквальном смысле, но и локализация объекта в пространстве, время его изготовления, оценка его человеком, его «отношение» к другим объектам и т.п., – т.е. всё, что имеет какое-то отношение к этому объекту или явлению. Ж.-К.Гарден назвал первые **внутренними** свойствами (материал, форма, пиктографические знаки на вещах и т.п.), а вторые – **внешними** свойствами объектов (дата, происхождение, назначение и т.п.) [1983: 118-119].¹

Понятие «свойство» приложимо к конкретному объекту. Когда же мы говорим о свойстве, которым обладает ряд объектов, очевидно происходит обобщение единичных свойств, которые мы сочли достаточно сходными, и абстрагирование от их конкретных проявлений на каждом объекте. Поэтому надо различать два понятия свойства или признака: *как эмпирически фиксируемой единичной характеристики некоторого объекта и как абстрактной категории, появляющейся в результате установления сходств и различий между такими единичными характеристиками объектов*. И.Рауз предложил закрепить это различие терминологически: за первым понятием закрепить термин «свойство» (feature), за вторым – «мод» (mode). **Свойство** –

¹ Приведённый в издании на русском языке точный перевод французских терминов «intrinsic» и «extrinsic», как кажется, не точно выражает смысл их употребления автором. Может быть, лучше было бы перевести их как «собственные» и «несобственные» свойства [Gardin 1979: 119-120]. Последнее понятие Гардена близко понятию контекстуальных свойств В.С.Бочкарёва [1975: 36] и У.Адамса [Adams 1986: 49].

«любая часть или аспект артефакта, такие как его материал, элемент формы или мотив орнамента» [Rouse 1972: 278]. **Мод** – «образец признаков, который отличает группу свойств артефактов, таких как, например, профили венчиков, и является её определителем как класса» [Rouse 1972: 283]. «Класс свойств – это объективная единица, состоящая из сходных свойств конкретных предметов, в то время как «мод» является абстракцией на основе этих свойств...» [Rouse 1972: 57; 1939: 19; Dunnell 1971b: 116].

Предлагались и другие термины. В.С.Бочкарёв писал, что «устойчивые, повторяющиеся сходства свойств фиксируются в признаке» [1975: 40]. **Свойство** находится в ряду универсалий, **признак** – в ряду категорий [Бочкарёв 1975: 41-42; Массон, Бочкарёв 1978: 39, 41] (рис. 3). У Л.С.Клейна аналогично И.Раузу и В.С.Бочкарёву: **след** – в ряду конкретных, **элемент**, или **черта** – в ряду абстрактов [Клейн 1979: 64-65; Klejn 1982: 256-257; Клейн 1991: 218] (рис. 4).

Безусловно, различие этих двух понятий имеет смысл, дабы не путать эмпирические факты с их обобщением. Однако, на мой взгляд, потребность в их строгом терминологическом разграничении в археологии пока не ощущается. Судя по литературе, возражений схемам Рауза, Бочкарёва или Клейна нет, но не встречаются и тексты, в которых это терминологическое разграничение было бы существенно. Отчасти такое положение объясняется тем, что слова нашего языка по самой своей сути являются терминами, обозначающими категории в смысле В.С.Бочкарёва, понятия из ряда абстрактов. Когда мы говорим, что тот или иной объект красный, мы тем самым подводим его цветное свойство под общее понятие «красный». Когда археолог говорит о находке черепка чернолощёной керамики, он тем самым обозначает конкретное свойство конкретного объекта общим понятием, приложимым точно так же к тысячам других черепков. Указывая в описании на то, что объект обладает теми или иными свойствами, мы одновременно указываем и на то, что эти свойства объекта охватываются определёнными признаками, что данный объект входит в совокупность объектов, свойства которых описываются теми же признаками.

К разграничению свойств и признаков можно подключить существующее в археологии понятие **состояние признака**, или **значение признака**, или **вариант признака**. По Д.Кларку, «состояние признака – это альтернативные значения или качества признака, которые могут быть обнаружены в данном локусе признаков» [Clarke 1968: 145, 186, 669]. Например, признак «проушной» для топоров

имеет два состояния: «наличие» и «отсутствие»; признак «диаметр венчика» для сосудов имеет множество состояний, или значений, в соответствии с эталоном измерения. Нетрудно видеть, что состояние признака – это свойство отдельного конкретного объекта, а результат обобщения различных состояний признака на конкретных объектах и абстрагирования от них – это признак.

Разумеется, нужно также понимать, что свойства объектов, которые фиксирует исследователь и которыми оперирует наука, являются лишь отражением тех свойств, которыми обладают объекты в объективной реальности. Об этом знает любой учёный и здесь нет необходимости в каких-то особых терминах.

ПОДХОДЫ К ПРИЗНАКУ

Просто ли представить какой-либо объект как систему или ряд свойств? И да, и нет. С одной стороны, нет ничего проще, как указать составные части объекта или его характеристики: у эмпирических объектов археологии, по крайней мере, есть размеры и форма. С другой стороны, оказывается, что любой объект можно представить разными системами свойств. Это вытекает из того, что всякий объект обладает бесконечным количеством свойств (заявления об этом уже стали общим местом в работах, посвящённых археологической классификации) и, следовательно, существует бесконечное количество возможных представлений об объекте как системе свойств. «Зарегистрировать все свойства артефакта или даже их перечислить – нереальная задача» [Бочкарёв 1975: 36]. Но даже при допущении того, что объект обладает конечным набором свойств [Doran & Hodson 1975: 101], задача определения полного набора свойств каждого конкретного объекта остаётся практически неразрешимой. Ибо не обнаруживается реального критерия полноты описания, а также из-за ряда других причин [см. Мейен, Шрейдер 1976: 79]. Это приводит нас другим путём к выводу о том, что для сравнения объектов между собой необходимо решить, какие именно свойства этих объектов должны учитываться.

Каким же образом отбираются признаки для сравнения объектов и их классификации? Как мы видели в первой главе, говорить о сходстве объектов имеет смысл только в том случае, когда определена ситуация, в которой эти объекты сравниваются. Это значит, что при выборе признаков для сравнения объектов мы должны исходить из ситуации, в которой эти объекты и будут сравниваться, из определённой точки зрения.

Самое начальное ограничение, накладываемое на привлекаемые для сравнения признаки в археологии, более или менее очевидно. Археология, в силу своей специфики как науки, занимается только теми ситуациями, в которых материальные (вещественные) объекты так или иначе связаны с человеческой деятельностью. Соответственно, археолога интересуют только те свойства объектов, которые связаны с этой деятельностью. К ним относятся не только свойства, которые являются прямым следствием человеческой деятельности – от формы артефактов до следов, обнаруживаемых трасологией, – но и такие природные свойства объектов, по которым так или иначе можно судить о действиях или предпочтениях человека, как, например, химический состав вещей, позволяющий установить источники сырья, технологию изготовления и т.п. Конечно, есть немало свойств, информативность которых относительно древних культур трудно установить сразу и/или с достоверностью. Но для большинства свойств, используемых археологом, их связь с человеком не вызывает сомнений.

Однако это начальное ограничение используемых признаков не делает их число конечным или реально обозримым. Из свойств объектов, которыми интересуется вся археология в целом, необходим более определённый выбор. Эту задачу археологи пробовали решить разными способами.

Трудно с уверенностью объяснить почему, но долгое время (с 30-х по начало 60-х гг. XX в.) в теоретическом рассмотрении проблем археологической классификации монопольное положение занимали американские археологи. Хотя первой «американской» работой в этой области оказалась рязанская брошюра В.А.Городцова «Типологический метод в археологии», опубликованная на английском языке в 1933 г., и хотя американская археология в целом выглядит в это время скорее догоняющей европейскую. А в разработке понятий на уровне элементарных характеристик объектов американцы, видимо, были первыми. Более того, они оказались у истоков всех трёх основных направлений идей, на которые можно условно разделить разработки археологов в этой области. (Впрочем, не исключено, что это как раз и вызвано относительной отсталостью американской археологии в то время).

Первое направление связано с попытками выделить в материале признаки, которые осознавались как таковые самими древними людьми и имели для них какое-то значение. И.Рауз пытался найти решение с помощью введённого им понятия «мод» [Rouse 1939: 12].

Сразу оговоримся, что это понятие в работах И.Рауза со временем обрастало всё новым и новым содержанием, и сам термин в конце концов стал обозначать уже несколько связанных по смыслу понятий. В первоначальном и, видимо, основном смысле термин «"мод"» обозначает любой стандарт, идею или обычай, которые обуславливают деятельность мастеров определённого общества, которые могут передаваться из поколения в поколение и распространяться от одного общества к другому на значительные расстояния. Такие "моды" будут отражаться в артефактах как признаки, согласующиеся со стандартами общества, выражающие его идеи или раскрывающие его традиционные способы изготовления и использования артефактов» [Rouse 1960: 313; 1970; 1972]. Это отражение также называется «модом», т.е. «мод» – это и конфигурация признаков, «которая была произведена в соответствии со стандартами, обычаями и верованиями древних мастеров» [Rouse 1970: 10-11].

Однако далеко не все признаки артефактов отражают «моды». Чтобы их обнаружить в эмпирически фиксируемых археологом признаках, И.Рауз предлагал проследить процесс изготовления вещи, начиная с выбора мастером материала и затем проходя по выбору техники изготовления, элементов формы, декора и использования. В результате разбивок интересующей нас совокупности вещей отдельно по каждому такому признаку на группы (аналитическая классификация) должны выделиться признаки, отражающие отдельные определённые «моды». Например, разделив коллекцию черепков по характеру отощителя и обнаружив, что в качестве отощителя использовался либо песок, либо раковины, археолог тем самым открывает, что у изготовителей керамики существовало два альтернативных стандарта отощителя. Только такие «моды» должны использоваться в дальнейшей классификации. Правда, поскольку многие артефакты обладают очень большим количеством «модов», из них всё равно приходится выбирать и использовать только часть. Этот выбор осуществляет исследователь. Но о том, как это делается, И.Рауз ничего не пишет [ср. Read 1989: 158], кроме ссылок на индивидуальные качества исследователя [Rouse 1960: 313-316].

Отметим, что понятие **морфема** А.А.Синицина – «реальная категория, отражающая на разных таксономических уровнях традиционно значимые моменты для достижения определённых целей...» [1977: 163] – по своей сути почти полностью совпадает с понятием «мод» И.Рауза.

В 1972 г. И.Рауз по-новому развил свои идеи. «Поскольку классификация является произвольной процедурой и может быть выполнена различными способами, необходимо всегда проявлять осторожность, чтобы применять тот вид классификации, который наилучшим образом подходит к нашим целям. учитывая этот принцип, преисторики должны различать три главных вида типов и модов: внутренние, внешние и когнитивные» [Rouse 1972: 238]. **Внутренний мод** – это мод, «который выражает собственную природу класса свойств; он говорит нам о том, какие свойства в классе сходны». **Внешний мод** – «выражает способ, которым свойства изготовлены или использовались; он включает как технику производства, так и функцию, которые могут быть выведены из свойств. Если существуют близкие этнографические или этноисторические свидетельства, преисторик может также реконструировать **когнитивные моды**, состоящие из наборов признаков, которые использовали сами мастера для различения классов свойств» [Rouse 1972: 57, 167-168, 238, 283]. По его мнению, археологи должны заниматься внутренними модами и типами, а преисторики – внешними и когнитивными.

У.Тэйлор для обозначения уровня элементарных характеристик вещей пользовался термином «форма», выступавшим в трёх ипостасях. **Эмпирическая форма** – это наблюдаемая эмпирическая категория, «сумма и расположение составляющих археологические проявления физико-химических частей вместе с их эмпирическими сходствами; те аспекты явления, выражение которых может непосредственно наблюдаться и которые, таким образом, могут быть использованы археологом как эмпирические данные». **Культурная форма** (cultural form) – это выводная культурная категория, «"использование" и "функция" и/или техника производства (или часть из этого), насколько их можно вывести из эмпирических данных (эмпирической формы)». **Культур-форма** (culture form), **мод** – это категория культуры, поддающаяся выводу из эмпирической и культурной форм, «культурная идея, культурная черта (категория культуры), объективированная в индивидуальном проявлении; также "смысл", проявляемый в нём» [Taylor 1948: 116-117] (рис. 1). Главная задача археолога, по У.Тэйлору, – добраться до культур-формы и культур-типов (см. главу 3). Однако, как этого можно достичь, У.Тэйлор не указал, не считая общих соображений о «сопрягательном» подходе, т.е. изучении вещей в контекстах.

Советский археолог Л.С.Клейн попытался использовать идеи И.Рауза и У.Тэйлора, а также Дж.Дица и Д.Хаймза, Д.Кларка и

В.С.Бочкарёва, М.Мальмера, преодолев то, что он считал недостатками этих авторов. Подобно ряду универсалий и ряду категорий В.С.Бочкарёва, он ввёл ряд конкретов и ряд абстрактов. В ряду конкретов у него находится **след**, совпадающий со «свойством» Рауза и Бочкарёва, в ряду абстрактов **черта**, или **элемент**, охватывающий три спецификации: эмпирически фиксируемое **свойство**, имеющий культурный смысл **признак** и произвольно выбираемый **показатель** (рис. 4) [Клейн 1979: 64-65; 1982: 256-257; Клейн 1991: 218].

Кроме того, ссылаясь на И.Рауза, Л.С.Клейн считал необходимым ввести ещё один уровень интеграции между свойством артефакта и целым артефактом: **фрагмент** в ряду конкретов, соответствующий ему **мод** в ряду абстрактов. «Мод» – это «результат идеализации конкретных воплощений некоторой детали (части, компонента) concreta», имеющий три спецификации параллельные спецификациям «черты»: **блок**, **формема** и **вид детали (вырезка)** (рис. 4) [Клейн 1979: 61, 64; Klejn 1982: 253, 256; Клейн 1991: 218]. В зависимости от специфики материала и задач классификации археолог должен привлекать разные спецификации «черты» и «мода». Но главным на этом уровне должно быть выявление культурно значимых «признаков» и «модов». Достигается это в рамках системной стратегии группирования, о которой пойдёт речь в пятой главе.

Второе направление связано со структурно-системным подходом к объектам. А.Сполдинг в 1960 г. заметил, что «в некоторых отношениях признаки (в археологии) являются аналогами фонем в лингвистике» [Spaulding 1971: 27]. Позднее Дж.Диц предложил понятия «фактема» и «формема», являющиеся археологическими аналогами морфемы и фонемы в лингвистике. **Фактема** – «минимальный класс признаков, которые влияют на функциональное назначение артефакта (например, зазубривание продольных краёв наконечника стрелы)» [Deetz 1967: 89]. Очень близким ему оказывается **рабочий элемент** И.И.Коробкова и М.М.Мансурова [1972]. **Формема** – «минимальный класс объектов, которые имеют функциональное значение (например, стрела – комбинация пяти формем: древко, наконечник, оперение, вяжущее вещество крепления, оформление древка)» [Deetz 1967: 90]. Подобно аллофонам в лингвистике, фактемы и формемы, неразличимые по своим значениям в культуре, образуют **аллофакты** и **аллоформы**. Подразумевается, что выделенные на этой основе структурные элементы артефактов соответствуют мысленным шаблонам и/или культурным нормам их изготовителей.

Английский археолог Д.Кларк рассматривал **археологический признак** как «логически неразложимую характеристику, имеющую два или более состояний и действующую как независимая переменная в определённой системе характеристик артефактов» (рис. 2) [Clarke 1968: 135, 138, 186, 665; ср. Шер 1966: 259]. Причём «всякий признак эквивалентен одному преднамеренному и обдуманному человеческому действию» [Clarke 1968: 138].

Д.Кларк считал, что предварительный анализ должен выявить «**несущественные признаки** – те, которые нерелевантны (не имеют значения) в рамках проводимого исследования и которые, следовательно, не играют в системе определяющей роли, а также те, которые повсюду одинаковы» (ср. **недиагностические** и **диагностические** признаки [Каменецкий и др. 1975: 26-27]). **Существенные признаки** – «такие переменные, которые являются частью релевантной системы и значения или состояния которых могут изменяться как часть меняющейся системы». Детальный анализ существенных признаков может позволить затем выделить из них **ключевые (типичные) признаки** – «такие коррелированные кластры признаков в системе, чьи последовательные значения или состояния коварируют (согласованно изменяются) в определённой связи с последовательными значениями других подобных признаков» [Clarke 1968: 137-138]. При этом Д.Кларк отмечал, что отбор признаков остаётся до некоторой степени произвольным.

Третье направление связано с постановкой на первое место необходимости отбирать признаки в соответствии с целями исследования. Американец Д.Бру считал, что, если уж любые серии данных могут быть сгруппированы множеством различных способов, то исследователь должен выбрать те из них, которые будут служить целям его исследования [Brew 1946: 48]. «Одна из основных задач, решаемых при составлении исходного списка признаков, заключается не в стремлении охватить максимальное количество признаков (которых может быть бесконечно много), а в определении того минимума признаков, необходимого и достаточного для решения поставленной задачи» [Гудим-Левкович 1987: 54].

Представители американской «новой археологии» Дж.Хилл и Р.Эванс последовательно провели в классификацию гипотезно-дедуктивную процедуру исследования. Её стержнем является то, что из решаемой проблемы нужно вывести гипотезы относительно соответствующих эмпирических материалов и затем, исходя из них, выбрать те признаки, которые, как представляется исследователю, при-

ведут к типологиям, полезным в анализе этой проблемы. Например, если археолог хочет проверить предположение о том, что часть неких сосудов служила для приготовления пищи, а другая часть – для хранения воды, он должен выбрать те признаки, которые, по его мнению, связаны с этими функциями [Hill & Evans 1972: 253; ср. Dunnell 1971b: 117-118]. Советские археологи И.С.Каменецкий, Б.И.Маршак, Я.А.Шер писали, что «дать строгое определение признака нельзя, ибо это исходное понятие... В приближённом виде это любое свойство предмета или явления, которое выделено и записано каким-либо способом» [1975: 19]. «Выделение признаков, составление списка (признаков – Е.К.) и сейчас и впредь, т.е. в формализованном исследовании остаётся интуитивным... Именно в выделении признаков, их подборе, и заключается искусство «классификатора, сказывается накопленный опыт, проявляется интуиция» [1975: 36-37]. В то же время они писали, что в зависимости от задач классификации выбираются те или иные виды признаков (виды классификаций): морфологические, функциональные, иконографические, стилистические и иные [Каменецкий и др. 1975: 45-46; ср. Read 1974: 220]. В.С.Бочкарёв указывал, что «учёт свойств связан с проблемой выбора, которая пронизывает всю исследовательскую работу археолога, начиная от определения артефактов и кончая открытием культур. В решении этой проблемы он руководствуется общими историко-культурными представлениями, накопленным опытом археологии, целью исследования, состоянием материала и т.д.» [1975: 36].

Наконец, необходимо сказать несколько слов о подходе шведского археолога М.Мальмера. Он называл **типологическими элементами** любые объективно регистрируемые физические детали или свойства артефактов, с помощью которых может быть показано сходство или несходство артефактов [Malmer 1962: 50-51; 1963: 24-25, 257-258; 1970: 44], указывая, что типологический элемент – это то же самое, что **признак** у Д.Кларка и **морфологическое свойство** у К.Кульберга [Malmer 1970: 44]. Идея М.Мальмера состояла в том, чтобы избежать «импрессионизма» в оценках свойств и использовать в классификации только такие признаки, которые фиксируются со стопроцентной однозначностью (измерения, результаты химических анализов и т.п.). Разумеется, многие типологические элементы очень трудно зарегистрировать абсолютно объективно и однозначно. Например, такой важный признак как качество шлифовки каменных топоров. Этот признак достаточно легко оценивается визуально, но при этом между оценками разных исследователей неизбежно возник-

кают расхождения. Конечно, можно использовать различные измерения, которые позволят охарактеризовать качество шлифовки, независимо от субъективности восприятия разных исследователей. Однако такие измерения достаточно сложны и на больших массивах материала в археологии практически нереализуемы. М.Мальмер настаивает, что от использования подобных типологических элементов следует отказаться, какими бы существенными они ни были. Хотя такой подход в теоретической литературе представлен, видимо, только в работах М.Мальмера, он несомненно отражает одну из существующих в современной археологии тенденций.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как видно из приведённого обзора, многие понятия разных археологов очень близки между собой, а разные термины нередко обозначают одно и то же понятие. Разумеется, каждый автор может настаивать на том, что именно его термины наилучшие и именно его система классификационных понятий является наиболее точной и необходимой археологам. Тем не менее, «свойство» Рауза и Бочкарёва соответствует «эмпирической форме» Тэйлора и «следу» Клейна, а также «типологическому элементу» Мальмера, «признаку» Кларка и т.д., обозначая *отдельную эмпирически доступную характеристику конкретного объекта*. «Мод» в одном из пониманий Рауза соответствует «признаку» Бочкарёва и «черте» Клейна, обозначая *идеальный объект, полученный в результате обобщения и абстрагирования конкретных эмпирических характеристик объектов*, «свойств» и т.п. «Мод» в другом понимании Рауза близок «культур-форме» Тэйлора и «признаку» и «формеме» Клейна, а также «морфеме» Сеницына. Внутренние и внешние «моды» Рауза параллельны в значительной степени внутренним и внешним свойствам Гардена. «Показатель» Клейна по своей идее восходит к «типологическому элементу» Мальмера. Правда, при соотнесении понятий Клейна с понятиями других археологов смущает то, что он считает свои абстракты эмпирически наблюдаемыми (?) [Клейн 1979: 65; Klejn 1982: 283]. Конечно, такой избыток терминов по сравнению с понятиями, которые они обозначают, приводит только к путанице и ненужным затруднениям.

Что касается проблемы отбора признаков для классификации, то, как видно из вышеизложенного (и как уже отмечалось), подходы к её решению распадаются на три основных направления. Первое связано с поиском в материале таких признаков, которые являлись так или иначе значимыми для самих создателей артефактов и их

древних владельцев. Второе пытается рассматривать артефакт как структуру или систему (в смысле системного подхода) и предлагает, соответственно, отбирать только те признаки, которые являются элементами системы или, по крайней мере, часть из них. Третье так или иначе приходит к выводу, что признаки необходимо отбирать только исходя из целей исследования, учитывая специфику решаемых задач и специфику самих признаков.

Интересно, что ни один археолог в попытках решить проблему отбора признаков не исходил из понятия сходства. Чжан Гуан-Чжи заявил, что «мы не должны забираться в лингвистику или социальную антропологию, чтобы найти в них исследовательский инструмент для открытия культурно значимых регулярностей в археологических остатках. Потому что сравнительный метод и является таким инструментом, и археология – это сравнение или ничто» [Chang 1967: 78]. Однако, несмотря на столь решительное заявление, и он не использовал понятие сходства в своём анализе классификационных проблем в археологии.

В самой основе первого направления лежит явное или неявное представление о том, что обнаружение культурно значимых признаков («модов», «культур-форм» и т.п.) само по себе полностью, или почти полностью, обеспечивает успешное в конечном итоге построение классификаций. Это может быть одна-единственная классификация определённой совокупности артефактов, соответствующая классификации самих создателей этих артефактов и т.п., как у У.Тэйлора, А.Сполдинга, Л.С.Клейна и многих других археологов, но может быть и несколько классификаций одного и того же материала, открывающих присущую ему упорядоченность, как у И.Рауза и Р.Даннела [Dunnell 1986]. Процедура обнаружения таких культурно значимых признаков может быть как очень простой (аналитическая классификация И.Рауза – см. главу 5), так и очень сложной (системная стратегия группирования Л.С.Клейна – см. главу 5).

Смысл структурно-системного подхода к артефакту примерно такой же, как и в первом направлении. Структура или система объекта естественно мыслится как объективно присущая объекту и единственная (или единственная привилегированная из возможных, наилучшая и т.п.). Поэтому, если представить артефакт как систему или структуру свойств и отобрать те признаки, которые являются элементами данной системы или структуры, то использование этих признаков приведёт к построению «правильной» классификации. Процедура выявления таких системно-структурных признаков может быть как

очень простой, – как у Дж.Дица, которому его «фактемы» и «формемы» представляются, видимо, почти очевидными, так и очень сложной, – как у Д.Кларка, у которого «ключевые» (типичные) признаки могут окончательно выявляться лишь в результате всей классификации [Clarke 1968: 138, 142].

Необходимо отметить, что к этому направлению в наибольшей степени приближаются разработки в области современной общенаучной теории классификации, тот её раздел, который получил название «мерономия». «Совокупность процедур расчленения охватывается понятием мерономии... Понятие **таксона** означает множество объектов, объединённых некоторыми общими признаками. Понятие **мерона** означает множество частей, принадлежащих этим объектам и обладающих некоторыми общими признаками...» [Мейен 1977: 29; Мейен, Шрейдер 1976]. «Понятие **мерона** возникает тогда, когда... рассматривается расчленение объекта на части. Результат такого членения и будет мероном. Мерон в этом случае выступает не просто как результат данной операции членения объекта, но как некоторая сущность, как часть, присущая объекту. Такое расчленение объекта может быть произведено множеством способов и поэтому каждому объекту соответствует бесконечное число меронов...» [Чебанов 1977: 1].

Как видим, само понятие мерона очень близко фактеме Дица, да и моду Рауза, а расчленение объекта на мероны мыслится обеспечивающим впоследствии успешность классификации, хотя и в этом случае необходим отбор существенных меронов и т.д. [Чебанов 1977: 3-4]. Существенность признаков, модов, меронов и т.п. определяется, как правило, той ролью, которую они играют в объекте, – следовательно, и уровнем наших знаний об исследуемых объектах.

Те немногие исследователи, которые считают, что в отборе признаков нужно руководствоваться прежде всего целями исследования, приходят к этому заключению по-разному. Д.Бру, в значительной мере, опираясь на опыт современной ему биологической систематики и исходил из признания того, что классификация – это лишь инструмент исследования и не более. Дж.Хилл и Р.Эванс последовательно применили в теории классификации позитивистскую концепцию науки и, соответственно, гипотезно-дедуктивную процедуру исследования. «Позитивистский взгляд заключается в том, что явления не обладают врождёнными или первичными значениями, которые могут быть открыты. Скорее, любому явлению или набору явлений значение придаётся человеческим разумом, и им может быть

приписано столько значений, сколько исследователь сочтёт нужным» [Hill & Evans 1972: 252]. Соответственно, единственным критерием для отбора признаков является задача исследования [Dunnell 1971b: 117].

Наконец, ряд археологов полагает, что отбор признаков необходим и неизбежен, но отдаёт его полностью на откуп интуиции. Представляется, что это уход от решения проблемы отбора признаков, ведь и интуиция «срабатывает» не на пустом месте. Поскольку «...результаты процесса классификации, в основном, предопределены правилами сравнения и исходными данными» [Каменецкий и др. 1975: 73; ср. Dunnell 1986: 193], постольку отказ от разработки процедуры отбора признаков означает отказ вообще от попыток действительно улучшить методы классифицирования и увеличить научную отдачу классификаций.

ОТБОР ПРИЗНАКОВ

Теперь вернёмся к началу наших рассуждений – к понятию сходства и рассмотрим вопрос об отборе признаков для сравнения и классификации в свете этого понятия.

Как мы видели, установление сходства объектов имеет смысл только для определённой ситуации, с определённой точки зрения. Каким же образом может задаваться ситуация сравнения объектов в науке, как устанавливается та точка зрения, с которой исследователь судит о сходстве объектов? Очевидно, что в любом случае такая точка зрения устанавливается или выбирается самим исследователем. Поскольку любое исследование проводится для решения некоторой задачи, проблемы и т.п., то самый прямой путь к установлению ситуации сравнения вовлечённых в исследование объектов должен исходить из задачи исследования. Если мы хотим с помощью сравнения обнаружить те признаки, которые были значимы для создателей и пользователей артефактов, то необходимо узнать те точки зрения, с которых сравнивали эти артефакты их создатели и пользователи. Но здесь, во-первых, непонятно, как это сделать. Во-вторых, несомненно, что они, как и мы, сравнивали объекты с разных точек зрения. Идея о том, что существовала какая-то одна, особая, привилегированная точка зрения, весьма проблематична. Ведь в зависимости от конкретной жизненной ситуации на первый план выступают разные точки зрения.

Что касается структурно-системного подхода, то, конечно, в целом он полезен. Однако использование структурных или систем-

ных признаков объектов в классификации может и не отвечать задачам исследования. Полезными для обеспечения тех или иных задач вполне могут оказаться и другие признаки, которые нельзя рассматривать как элементы системы или структуры объекта – никаких ограничений на качество признаков при их отборе, опирающемся на задачу исследования, нет. Отсюда же должно быть понятно, что никакое особое расчленение объекта на признаки, моды, формемы, фактемы, морфемы, мероны и т.п. само по себе вовсе не обеспечивает удовлетворение исследовательских задач, каким бы полезным для понимания объекта оно ни оказалось. Более того, само расчленение объекта на составляющие его элементы должно производиться с учётом исследовательской задачи. Например, в примере со стрелой Дж.Дица важным для исследования может оказаться не сочетание пяти формем (древко, наконечник, оперение, вяжущее вещество крепления, оформление древка), а лишь только форма или материал наконечника, а все остальные признаки могут не играть никакой роли (что и происходит в реальной археологии). В таком случае расчленение объекта на формемы ничего не даёт для выбора признаков и классификации.

Как мы видели в первой главе, смысл установления сходства объектов по одним признакам состоит в том, чтобы сделать заключение о сходстве этих объектов и по другим интересующим нас признакам, непосредственно не доступным в данном случае по тем или иным причинам [Malmer 1963: 15, 251; Гарден 1983: 115-120]. Тогда наиболее логичным будет начинать именно с этих важных в исследовании признаков (в одних случаях достижение таких признаков само является целью исследования, в других – они должны быть выведены из неё). И затем уже искать такие доступные признаки, которые в максимальной степени коррелировали бы с признаками, представляющими главный интерес для исследования. Используя термины Ю.А.Воронина, будем называть последние целевыми признаками, а первые – косвенными [Воронин 1985: 18]. В приведённом в первой главе примере с грибами ядовитость является целевым признаком, а соответствующие визуально наблюдаемые признаки грибов – косвенными. **Целевые признаки** – это те признаки, наличие которых на объектах в рамках некоторой задачи необходимо определить, а **косвенные признаки** – это те признаки, с помощью которых и определяется (косвенным путём) наличие на объектах целевых признаков. Необходимо подчеркнуть, что разделение признаков на целевые и косвенные определяется не характером самих признаков, а той ро-

лю, которую они играют в исследовании. Одни и те же признаки могут быть косвенными в одном исследовании и целевыми в другом.

В археологии в роли целевых признаков обычно оказываются внешние признаки по Гардену (дата, происхождение, назначение и т.д.), а в роли косвенных выступают внутренние (технология, морфология, орнамент и т.д.), – но бывает и наоборот. «Обычно это происходит при изучении фрагментарных объектов или памятников. В этом случае их форма, полный текст надписей на них или любое другое такое же "внутреннее" свойство восстанавливаются при помощи сравнения с материалами лучшей сохранности» [Гарден 1983: 119-120].

За пределами археологии существует целый ряд терминов и понятий, очень близких к представленным здесь понятиям целевых и косвенных признаков. Например, Ю.Н.Толстова пишет: «представляется целесообразным все наблюдаемые при решении интересующих нас задач признаки разделить на признаки-причины изучаемых явлений и их признаки-проявления... В литературе аналогичное деление признаков производится довольно часто. При этом признаки-причины и признаки-проявления называются соответственно независимыми и зависимыми, входными и выходными, детерминирующими и детерминируемыми признаками и т.д... При осуществлении классификации исследователь обычно имеет дело лишь с одной группой признаков – либо с признаками-причинами, либо с признаками-проявлениями» [Типология и классификация...: 26]. В основе подобного деления признаков лежит обычно то значение, которое они имеют в объекте, и их связь друг с другом, что и отражается, как правило, в соответствующих терминах.

Однако суть деления признаков на целевые и косвенные иная, нежели на внешние и внутренние, признаки-причины и признаки-проявления и т.п. Разделение на целевые и косвенные признаки определяется исключительно в рамках конкретного исследования и исключительно той ролью, которую они играют в этом исследовании. Разумеется, чтобы к конкретным целевым признакам, занимающим нас, подобрать подходящие косвенные признаки, желательно знать как можно больше об их связях, взаимообусловленности и т.п. Именно здесь могут оказаться полезными системно-структурные представления об объектах. Но, подчеркну, всё это не имеет никакого значения для деления признаков на целевые и косвенные.

Рассмотрим классический для археологии пример – построенные типологии (классификации), в которой каждый тип (класс) дол-

жен получить определённую датировку. Начнём с примера, в котором будут участвовать всего два предмета: нож, найденный вместе с монетой, и нож, найденный без сопровождающих его вещей. Первый нож получает датировку по монете, второй может получить её только на основании сходства с первым. Итак, целевой признак здесь ясен – это датировка ножей (внешний признак по Гардену). Для первого ножа он определён, для второго – нет. В пределах различимости при визуальном осмотре ножей мы можем зафиксировать следующее: профиль и ширина клинков одинаковы, но у второго ножа клинок длиннее, чем у первого; длина черешка у обоих ножей одинакова, но сечения черешков разные; у первого ножа одно отверстие в черешке, у второго – два. Налицо сходство по одним признакам и различие по другим. Очевидно, на этой основе невозможно датировать второй нож. Необходимо выяснить, какие из учтённых признаков являются хронологическими, т.е. бытовали в культуре достаточно ограниченный отрезок времени. Предположим, из письменных источников известно, что способ крепления рукоятки с помощью заклёпок или без них считался у древних людей важной особенностью ножа. Тогда для датировки ножей становится важным наличие отверстий в черешке для заклёпок, крепивших накладку рукояти. Хотя в данном случае существует различие в количестве отверстий, оно рассматривается как второстепенное. В целом, датировка второго ножа должна быть близка датировке первого. В приведённом случае косвенные признаки – наличие отверстий для заклёпок в черешке, определяются на основе внешней по отношению к объектам информации.

Мне могут возразить, что пример слишком примитивен, что вывод о хронологическом значении сочетания тех или иных признаков на самом деле делается на основании весьма широкой и разнообразной информации и на большом объёме материала, а не на двух вещах. И это действительно справедливо. Но я хочу обратить внимание на то, что при любой сложности и степени обоснованности археологических построений логический стержень выводов остаётся тем же: на основании каких-либо данных делается заключение о хронологической значимости тех или иных признаков или их сочетаний и затем соответствующая датировка переносится на объекты, обладающие этими признаками.

Усложним наш пример. Введём в него множество ножей, которые отличаются по разным признакам от первого и второго ножей, и забудем про информацию придуманных мной письменных источников. Если все признаки первого и второго ножей встречаются в

различных сочетаниях на представителях данного множества ножей, то ни один нож датировать по сходству с первым невозможно, так как тогда оказывается, что ни один отмеченный нами признак нельзя связать с хронологией. А если среди данного набора ножей есть серия ножей, обладающих полным набором признаков, которые есть у первого ножа, найденного с монетой? Тогда объединение этой серии ножей с первым ножом в одну группу вполне обоснованно. Но можно ли перенести датировку первого ножа на всю эту группу? Пожалуй, такой перенос будет весьма сомнительной операцией, поскольку у нас нет никаких оснований считать, что набор учтённых нами косвенных признаков связан с хронологией.

Наконец, ещё более приблизим пример к реальной ситуации в археологии: кроме одного первого ножа, найдена целая группа ножей с одинаковыми монетами. Если эта группа ножей отличается от множества всех других ножей, скажем, только по длине черешка, то мы вправе допустить, что именно этот признак отражает хронологию. Разница с предыдущим случаем состоит в том, что теперь определённая длина черешка может рассматриваться как неслучайный признак, так как он имеется на целой группе объектов и сопровождается другим – монетой. В предыдущем же случае ничто не свидетельствовало о том, что встречаемость определённой длины черешка с определённой монетой не случайна. Но теперь вероятность вывода о том, что второй нож датируется так же, как и первый (на основании равенства длины черешка), как вся первая группа ножей, значительно повышается.

На этом примере видно, что для выявления необходимых в конкретной задаче косвенных признаков существует, по крайней мере, два основных пути: через знание закономерных связей между целевыми и косвенными признаками и через группу объектов, для которых зафиксировано наличие на них целевых признаков. В последнем случае косвенные признаки выявляются через сравнение всех исследуемых объектов с этой группой и выявление более или менее общих признаков. Причём связь между целевыми и косвенными признаками устанавливается тогда чисто эмпирически, – обуславливающие эту связь причины могут быть неизвестны, но это не делает выявленные косвенные признаки менее ценными в достижении исследовательских задач. Всё это несколько напоминает гипотезно-дедуктивный метод построения классификации (см. главу 5), но без самих эмпирически проверяемых гипотез.

Однако, кроме приведённых случаев, возможно такое состояние материала и наших знаний о нём, когда невозможно даже толком сформулировать задачу исследования по отношению к нему. Пример – депаспортизованная коллекция ножей: неизвестно место находки каждого ножа и неизвестен сопровождающий инвентарь. Можно ли извлечь какую-то новую информацию из сравнения этих ножей между собой? Заметим, что сама постановка такого вопроса имеет смысл только в том случае, если предполагается, что данное множество ножей представляет некоторую целостность, например, происходит из одного региона.

Археологам хорошо известна возможность решения такой задачи это построение типологического ряда. Все ножи разбиваются по сходству, по тем или иным признакам, на такие группы, чтобы эти группы можно было расположить по сходству между ними в определённой последовательности. Эту последовательность можно интерпретировать как отражающую относительную хронологию ножей. В этом примере задача состоит, видимо, в том, чтобы на основании сходства объектов выявить в материале какую-то упорядоченность. Правда, нас устроит не любая выявленная упорядоченность, а лишь такая, которая может получить значимую для науки интерпретацию. По сути получается, что задача в данном случае сводится к тому, чтобы выявить косвенные признаки, подходящие к любому целевому признаку из тех, что могут нас вообще интересовать. Причём, если сходство объектов по привлечённым для их сравнения признакам невозможно никак интерпретировать (хотя бы на основе допускающей проверку гипотезы), то это сходство лишается всякого научного смысла, каким бы очевидным оно ни выглядело. Получается, что при выборе признаков для сравнения объектов в данной ситуации мы вынуждены руководствоваться всеми возможными исследовательскими целями по отношению к данному материалу. Более того, косвенные признаки, способные привести к достижению хоть каких-то разумных целей, выявляются только в конце всей процедуры – при интерпретации классификации. Это, естественно, угрожает бесконечным перебором вариантов разных оснований классификации (о практическом преодолении подобных трудностей см. главу 7). В то же время, получается, что и здесь выбор признаков для сравнения и классификации объектов, в конечном итоге, определяется их связью с целевыми признаками.

Как писал Д.С.Милль, «предметы следовало бы классифицировать по возможности на основании таких свойств, которые служат

причинами многих других или, по крайней мере, составляют их верные признаки... Но, к сожалению, свойства, служащие причинами главных отличительных признаков классов, лишь редко бывают в то же время способны служить для узнавания этого класса. И вместо причин, нам по большей части приходится выбирать те или другие из наиболее бросающихся в глаза их следствий – такие следствия, которые могут служить признаками как других следствий, так и самой причины... Задача состоит в том, чтобы найти небольшое количество таких известных нам признаков, которые указывали бы на множество признаков неизвестных» [1914: 645, 652].

ВЕС ПРИЗНАКА

Теперь остановимся на таком понятии как «вес признака». «Признаки... неравнозначны с точки зрения их веса (значения) для цели данного исследования» [Шер 1979: 11]. В приведённом примере с ножами одни признаки оказывались полезными для установления хронологии, другие – нет. В этом случае говорят, что первые обладают весом, а вторые нет (или у первых вес = 1, а у вторых = 0). Такая ситуация является простейшей, так как в классификации используются только те признаки, которые обладают весом, а не обладающие весом не используются вообще. Более сложной является ситуация, при которой именно используемые в исследовании признаки обладают разным весом. Например, в последнем варианте примера с ножами допустим, что типологический ряд строится по двум признакам: увеличению длины клинка и уплощению черешка. Причём при расположении ножей в последовательный ряд по увеличению длины клинка нарушается последовательность расположения ножей по уплощению черешка и, соответственно, наоборот. Если по тем или иным причинам предпочтение при построении типологического ряда будет отдано длине клинка, то это и будет означать, что признаку «длина клинка» придаётся больший вес, чем признаку «уплощённость черешка».

При использовании в археологии количественных методов вес признаков часто напрямую связывается с частотой их встречаемости, поскольку это самый простой способ придания веса признакам в этом случае. Разумеется, при этом трудно говорить о значении признаков для целей конкретных исследований. Мне представляется, что при использовании количественных методов было бы полезно вернуться к забытому предложению Я.А.Шера. Исходя из своего знания материала, сам исследователь может приписывать «каждому признаку вес

так, чтобы сумма весов для всех признаков данного объекта была равна единице» [1966: 263]. Тогда в исследование действительно можно ввести количественную оценку веса признаков в зависимости от их значения для исследования.

Д.Кларк, правда, считал, что всем признакам необходимо приписывать равный вес, дабы избежать субъективности при определении веса признаков [Clarke 1968: 142, 521-524]. Но ведь уравнение веса признаков не менее субъективно, чем придание им разного веса.

УРОВНИ РАСЧЛЕНЕНИЯ

Кроме расчленения объектов на свойства или признаки, Л.С.Клейн, как указывалось, предложил ввести ещё один уровень расчленения уровень деталей [Клейн 1979; Klejn 1982]. Но, пожалуй, в этом нет необходимости. При расчленении всякого объекта можно ввести бесконечное число уровней, поскольку любой признак можно расчленить на составляющие его признаки и т.д. Меч, очевидно, расчленяется на две детали: клинок и эфес. Эфес, в свою очередь, расчленяется на перекрестие, или гарду, рукоять, навершие. И перекрестие, и рукоять, и навершие расчленяются ещё на детали. Причём, все эти членения соответствуют тем отдельным деталям меча в обыденном смысле, которые изготавливаются по отдельности и затем скрепляются в единое целое – меч. А каждая такая деталь обладает целым рядом свойств и т.д. Для разных объектов и для разных исследовательских задач обнаруживается разное число возможных и допустимых уровней расчленения. Видимо, нет смысла во введении универсальных уровней расчленения археологических объектов независимо от того, сколько этих уровней выделять: два, три или больше. Разумнее оставаться в рамках традиционной схемы, включающей уровень отдельных объектов и уровень их расчленений, при необходимости допускающий дальнейшее членение. Первый – это уровень артефактов и типов, второй – уровень свойств и признаков. Только эти два уровня являются совершенно обязательными.

Глава 3. ТИПЫ

АРТЕФАКТ

По отобранным признакам сравниваются целые объекты. В археологии такими конкретными объектами являются **артефакты**. Разные археологи по-разному определяют это понятие. Все согласны с тем, что оно включает *любой материальный (вещественный) предмет, изготовленный или модифицированный человеком* [Clarke 1968; Daniel 1975; Bray, Trump 1979]. Однако далее начинаются расхождения. Одни включают в это понятие не только дискретные объекты (например, горшок), но и отдельные черты объекта (например, орнаментация горшка), структуры (например, планировка могильника) и т.п. [Бочкарёв 1975: 35]. Здесь подходят такие широкие определения, как: «артефакты – суть материальные следы деятельности древних людей» [Лебедев 1975: 56], или: «свойства несоциальных систем, приданные им взаимодействием с социальными объектами» [Ковалёв 1987: 39]. Другие сужают его только до дискретных и портативных объектов – вещей в обыденном понимании [Sharer, Ashmore 1979: 560]. Третьи относят к нему только те объекты, которые сделаны в соответствии с нормами культуры [Бочкарёв 1975: 35; Клейн 1978: 83]. Четвёртые расширяют это понятие до того, что оно практически теряет свою специфику. У Дж.Дица в это понятие попадают и ископаемые идеи [Deetz 1967: 45], у В.Ф.Генинга – «те свойства, связи, отношения и закономерности, которые включены в процесс исследования на данном этапе развития науки» [1983: 142]. (рис. 2, 3). Мне кажется, что как расширение, так и сужение понятия «артефакт» нецелесообразно – для этих случаев есть другие понятия и термины, в частности, использованные в приведённых определениях артефакта. Если археологам и нужно здесь какое-то особое понятие, то, пожалуй, лишь для общего обозначения разнообразных категорий вещественных остатков человеческой деятельности: вещей, сооружений, фрагментов объектов, обнаруженных уже отдельно от них, свойств, наложенных человеком на природные объекты или связанных с его деятельностью – от наскальных рисунков до отпечатков ног в туфе, и т.п. Они эмпирически даны исследователю как дискретные объекты и составляют эмпирическую базу (объект) археологии. Такому пониманию понятия «артефакт» наиболее соответствует первое из приведённых выше определений.

Каждый артефакт представляет собой некоторое сочетание свойств. Обычно к этому добавляют, что эти свойства определённым

образом упорядочены и связаны друг с другом, что артефакт есть система свойств (не обязательно в смысле системного подхода), а не просто их механическая сумма и т.п. Такое добавление, безусловно, справедливо. Но, с другой стороны, определённая упорядоченность свойств в артефакте и их связь друг с другом сами являются свойствами артефакта. Отношение наибольшего диаметра сосуда к его высоте – это отношение двух свойств этого сосуда, являющееся ещё одним его свойством. Таким образом, высказывание «артефакт как сочетание свойств» может охватывать и различные отношения свойств артефакта, и отношения свойств данного артефакта к свойствам других артефактов.

КЛАСС – ТИП

Основываясь на отобранных каким-либо образом признаках, можно судить о сходстве артефактов. Артефакты, признанные сходными по каким-либо признакам, оказываются таким образом как бы объединёнными в группу. Очевидно, что, если эмпирически фиксируемые свойства описывают конкретный артефакт, то являющиеся абстрактами признаки могут описывать такую группу сходных артефактов как единое целое. «Конечная или бесконечная совокупность выделенных по некоторому признаку предметов, мыслимая как целое», называется в логике классом [Философский словарь: 199]. Чтобы определить некоторый класс объектов, нужно указать признаки, наличие которых необходимо и достаточно для отнесения объекта к этому классу.

В археологии, однако, ведущее положение занимает термин «тип», обозначающий нечто однопорядковое «классу». Какое же различие в понятиях скрывается за этой парой терминов в археологии?

«Термин "класс" – это общий термин, относящийся к любому основанному на сходствах и различиях делению материальных объектов или событий на группы» [Hill & Evans 1972: 233]. Близкие по смыслу определения, в подавляющем большинстве, даются и другими археологами, например, [Rouse 1939; 1960; 1972; Swartz 1967; Doran & Hodson 1975].

Иногда археологи, как и представители других наук, применяют термин «класс» для обозначения определённого уровня в группировке артефактов. Например, если у У.Тэйлора класс – это группа сходных типов [Taylor 1948: 116, 121], то у М.Мальмера, наоборот, это подраздел типа [Malmer 1962: XXM]. Однако общего понятия

класса это не меняет. Очевидно, что понятие класса в археологии соответствует его понятию в логике.

Понятию тип в археологии посвящено солидное количество литературы, не говоря уже о том, что оно фактически используется в каждой практической работе. Основоположник типологического метода в археологии О.Монтелиус называл типами такие произведения человеческого труда, которые по всем существенным признакам схожи и имеют общее происхождение [Montelius 1891: 1]. Для В.А.Городцова тип – это собрание предметов более или менее близких по назначению, веществу и форме [1927: 8]. Как видим, в первых определениях типа в археологии он понимался как выделенная по определённым признакам группа предметов.

Однако, как сами авторы этих определений, так и другие археологи на практике обозначали этим термином ещё одно понятие. И.Рауз, обратив на это внимание, писал, что в современной ему антропологической литературе «термин "тип", кажется, применяется, по меньшей мере, к двум разным понятиям: группе артефактов и абстрактному качеству артефактов, которое символизирует группу» [Rouse 1939: 11]. Это положение сохраняется и в наше время. Таким образом, тип выступает как группа артефактов, объединённых определёнными признаками, и как абстракт, объединяющий те признаки, по которым данные артефакты объединяются в группу [Sackett 1966: 356]. Очевидно, что первое понятие типа полностью совпадает с понятием класса, а второе обозначает совокупность тех признаков, по которым данный класс выделяется.

ПОДХОДЫ К ТИПУ

Далее в понятие типа вносятся специфические значения. В настоящее время наиболее популярным является определение типа как устойчивого сочетания признаков, отличного от других устойчивых сочетаний признаков, и как группы артефактов, обладающих таким устойчивым сочетанием признаков [Лебедев 1972: 3; Spaulding 1953: 305; Angeli 1958: 104; Deetz 1967: 51; Алексеева 1970а: 59; Каменецкий 1970: 86; 1972: 355; Фёдоров-Давыдов 1970: 126; 1979: 84; 1981: 286; Деопик 1972: 341; Hill & Evans 1972: 233; Бочкарёв 1973: 57; 1975: 40; Массон 1974: 16; Каменецкий и др. 1975: 106]. Под устойчивостью понимается наибольшая повторяемость [Каменецкий и др. 1975: 106], закономерно значимые связи, т.е. сильные связи между признаками [Фёдоров-Давыдов 1987: 199-200; 1979; 1981]. Заметим, что это современное понимание типа по своей сути вполне соответ-

ствует первым определениям типа О.Монтелиуса и В.А.Городцова, так же как и описаниям процедуры выделения типов А.А.Спицына [1898: 352] и И.Рауза [Rouse 1939: 11]. К тому же существует целый ряд современных определений этого понятия, отличающихся по своей форме от приведённых выше, но по своей сути также соответствующих им [см. Шер 1966: 88; Tixier 1967: 812, – из: Sonnevillе-Bordes 1974-75; Clarke 1968: 188, 669; Колчин и др. 1970: 6; Синицын 1977: 163-164; Sharer, Ashmore 1979: 570].

Кроме понятия типа как устойчивого сочетания признаков и как группы артефактов, объединяемых на его основе, в современной литературе существует ряд определений типа, авторы которых никак не отмечают необходимость устойчивости сочетания признаков для формирования типа. Например, Чжан Гуан-Чжи под понятием типа понимает «класс обладающих общими признаками объектов или явлений, но отличающихся от других типов отсутствием их характерных признаков» [Chang 1967: 79. См. также: Krieger 1944: 272; Malmer 1962:XXXM; 1963: 20, 254; Sackett 1966: 356; Lüning 1972; Григорьев 1972: 7; Rouse 1972: 300; Генинг 1973: 116; Клейн 1979: 62; Klejn 1982: 254]. Однако в большинстве случаев трудно убедиться, что это действительно принципиальная позиция того или иного автора, а не случайное смещение акцентов.

Подобные понятия типа очевидно являются не более чем спецификацией понятия класса, «класс» выступает как родовое понятие по отношению к «типу». Тип формально отличается от класса тем, что он формируется на основании не всяких признаков и даже не просто существенных признаков, а лишь на основании устойчивого сочетания признаков.

Правда, на это как бы случайно сложившееся различие понятий класса и типа никто из археологов внимания не обращает. У всех на устах содержательная сторона понятия типа, являющаяся, по мнению большинства, наиважнейшей и обязательной. Тип мыслится как неперенное выражение древних идей о предметах, как отражение культурных норм, воплощённых в артефактах, как проявление «мысленных шаблонов» или что-нибудь в этом роде [ср. Клейн 1979: 51-52]. Например, по И.С.Каменецкому, тип – это «варьирующая и развивающаяся во времени система, характеризующаяся устойчивым повторением сочетания признаков у входящих в неё предметов или объектов, обособленность которой от других аналогичных систем осознавалась производителями и потребителями этих предметов или объектов» [1972: 355; Kamenetski 1971: 3]. И.Рауз указывал, что ар-

хеологам следует работать с «конфигурациями признаков, которые мы опознаём как типы и моды и которые были произведены в соответствии со стандартами, обычаями и верованиями древних мастеров» [Rouse 1970: 10-11]. У Е.А.Рябикина в типы объединяются «близкие по форме предметы, связанные родством происхождения и отражающие реальные культурно-исторические традиции единого порядка» [1981: 10]. У М.Мальмера «тип артефактов может быть точно определён как сумма объектов с определёнными общими свойствами..., а также как собрание объектов, соответствующих конкретным историческим ситуациям, которые сходны в существенных отношениях» [Malmer 1962: XXXV, 56; 1963: 20, 254].

Таким вот образом в понятие типа вносится особое неформальное содержание, уже далеко не сводящееся к сходству артефактов, а непосредственно относящееся к культурно-историческим явлениям более высокого порядка. В этом смысле тип это нечто большее и принципиально иное, нежели класс.

Однако на эту сторону понятия «тип» существуют две противоположные точки зрения. У истоков одной из них стоит, по видимому, А.Кригер [Krieger 1944], у истоков другой – Д.Бру [Brew 1946]. Первая говорит о том, что, хотя на одном и том же материале археолог может сформировать типы по-разному, но не все они будут соответствовать типам, существовавшим в древней культуре: для того, чтобы добраться до таких культурных типов, необходимы специальные процедуры. «Цель археологического типа – предоставить организующий инструмент, который позволит исследователю сгруппировать объекты в целостности, действительно обладающие *историческим смыслом относительно структур человеческой деятельности*» [Krieger 1944: 272].

Вторая утверждает, что археологические типы – это только инструмент исследования, создаваемый и используемый исследователем в целях познания прошлого. «Учёный не "узнаёт" тип, он *создаёт его и помещает* объекты в него»; «классификационные системы – это только инструменты, инструменты анализа, производимые и используемые учёным, точно так же как лопаты, совки и кисти – это инструменты раскопок» [Brew 1946: 46; Ford 1954: 52]. Заметим, что при таких подходах к понятию типа из него выпадает – как обязательная – такая составляющая как «устойчивое сочетание признаков».

Очевидно, что употребление термина «тип» вместо термина «класс» привилось в археологии исторически и в значительной мере

является данью научной традиции (историю появления и применения термина «тип» в археологии см. [Klejn 1982: 35-50]). Если для одних археологов отличие типа от класса принципиально и имеет под собой содержательные основания, то для других тип и класс – это одно и то же, хотя и они предпочитают пользоваться термином «тип».

ОБСУЖДЕНИЕ

Однако, как мы видели, в археологии существует три основных подхода к понятию типа, вовсе не сводящиеся к терминологическим пристрастиям авторов: через устойчивое сочетание признаков, через культурный тип, через создаваемый археологом инструмент исследования.

Причём эти три точки зрения не являются взаимоисключающими, но трактуют одно из фундаментальных археологических понятий совершенно по-разному и независимо от того, какой термин применяется для обозначения этого понятия. При этом от выбора подхода, на котором будет базироваться исследователь, зависит вся процедура классифицирования и культурно-историческая интерпретация полученных результатов. Каковы же их обоснования?

Устойчивое сочетание признаков выдвигается прежде всего потому, что говорит о неслучайности этого явления. Из того факта, что ряд признаков регулярно совместно встречается на ряде объектов (и не встречается на других), следует с большой долей вероятности, что существует некая общая причина появления этих признаков на этих объектах [Spaulding 1953: 305-306; Hill & Evans 1972: 266]. Разумеется, учитываемые признаки должны быть технологически, конструктивно и функционально независимыми, если мы стремимся к обнаружению культурно-исторических причин, обусловивших их устойчивую встречаемость. В целом, эта идея археологической типологии, видимо, достаточно близка идеям латентно-структурного и факторного анализов.

Далее, заманчиво считать, что такой причиной, обуславливающей устойчивую встречаемость некоторых признаков в конкретных случаях, является существование у древних мастеров своих представлений о типах вещей, в соответствии с которыми эти вещи и изготовлялись. Тогда типы, сформированные как устойчивые сочетания признаков, – это именно те типы, которые существовали в древней культуре и воспринимались древними людьми, осознанно или неосознанно, как таковые. «Тип рассматривается здесь как группа артефактов, демонстрирующих устойчивое сочетание признаков, чьи

сочетающиеся свойства дают характерный образец. Этим подразумевается, что в контексте достаточно сходных артефактов классификация на типы есть процесс открытия комбинаций признаков, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольная процедура классифицирующего» [Spaulding 1953: 305. Ср. Мартынов, Шер 1989: 139].

Но, как замечает Л.С.Клейн, «вопреки Сполдингу, тип может и не иметь исторического смысла. Например, устойчивая комбинация признаков на изделиях одного человека, связанная с его индивидуальным навыком, или комбинация, возникшая в результате постдепозиционного отбора (неравномерная изученность и т.п.)» [1979: 57]. Действительно, выявив устойчивое сочетание признаков, мы объясняем его общей причиной, но сама эта причина может быть любой, в том числе, и не имеющей никакого отношения к культурно-историческому прошлому. В этом случае требуется интерпретация полученного результата – выделенных типов. Причём эта интерпретация не вытекает сама по себе из обнаруженной устойчивости некоторого сочетания признаков. Кроме того, поскольку количество свойств объекта бесконечно, ясно, что в устойчивое сочетание признаков, фиксируемое исследователем, попадают не все признаки, входящие в него объективно, независимо от исследователя. Также нет никакой гарантии, что в обнаруженное нами устойчивое сочетание попали все необходимые признаки, имевшие значение для создателей и пользователей артефактов. В то же время, хорошо известно, что разные признаки объектов обладают в культуре разным значением, разным весом. Без учёта этого обстоятельства нельзя рассматривать типы, выделенные как устойчивые сочетания признаков, в качестве действительно существовавших в древней культуре типов или хотя бы имеющих несомненный исторический смысл. А определить культурную значимость признаков в археологии крайне трудно, а в большинстве случаев просто невозможно – необходимая для этого информация не сохраняется, а перенос информации из этнографии крайне ограничен.

Об этом же говорят специальные этноархеологические исследования. Например, М.Хардин, исследуя производство керамики в деревне Сан-Хосе (Мексика), пришла к выводу, что археологический анализ этой керамики по сочетаниям признаков приведёт к выделению таких типов сосудов, которые будут очень близки типам, в которых сами их создатели представляют свою продукцию. Однако выделение типов росписи сосудов приведёт археолога к ошибкам, по-

сколько целостных типов росписи в Сан-Хосе не существует, а как определяющие рассматриваются лишь её отдельные элементы [Hardin 1979]. Ряд примеров близости и полного несовпадения археологических и культурных типов приводит Б.Хэйден [Hayden 1984]. Дж.Эберт свидетельствует, что «бушмены почти повсеместно использовали ножи, луки и стрелы и топоры; но в "археологических" контекстах они почти никогда не обнаруживаются» [Ebert 1979: 66]. Понятно, что в таких случаях устойчивые сочетания признаков вряд ли будут соответствовать типам, существовавшим в древней культуре.

Таким образом, необходимо признать, что тип как устойчивое сочетание признаков сам по себе не обеспечивает достижение древних культурных норм или некоторого культурно-исторического смысла. Но поскольку устойчивое сочетание признаков предполагает наличие обуславливающего его фактора, археологи в своих исследованиях часто вынуждены реализовывать именно это понятие типа в надежде затем найти его культурно-историческую интерпретацию.

Но и это отнюдь не приводит само по себе к разумным результатам. Р.Уоллон обработал статистически, по критерию хи-квадрат, коллекцию керамики, в которой ранее У.Ритчи и Р.Макнейш без применения специальных методик выделили 16 типов. Причём он использовал те же признаки, которые указывали эти исследователи, но получил всего два типа: расписной и нерасписной керамики. Самое поразительное, как отметил Р.Уоллон, то, что типы У.Ритчи и Р.Макнейша хорошо работали, точно отражали хронологию и распределение в пространстве и однозначно опознавались другими археологами. Сомневаться в целесообразности и обоснованности их типологии не приходилось. Проанализировав типологию У.Ритчи и Р.Макнейша, Р.Уоллон пришёл к выводу, что она построена иерархически по древовидной схеме с дихотомическим делением на каждом шаге процедуры (по наличию или отсутствию какого-то одного признака). Он воспроизвёл эту процедуру с использованием критерия хи-квадрат. Деление на каждом шаге и в каждой ветви дендрограммы он производил по признаку, обладавшему наибольшей суммой значений этого критерия. На этом опыте он пришёл к выводу о том, что определение типа А.Кригера приложимо к археологическому материалу в редких случаях и что операционально тип, вероятно, следует определять через серию делений в древовидной структуре, приводящую к типам на концах её ветвей [Whallon 1972] (критику работы Уоллона см. [Doran & Hodson 1975: 177-180]).

Заметим, что в работе самого Р.Уоллона типы также выявляются как устойчивые сочетания признаков, но только эти признаки имеют разный вес.

Второй подход к типу связан с понятием «мысленных шаблонов» (mental templates) и с понятием культурного типа. Впрочем, в большинстве случаев эти понятия совпадают. Наиболее подробно этот подход разработан У.Тэйлором и Л.С.Клейном.

У.Тэйлор указал на существование трёх разновидностей типа: эмпирического, культурного и культур-типа, или архетипа. **Эмпирический тип** (наблюдаемая эмпирическая категория) – это «группа проявлений, обладающих определёнными специфическими сходствами в своей родовой близости и/или составных частях, или абстрагированный из них идеал...». **Культурный тип** (cultural type) (выводная культурная категория) – это «группа проявлений, обладающих определёнными специфическими сходствами в своих выводных "употреблении", "функции" и/или технике производства». **Культур-тип** (culture type) (как выводная категория культуры), **архетип** – это «объективированная культурная идея и/или "смысл", проявляющийся в одном типе, как эмпирическом, так и культурном» [Taylor 1948: 116] (рис. 1).

Последнее понятие, занимающее основополагающее место в схеме У.Тэйлора, основывается на понятии смысла комплекса черт, заимствованного им у американского культурного антрополога Р.Линтона. **Смысл комплекса черт** – это «ассоциации, которые какое-либо общество придаёт этому комплексу черт». При этом Р.Линтон указал, что «такие ассоциации субъективны и часто неосознанны. Они находят лишь непрямоe выражение в поведении и, таким образом, не могут быть установлены чисто объективными методами» [Linton 1936: 403-404]. Несмотря на это предупреждение Р.Линтона, У.Тэйлор всё же попытался ввести это понятие в археологию, хотя, как видно из определений У.Тэйлора, археологам оказывается в принципе доступным не древний «смысл» (архетип, культурная идея), а лишь те его аспекты, которые проявляются в эмпирическом и культурном типах.

Причём «смысл» по Линтону и древняя культурная идея, мысленный шаблон, воплощённые в существовавшем в древней культуре типе, это совершенно различные явления. «смысл» – это, например, особое значение, которое придают разные народы различным цветам или различиям в одежде [Linton 1936: 409-416]. Скажем, в европейской культуре чёрный цвет связывается с отрицательными значения-

ми, белый с положительными, в индийской культуре дело обстоит иначе и т.п. Насколько можно судить по тексту У.Тэйлора, для него «смысл» и «архетип» совместились в одном понятии культур-типа. Вообще же, У.Тэйлор, обозначив необходимость стремиться к постижению культур-типов, не предложил каких-либо способов перехода от эмпирических и культурных типов к культур-типам или к аспектам последних, проявляющимся в эмпирических и культурных типах, за исключением общей идеи сопрягательного (контекстного) подхода (ср. [Клейн 1979: 59]).

Всё-таки постижение настоящего «смысла» возможно в археологии лишь в исключительных случаях. археолог обычно может установить, что те или иные типы артефактов и их сочетания обладают каким-то культурным смыслом, но каким именно – загадка, решить которую можно только на основании письменных и этнографических источников, что удаётся не часто. Например, нет сомнений, что палеолитические венеры обладали значительным культурным смыслом, но в чём состоит этот смысл, можно только гадать. Наличие охры в погребениях различных эпох несомненно имеет смысл, но каков он в конкретных случаях, из самих археологических материалов никак не следует.

У Л.С.Клейна разработка идеи культурного типа в археологии представлена заметно иначе. По Клейну, «**культурные типы** – это те группировки предметов по сходству, которые введены в материал самими древними создателями культуры, когда они упорядочивали и подчиняли своим нормам материал» [Klejn 1982: 81]. Главная задача археологической типологии выявить эти культурные типы. Но поскольку непосредственно распознать их в остатках материальной культуры невозможно, для этого требуются специальные исследовательские процедуры.

Л.С.Клейн считает, что существующие стратегии группирования приводят к выделению либо эмпирических, либо условных типов. **Эмпирический тип** (рис. 4) определяется «как статистически устойчивое сочетание равноправных элементов» [Klejn 1982: 258; Клейн 1979: 64-65]. Формируется эмпирический тип из «свойств» и «блоков» по Клейну, т.е. из абстрактов, образованных на основе эмпирически данных свойств и деталей конкретных артефактов. **Условный тип** (рис. 4) выводится из задачи исследователя, а структурно определяется «как условная рамка, посредством которой делается выборка материала – объединяются схожие артефакты» [Klejn 1982: 259; Клейн 1979: 64-67]. Формируется условный тип, как следует из

схем Клейна [1979: 64; Klejn 1982: 256; Клейн 1991: 218] (рис. 4), из «показателей» и «вырезок» (внешних модов) – абстрактов, образованных на основе произвольно выбранных единиц из эмпирически данных свойств и деталей конкретных артефактов.²

Ни эмпирические, ни условные типы не приводят к культурным типам. Л.С.Клейн предлагает системную стратегию группирования (см. главу 5), которая должна приводить к культурным типам. В рамках этой стратегии «типы рассматриваются с вышележащего уровня и определяются как устойчивые схемы соответствия облика артефактов их позициям в характерных культурных контекстах» [Klejn 1982: 263; Клейн 1979: 70]. Вот они-то, по мысли Клейна, и соответствуют культурным типам, введённым в материал самими создателями древней культуры. Формируется культурный тип из «признаков» и «формем» (рис. 4) – абстрактов, образованных на основе культурно значимых элементарных характеристик и деталей артефактов, являвшихся таковыми для самих создателей древней культуры.

Очевидно, понятие культурного типа у Клейна заметно уже понятия культур-типа Тэйлора. У Клейна и речи нет о «смысле» артефактов и их типов. Он считает, что «культурные типы, оказавшиеся в материальной культуре, были материальной объективацией "мысленных шаблонов" и подсознательных стереотипов поведения древней человеческой группы и, следовательно, ближайшим соответствием этим шаблонам и стереотипам» [Клейн 1979:56]. Именно это понимание типа нередко встречается среди археологов.

Здесь, прежде всего, необходимо разобраться, каким образом археологи приходят к этому понятию. «Идея собственной формы предмета существует в сознании мастера, и когда эта идея осязаемо выражается в материале, появляется артефакт. Такая идея – это мысленный шаблон, в соответствии с которым мастер изготавливает предмет. Форма артефакта это ближайшее приближение к соответствующему мысленному шаблону, а вариации в группе сходных предметов

² В древовидной стратегии группирования по Клейну тип «структурно определяется как узел или ветка дендрограммы, т.е. определяется цепочкой иерархически последовательных характеристик, приуроченных к отрезку дендрограммы выше узла... В сущности, это не тип, а класс» [Klejn 1982: 257-258]. Это понятие Клейн не включил в свои схемы понятий.

отражают вариации идей, в соответствии с которыми они изготовлены. Что формирует идею или мысленный шаблон у изготовителей артефакта? Конечно, традиция, поскольку обучение ремеслу включает передачу мысленных шаблонов от поколения к поколению...» [Deetz 1967: 45-46]. «Пока мы признаём, что деятельность осуществляется по определённым образцам, мы должны признавать реальность поведенческих типов. Это качество является как раз тем, что мы имеем в виду, говоря о присущей самому материалу упорядоченности. Типологический метод – это попытка обнаружить такие присущие самому материалу упорядоченности» [Chang 1967: 80].

Эти рассуждения выглядят очень логично. Однако существует ряд обстоятельств, настолько осложняющих описанную картину, что применение концепции культурного типа в археологии становится весьма проблематичным.

Во-первых, не всегда предметы изготавливаются по имеющимся мысленным шаблонам, что подтверждают этноархеологические исследования. М.Хардин в своих исследованиях керамики Сан-Хосе свидетельствует, что занимающиеся росписью керамики мастера приступают к росписи сосуда, не имея в своём сознании образа завершённой орнаментации этого сосуда [Hardin 1979: 92]. Н.Тот пишет: «то, что многие формы олдувайских орудий не обязательно связаны с "мысленными шаблонами", подтвердили эксперименты, в которых изготовлением каменных орудий занимались неподготовленные люди... Первоначально у большинства участников этих экспериментов получались грубо оббитые ядрища, весьма отдалённо напоминавшие древние палеолитические орудия. Однако через каких-нибудь несколько часов большинство из них овладевали основными приёмами изготовления отщепов, а затем могли воспроизвести всё разнообразие форм олдувайских галечных орудий. Но что ещё важнее, многие из этих форм появляются спонтанно в процессе обучения» [1987: 85-86]. Причём, обнаружить это по археологическим данным невозможно [ср. Watson and al. 1971: 27-28].

Во-вторых, нормы, в соответствии с которыми изготавливаются артефакты, нередко предписывают форму, конструкцию, дизайн и т.п. не всего артефакта, а лишь его определённых деталей и характеристик. Сможет ли археолог определить в конкретной ситуации, что неудача попыток выделить культурные типы есть свидетельство того, что в этом материале их попросту не существует, а не свидетельство нерелевантной процедуры исследования?

В-третьих, если в культурные типы включать не только типы, соответствующие мысленным шаблонам изготовителей артефактов, но и типы, действительно различавшиеся древними людьми, то вопрос ещё более усложнится. Ведь люди в зависимости от ситуаций пользуются разными классификациями одного и того же материала, опираются на разные признаки в оценке сходства объектов [ср. Hayden 1984: 85]. Можно, конечно, попробовать совместить их все в одной классификации, но тогда полученные в ней типы вряд ли будут соответствовать типам, действительно распознававшимся древними людьми. Если же принять множественность культурных типологий, то этот подход к типу теряет смысл и фактически почти переходит в третий подход.

Однако всё это затрудняет, но не исключает возможности выделять культурные типы и работать с ними. Главные возражения концепции культурного типа в археологии заключаются в другом. Связаны они с задачами археологической классификации и с процедурой классифицирования.

Выявление культурных типов объявляется главной задачей археологической классификации потому, что они представляются тем средством, с помощью которого можно решить многочисленные задачи по познанию человеческого прошлого, ведь культурные типы выступали в этом качестве в интересующей нас древней культуре. Но именно это и неверно! Культурные типы могут оказаться и часто оказываются малоэффективными в исследованиях [Hayden 1984].

Это происходит в следующих случаях. Во-первых, когда культурный тип характеризуется непрерывной постепенной изменчивостью. Такой тип существует длительный период времени и занимает обширную территорию. Однако археологи давно научились выделять типы в таком текучем материале, какими бы условными ни были проводимые в нём границы. И эти условные типы оказываются научно значимыми в отличие от культурных типов [см. Ford 1954; Форд 1962].

Во-вторых, когда культурный тип имеет слишком расплывчатые границы. Более подходящими для наших исследований в этом случае могут оказаться типы, не являющиеся культурными. «Мы прекрасно уживаемся с понятием "книга", несмотря на то, что этот тип нечётко отграничен от таких типов как "брошюра" или "журнал". Но эта самоочевидная свобода в использовании расплывчато определённых понятий в нашей повседневной жизни, естественно, неправомерна в научном контексте. Если бы мы занимались, к примеру, ис-

следованием читательских обычаев в разных социальных классах или странах, то неопределённое слово "книга" оказалось бы бесполезным. В этом смысле мы не можем удовлетвориться "открытием" типов, различавшихся доисторическими людьми: наши определения типов должны быть значительно более точными» [Malmer 1963: 254-255, 20-21].

В-третьих, в упоминавшихся выше случаях, когда культурных типов в данном материале не существует. Стремление к культурным типам в таком материале только уведёт археолога от решения исследовательских задач, а определить, что в данном материале культурные типы просто отсутствуют, крайне сложно, если вообще возможно.

Наконец, в-четвёртых, когда культурные типы по самой своей природе не могут быть полезными в познании тех или иных аспектов прошлого. Например, значительный ряд типов артефактов встречается в разных обществах прошлого и, следовательно, не может служить для установления того, какие именно археологические памятники оставлены тем или иным древним обществом. Археологи, напротив, стараются найти такие различия в материальной культуре, которые позволяли бы решить эту задачу независимо от того, как к этим различиям относились древние люди [ср. Watson 1979: 283; Hayden 1984].

Интересно, что И.Рауз, называвший культурные типы в приведённом здесь смысле **когнитивными** или **эмными**, считал, что их нельзя реконструировать без этнографических или исторических данных, непосредственно связанных с изучаемым народом [Rouse 1972: 168, 300].

Таким образом, задача археологической классификации вовсе не концентрируется на выделении культурных типов. По крайней мере, заметная часть научных проблем археологии, базирующихся на классификации, решается на основе типов, явно не являющихся культурными. «Проверка таксономии, выполненной археологом, заключается скорее в её пригодности к решению его "головоломок", чем в возможном сходстве с доисторической народной классификацией» [White & Thomas 1972: 276].

Если же мы обратимся к вопросу о том, как выделяются и как вообще могут выделяться археологические типы, то мы увидим, что концепция культурного типа в археологии не имеет практического значения, – так же как и стремление рассматривать устойчивые сочетания признаков в качестве существовавших в древности типов.

Какими бы хитроумными и сложными способами мы ни выделяли типы в археологическом материале, мы это делаем по доступным нам сходствам и различиям артефактов. При любом подходе к типу признаки, по которым сравниваются артефакты и формируются типы, выбираются исследователем. Какими бы содержательными критериями ни пользовался археолог при отборе признаков, эти признаки выбраны самим археологом. Независимо от того, насколько близкими к культурным типам оказываются в таком случае выделенные археологом типы, они созданы археологом, а не древними людьми [Trigger 1991: 561]. Мы можем убедительно доказать, что большинство археологических типов имеет культурное значение, но мы не можем доказать, что они являются культурными, когнитивными, эмными и т.п.

В то же время, в чём реально проявляется в археологии «культурность» культурных типов? Она реально проявляется в увязке типов с хронологией, локализацией, социальной стратификацией, конкретными обществами прошлого и т.п. Именно это и доказывает, что археологические типы культурно значимы. Но при строгом подходе здесь всё же корректнее говорить не столько о культурной, сколько о научной значимости типов. Как писал Дж.Диц, типы – «это создание археолога, а не изготовителей анализируемых артефактов в обязательном порядке... Очень возможно, что некоторые типы являются почти безупречными описаниями соответствующих мысленных моделей; является ли это истиной или нет, никоим образом не мешает главной цели типологии» [Deetz 1967: 51].

Сказанное интересно проиллюстрировать на максимально широких функциональных типах артефактов, обычно называемых в русской археологии *категориями*. Категориями являются топоры вообще, стрелы вообще, копья, ножи, фибулы, горшки и т.п. Многие категории явно являются культурными типами. Трудно предположить, чтобы древние люди не отличали топоры от горшков, фибулы от ножей и т.п., и чтобы различия между ними не были для них значимыми. Археологи издавна работают с категориями артефактов, однако никаких преимуществ, вытекающих из того, что они являются культурными типами, не обнаруживается. В то же время, несмотря на очевидность выделения категорий, вытекающую из резкого различия их функций, в ряде случаев обнаруживается ошибочность включения тех или иных групп артефактов в некоторую категорию. Топор оказывается символом власти и непригодным для своей очевидной функции, а наконечник копья – ножом. Выходит, даже в очевидных

случаях следует различать культурный тип и представление о нём археолога [ср. Rouse 1972: 52].

Наконец, третья точка зрения на тип исходит как раз из самой процедуры выделения типов (классов) – классифицирования. Типы выделяются по сходству артефактов между собой, а сходство устанавливается только в рамках определённых ситуаций. Следовательно, чтобы получить имеющие научное значение типы, наиболее целесообразно исходить при отборе признаков и формировании типов из исследовательских задач, для обслуживания которых предназначается данная типология [ср. Sharer, Ashmore 1979: 287]. Задача исследования может состоять и в выявлении мысленных шаблонов. Тогда нужно постараться найти признаки, которые будут релевантны такой задаче [Hill & Evans 1972: 266].

«Нет типологической системы фактически прирождённой материалу. Систематические классификации – это упрощения и обобщения естественной ситуации. Классы – это сущности и реальности, существующие лишь в сознании исследователя, они не имеют другого существования... Изучаемые объекты должны классифицироваться множеством различных способов в зависимости от той информации, которую учёный желает получить, и, в целом, классы не будут совпадать» [Brew 1946: 46].

Приверженцев этой точки зрения обвиняют в произвольности и искусственности их типов, игнорировании реально существующих в материале границ и т.п. Однако, как показывают Дж.Хилл и Р.Эванс, «типы не "изобретаются" в том смысле, как рассматривали их Форд и Бру. Они не совершенно произвольны, вытекая только из интересов археолога. Так называемая "произвольность" проникает в картину только на одной стадии открытия типов, а именно: в момент, когда исследователь выбирает определённые признаки, с которыми он собирается работать... Этот факт не означает, что выбранные им признаки или открытые им кластеры признаков реально не существуют. Конечно, они реально существуют и это можно, по-видимому, показать статистически» [Hill & Evans 1972: 261]. «Признаки, которые исследователь выбрал для работы, отражают его проблемы, в то время как типы, определённые этими признаками, отражают реальный мир» [Watson and al. 1971: 27]. Как писал Ф.Ходсон, полагать, что классификации – это искусственные выдумки археологов, равносильно тому, чтобы считать понятия «собака» и «кот» искусственными выдумками зоологов [Hodson 1980: 8].

Здесь необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, все типы, выделенные археологом, и все границы, выявленные археологом в материале, совершенно реальны и объективны по тем признакам, по которым производится деление. Обсуждение реальности или объективности типов с этой точки зрения бессмысленно. Имеет смысл говорить о том, что в данном материале существуют признаки и их сочетания более релевантные решаемым исследовательским задачам, чем те, которые выбраны данным исследователем, и которые позволяют сделать другие выводы из этого конкретного материала. Когда же археолог выделяет типы как устойчивые сочетания признаков, имеет смысл говорить о том, что в этом материале имеются другие, более устойчивые сочетания признаков, нежели установленные этим археологом.

Артефакты объективно обладают свойствами. Свойства разных артефактов объективно сходны в различных отношениях между собой. Но какие из этих сходств предпочтёт использовать исследователь, как сформирует на их основе абстракты – признаки, зависит от самого исследователя. Сходство между артефактами по данным признакам существует объективно, но сами признаки выделяются субъектом. Т.е. типы артефактов по тем или иным признакам существуют объективно, но отбор этих признаков и их взвешивание производятся субъективно.

Во-вторых, субъективность и произвольность – это разные вещи. Исследователь отбирает признаки для формирования типа вовсе не произвольно, а исходя из задачи исследования, характера материала, представлений о научной и культурной значимости признаков. Т.е. субъективность исследователя подчинена объективной реальности и направлена на её познание. Характерно, что во всех подходах к типу отбор признаков производится исходя из содержательных критериев. С той лишь разницей, что в первом подходе в отборе признаков (среди которых затем и устанавливаются их устойчивые сочетания) главную роль играет интуиция, а во втором все процедуры направлены, главным образом, на обнаружение культурных признаков. Таким образом, во всех подходах типы в равной степени субъективны. Однако третий подход открыто признаёт эту субъективность и сознательно направляет её на формирование типов, отражающих объективную реальность.

Именно третий подход к типу, как к инструменту археологического исследования, отражающему объективно существующие и существовавшие явления, соответствует понятию сходства как взаимо-

заменяемости объектов в определённой ситуации и принципам отбора признаков для сравнения. Из первого подхода приемлема его формальная сторона – тип как устойчивое сочетание признаков – в качестве одного из вариантов.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПА

Обеспечение исследовательских задач с помощью классификации осуществляется, как мы видели, через выявление косвенных признаков, наиболее связанных с целевыми признаками, соответствующими этим задачам. Следовательно, тип должен формироваться на основании косвенных признаков так, чтобы в него попадали артефакты, обладающие одинаковыми целевыми признаками [ср. Гарден 1983: 120]. Это приводит к отмеченной М.П.Грязновым ситуации, когда «в одном типе могут оказаться вещи совсем не похожие одна на другую. Однако в совокупности своей все такие вещи однотипны. Примеры этому можно найти в трипольской, андроновской или другой богатой орнаментами и формами керамики» культуре [1969: 20]. Однотипность непохожих предметов – это нонсенс! Но так как в один тип должны объединяться артефакты, прежде всего обладающие одинаковыми целевыми признаками, то их косвенные признаки действительно могут заметно различаться. Разумеется, косвенные признаки могут различаться лишь настолько, насколько остаётся возможным выделять типы по этим признакам и относить к ним артефакты так, чтобы единство типа по целевым признакам сохранялось. В противном случае классификация невозможна и уж, во всяком случае, теряет своё научно-практическое значение.

Это приводит к практическим трудностям при выработке определений (описаний) конкретных типов и при определении типологической принадлежности конкретных артефактов. Если в тип могут включаться артефакты, не учитывавшиеся при выработке его определения, то, как бы бесконечно полно и исчерпывающе мы ни определяли какой-либо тип (как и любой таксон в классификации), всегда могут найтись объекты, входящие в него по целевым признакам, но отличающиеся от выработанного определения типа по косвенным признакам.

Если бы нам требовалось просто распределить объекты в группы по каким-либо признакам, то дать совершенно полные и точные определения типов было бы несложно. Например, среди артефактов каменного века принято выделять пластины – сколы, длина которых по оси расщепления в два раза превышает ширину. Разде-

лить все сколы по этому признаку не составляет труда. Однако само по себе такое разделение ни о чём не говорит и никакого научного смысла не имеет [ср. Каменецкий 1978]. Если же мы считаем, что отношение длины скола к его ширине характеризует важнейшие черты техники расщепления камня и принципы отбора заготовок для орудий, то провести столь определённую границу по этому признаку (значению признака) не удастся, поскольку интересующие нас явления вовсе не связаны с этим признаком столь однозначно. Придётся подключить другие признаки, определяющие пластинчатость сколов: субпараллельность краёв, правильность огранки спинки, фасетированность и особую форму ударной площадки, угол между ударной площадкой и брюшком и т.д. Но все эти признаки также неоднозначны, что практически даёт совершенно полное и исчерпывающее определение пластины по доступным нам признакам (косвенным) невозможно, если мы хотим сохранить познавательные возможности этого типа [ср. Smith & al. 1960: 333]. Характерно, что У.Адамс, вынужденный, как он сам считает, заняться теорией археологической классификации вследствие полной оторванности известных ему разработок от практики, полагает, что подавляющее большинство археологических типов имеет описания, но не имеет дефиниций [Adams 1988: 45-46].

Действительно полное и имеющее научный смысл определение типа можно выработать, если имеется ряд условий. Во-первых, совокупность артефактов, составляющих один тип, должна быть замкнута: в тип должны входить только те артефакты, которые привлекаются при выработке его определения, – новые артефакты в него уже вообще не включаются. При этом условии становится возможным учёт всех необходимых косвенных признаков. В то же время очевидно, что это условие можно реально соблюсти только в каждом конкретном исследовании по отдельности. При переносе типологии из одного исследования в другое в неё, как правило, включаются новые артефакты. Кроме того, даже тогда, когда совокупность артефактов замкнута, но очень велика, полное определение типа становится невозможным практически. учесть все необходимые в каком-либо исследовании косвенные признаки на тысячах и десятках тысяч артефактов малореально даже с помощью ЭВМ.

Во-вторых, конкретные задачи классификации и целевые признаки должны быть строго фиксированы, точно заданы. Казалось бы, это условие является обязательным само по себе и легко выполнимо.

Но трудность заключается в том, что интересы исследований заставляют нас нарушать его. Потому что, чем больше различных исследований может обслужить одна и та же классификация, тем нам удобнее. Вырабатывать для каждого исследования новую классификацию хорошо бы, но слишком накладно, да и сравнивать результаты разных исследований намного проще, если они выполнены на основе одной классификации. Чем неопределёнее типы, тем они шире приложимы. Чем больший круг различных исследований они могут обслужить, тем хуже они обслуживают каждое конкретное исследование, по сравнению с типами, специально выработанными для этих исследований. Приходится всё время искать оптимальное соотношение между степенью универсальности классификации и степенью её адекватности задачам конкретных исследований.

Таким образом, полное определение типа можно дать только в рамках отдельного исследования или группы исследований. И к этому следует всячески стремиться, не забывая при этом, что при переносе в другие исследования эти же типы могут модифицироваться (из-за неизбежного введения новых косвенных признаков). Точность определений типов, степень разработанности типологии должны соответствовать задачам исследования [Adams 1988: 53]. Если это условие не соблюдается, то выводы данного исследования теряют свою обоснованность. И, конечно, следует помнить заключение М.Мальмера о том, что рисунок или фотография артефакта не являются определением типа: они обязательно должны сопровождаться словесной дефиницией, отграничивающей входящие в тип артефакты от всех других [Malmer 1963: 252-254, 16-20].

Наконец, в-третьих, даже при соблюдении первых двух условий полностью определить тип не удастся, если не удастся установить все необходимые связи между целевыми и косвенными признаками. Пример – грузики дьякова типа и пряслица. В своих крайних проявлениях и отчасти во фрагментированном состоянии они сливаются. Установить при этом, какие артефакты являются грузиками дьякова типа, а какие пряслицами, по доступным нам признакам оказывается зачастую невозможным. В то же время, объединять их в один тип просто бессмысленно, ведь по своей функции это резко различающиеся группы артефактов. Получается, что указать все необходимые косвенные признаки этих типов принципиально невозможно. Периферийные области этих типов оказываются перекрывающимися друг друга.

МОНОТЕТИЗМ – ПОЛИТЕТИЗМ

Должен ли тип иметь чёткие границы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть, как признаки, определяющие тип, распределяются по артефактам. Д.Кларк позаимствовал из нумерической таксономии Сокала и Снита и ввёл в археологию понятия монотетических и политетических групп. «Группа сущностей или систем называется монотетической, если обладание строго определённым набором признаков необходимо и достаточно для включения их в эту группу». «Группа сущностей или систем называется политетической, если каждый её член обладает широким, но неопределённым количеством определяющих эту группу признаков, если каждый признак принадлежит значительному числу членов группы и нет ни одного такого признака, обладание которым было бы необходимо и достаточно для включения в эту группу» [Clarke 1968: 42, 37, 189-190, 667-668]. В первом случае между такими типами существуют чёткие границы и каждый артефакт является репрезентативным для своего типа. Во втором случае между типами также могут существовать чёткие границы, но ни один артефакт не является репрезентативным для своего типа. Л.С.Клейн усмотрел, что существует пять видов распределения характеристик в материале [Klejn 1982: 63]. Однако практически существенным представляется выделение тех же двух видов распределений с уточнением, сделанным Л.С.Клейном. Собственно политетическими типами он считает такие, у представителей которых признаки не только выпадают из набора признаков данного типа, но и проявляются, пусть и менее густо, в иных сочетаниях, вне данного типа, в неорганизованном периферийном материале и у представителей смежных типов. (такое понимание политетизма есть и у Кларка Clarke 1968: 191, но в его определение политетизма оно не вошло). Именно в этом случае чётких границ между типами не существует: приходится либо проводить границы условно, что искажает наши представления о материале, либо работать с расплывчатыми типами, что крайне затруднительно, [Klejn 1982: 63-64], или, наконец, пойти на использование таких классификаций, в которых объект одновременно, но с разной вероятностью, принадлежит к разным классам.

Но, вообще-то говоря, каким бы ни было распределение в выборке артефактов признаков, определяющих тип, всегда можно установить признак, или сочетание признаков, или ряд разных сочетаний признаков для разных артефактов, которые чётко отграничат артефакты одного типа от артефактов других типов, хотя бы и произвольно. Если бы это было не так, то выделить типы было бы невоз-

можно. Почему же археологи, как правило, не пользуются этой возможностью? Дело в том, что в этих случаях политегический характер распределения (в смысле Клейна) косвенных признаков в материале не позволяет проводить чёткие границы между типами так, чтобы они удовлетворяли нашим научным интересам. Расплывчатость границ типов возникает из-за принципиальной неполноты их определений, которой во многих случаях невозможно избежать без ущерба для научного смысла классификаций (как это ни парадоксально). Заметим, кстати, что расплывчатости типов можно всё-таки избежать, если выделять типы, представленные несколькими, а лучше одним артефактом. логических ограничений на тип (класс), состоящий только из одного представителя, нет. Но тогда невозможен перенос информации на основе аналогии – и классификация теряет смысл.

ЭВИДЕНТНЫЕ ТИПЫ

Вся эта глава может показаться не относящейся к типам, которые «столь стандартизованы и центрированы сами по себе, столь единообразны и столь резко отличаются формально от других, что сразу же распознаются эмпирически как данность, и нет никакой нужды в специальных операциях по их выявлению и ограничению» [Klejn 1982: 279]. Л.С.Клейн предложил называть такие типы **эвидентными** [там же]. Однако с формальной точки зрения эвидентный тип – это не что иное, как очень устойчивое сочетание легко доступных признаков, резко отличающееся от других таких же сочетаний. Поэтому к нему приложимо всё, что сказано выше о типе как устойчивом сочетании признаков. Кроме того, по крайней мере часть категорий артефактов попадает как раз в разряд эвидентных типов. И к эвидентным типам приложимы те соображения, которые здесь были высказаны о роли и интерпретации категорий.

УРОВНИ ИЕРАРХИИ И ПРИКЛАДНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

В заключение главы отметим, что в различных работах выделяются всевозможные разновидности типов «прикладного» порядка. По характеру формирующих тип признаков: **морфологический** тип, **функциональный**, **стилистический**, **технологический**. По силе связанности признаков: **сильный тип**, **слабый тип** [Фёдоров-Давыдов 1979; 1981]. По представленности типа в некоторой совокупности артефактов: **массовый тип**, **редкий тип**, **нетипическая разновидность** [там же]. Ряд аналогичных разновидностей выделяется и среди признаков.

Кроме того, для разных уровней иерархически построенных классификаций существует целая группа обозначений, производных от «типа» и «класса»: **подкласс**, **надкласс**, **подтип**, **надтип**, **субтип**, **вариант типа**, **конечный типологический разряд** [Черных 1970 а, б], **устойчивая разновидность формы** [Деопик 1977; 1981], **категорема** [Бианки 1987]. Нередко возникающие споры о том, какой именно уровень в классификации называть типом, а какой подтипом или надтипом и т.п., беспочвенны, поскольку это вопрос терминологии, чисто формальный вопрос. Даже если авторы считают, что какой-то таксономический уровень важнее других, то с его названием это никак не связано. К тому же в разных исследованиях разные таксономические уровни имеют разную важность.

Более существенным представляется разделение на **внутренние** и **внешние** типы, или на **этные** и **эмные** [Rouse 1972; Dannell 1986]. Внутренний тип – это «конфигурация (патерн) диагностических признаков, получаемая с помощью классифицирования артефактов на основании свойств всех видов для того, чтобы выразить собственную природу артефактов» [Rouse 1972: 300, 50, 167, 238]. Внешний тип – это «конфигурация (патерн) диагностических признаков, получаемая с помощью классифицирования артефактов на основании выбранных видов свойств, таких как состав теста, профили венчиков и орнаментальные мотивы, для того, чтобы выявить стилистическое, хронологическое, функциональное или эволюционное значение артефактов» [Rouse 1972: 300, 51-52, 167, 238]. Внутренние типы предназначены для экономного и систематического описания коллекций артефактов, внешние – для исследовательских целей. Подробнее к этому вопросу я вернусь в шестой главе при рассмотрении служебных и исследовательских классификаций.

Глава 4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

КОМПЛЕКС

Артефакты, в подавляющем большинстве, эмпирически даны археологу не только сами по себе, но и в сочетаниях с другими артефактами – в комплексах. Погребения, могильники, поселения (или один слой поселения), жилища вместе с находками в них, клады – всё это в археологии принято в общем называть **комплексами**. Археологический комплекс – *это сочетание артефактов и других объектов, пространственно отграниченное от других таких же сочетаний, в основе которого лежит отдельное событие или процесс*. В формулировке В.С.Бочкарёва «комплекс – это группа артефактов и других объектов, найденных в ограниченном локусе и составляющих одно функциональное целое» [1975: 37-38] (рис. 3).

Правда, термин «комплекс» употребляется в археологии и в других значениях. Например, им обозначается всякая совокупность археологических материалов [Захарук 1964: 17], совокупность различных признаков [Фёдоров-Давыдов 1970: 125], группа артефактов, выделенная каким-либо образом, и т.п. Здесь термин «комплекс» будет употребляться только в вышеприведённом, основном для археологии значении.

Разумеется, комплексы бывают разной степени сложности. Например, **простой комплекс**, состоящий из набора артефактов (погребение), **комплекс комплексов** (курган с несколькими погребениями), **мегакомплекс** (могильник), **комплекс мегакомплексов** (поселение и его могильники) [Бочкарёв 1975: 38]. Но всех их отличает одно качество: они эмпирически даны археологу как отдельные составные объекты, которые, как и отдельные артефакты, подвергаются сравнению между собой и классифицированию.

Среди комплексов выделяются **замкнутые комплексы** (закрытые комплексы, комплексы) – совокупности объектов, найденных в положении, позволяющем надёжно заключить об их одномоментном выпадении в отложения [Montelius 1903: 3; Каменецкий 1970: 83-84; Виноградов 1972: 8; Gray, Trimp 1979: 24-25; Бочкарёв, Трифонов 1980: 15; Мартынов, Шер 1989: 16]. Замкнутые комплексы играют важнейшую роль при установлении относительной хронологии типов артефактов типологическим методом Монтелиуса. Не менее важным является то, что археологические комплексы являются результатом деятельности определённых коллективов людей, что обеспечивает саму возможность исследования прошлого этих коллективов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: КОНКРЕТ – АБСТРАКТ

Как артефакты по сходству объединяются в типы (классы), так комплексы по сходству объединяются в группы, наиболее общим и употребительным термином для обозначения которых является **археологическая культура**. Хотя применяются и другие термины, как, например, в американской археологии – **культурный ареал**, **фаза**, **фокус**³. Как и в случае с признаком и типом, этим термином покрывается как группа конкретов – объединённых на том или ином основании комплексов, так и абстрактное понятие, идеальный объект, выражающий отмеченное нами единство этой группы комплексов. Определённая археологическая культура – это как совокупность конкретных памятников (поселений, могильников, кладов и т.д.), так и набор типов (как абстрактов) с учётом связей между ними. Скажем, трипольская археологическая культура включает памятники Сабатиновку, Владимировку, Коломийщину, Софиевку, Незвиско, Петрены и др. Но трипольская археологическая культура – это также и набор определённых типов керамики, определённых типов жилищ, определённых типов поселений и т.п. – идеальный объект, сконструированный нами так, чтобы он отражал существенные с нашей точки зрения свойства комплексов этой археологической культуры (рис. 2, 3, 4).

По Л.С.Клейну, археологическая культура как абстракт представляет собой набор типов (**кодекс** по Клейну) и схему связей между ними: «**культурный комплекс** или **фокус** – система, состоящая из значительного ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся, по крайней мере, к нескольким из важнейших категорий археологического материала» [Klejn 1982: 201]. Как конкрет, по Клейну, она представляет собой совокупность комплексов и отдельных находок, объединённых и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением одного набора типов и связей между ними, или даже отдельных, характерных только для неё сложных компонентов (**культурная группа**, **федерация культуры**, **конфедерация** по Клейну).

Практически все основные положения, относящиеся к понятиям признака и типа, относятся и к археологической культуре: прин-

³ Историю возникновения и применения понятия археологической культуры и соответствующих терминов см. Trigger 1978: 75-95; Klejn 1982: 145-180.

ципы отбора типов артефактов и типов комплексов для формирования археологической культуры (признаков для типов), археологическая культура как устойчивое сочетание типов (тип как устойчивое сочетание признаков), объективность археологической культуры (типа), невозможность полного определения конкретных археологических культур (подробный конкретный пример см.: Кудрявцева 1987). Вообще всё, что здесь сказано о признаке и типе, относится к любым таксонам в классификации⁴. Однако с археологической культурой связан и ряд специфических проблем, на которые и будет обращено внимание.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие археологической культуры относят к немногим исходным, фундаментальным понятиям археологии наряду с типом [Шер 1966; Malmer 1967; Грязнов 1969; Фёдоров-Давыдов 1970; Массон 1972а; Бочкарёв 1973], а иногда выдвигают на роль самого важного: «теория археологической культуры претендует на роль наиболее общей теории археологии» [Генинг 1975: 8, см. Klejn 1982: 146]. Это происходит потому, что археологическую культуру стараются связать с конкретными обществами прошлого. И поскольку вне определённого общества (социального организма) история невозможна, выделение археологических культур действительно оказывается непременным условием перехода от археологических материалов к их культурно-исторической интерпретации, несмотря на огромный разноречивый мнений в вопросе о том, что такое археологическая культура.

Рассматривая существующие дефиниции археологической культуры, я выделяю три принципиально различных подхода к определению этого понятия: операциональный, феноменалистский и археологизирующий [Колпаков 1987б,]. При **операциональном** подходе археологическая культура определяется через тот или иной принцип её выделения. Например, через устойчивое сочетание типов в комплексах [Бочкарёв 1973; Массон 1974]; через сочетание и согласованную изменчивость типичных элементов [Жуков 1929: 34]; как область одинакового распространения нескольких типов [Blume

⁴ В теоретической литературе ещё М.Мальмер предложил рассматривать артефакты как замкнутые комплексы, состоящие из признаков, так же как комплексы состоят из артефактов [Malmer 1963].

1910: 3; Jahn 1955: 9; Kilian 1960: 41]; как группа стилистически связанных комплексов Schuchhardt 1926: 10; Uslar 1955; Hodson 1980: 7]. При этом либо прямо указывается, либо подразумевается, что выделенная таким образом группа памятников должна занимать определённую ограниченную территорию и относиться к определённому хронологическому отрезку.

Феноменалистский подход определяет археологическую культуру через её прямое соответствие культурно-историческим явлениям прошлого. Например, через соответствие древней конкретной культуре: «максимальная группировка всех комплексов, предположительно представляющих сумму человеческих действий, осуществлённых внутри одной древней культуры» [Sharer, Ashmore 1979: 559]. Через соответствие некоторой исторической общности: «территориально-хронологическая система комплексов памятников, оставленных коллективами, связанными общим хозяйственным и социальным укладом, культурными традициями, политическими отношениями, т.е. составляющими историческую общность» [Лебедев 1975: 57]. Через соответствие этносу: «такие ассоциации археологических явлений, которым, безусловно, соответствуют определённые этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаём культурой» [Брайчевский 1965: 51].

Однако найти соответствия между археологической культурой и какими-либо культурно-историческими явлениями прошлого очень непросто, если вообще возможно. Поэтому **археологизирующий** подход пытается определить археологическую культуру с помощью особых понятий, описывающих общества прошлого, но специально приспособленных к нуждам археологии, как, например, «этнос эпохи первобытности» Г.Н.Курочкина [1981] или «этноид» Г.Н.Грачёвой и Л.П.Хлобыстина [1981]. «Культуры, выделенные по погребениям, обычно связаны с особыми антропологическими показателями. Это позволяет предполагать, что археологические культуры создавались объединениями, внутри которых существовали устойчивые связи, в конечном итоге, приводившие к созданию социального организма, подобного этносу, этноиду. Понятие этноид лучше применять к носителям археологической культуры, поскольку он отличается от этноса тем, что в нём ещё могло не существовать единого этнического самосознания и в него могли входить группы, различия которых не фиксируются археологическими находками» [Грачёва, Хлобыстин 1981: 136-137].

ОБСУЖДЕНИЕ

При операциональном подходе ясно, как выделяется археологическая культура, но не ясно, как она интерпретируется [ср. Ганжа 1987: 144]. В то же время понятно, что, если бы не стояла задача культурно-исторической интерпретации археологической культуры, то не возникали бы и споры по поводу способов её выделения и определения самого понятия. Ведь с формальной, классификационной точки зрения все способы выделения археологической культуры на основе сходства объектов равноценны – проблемы здесь нет и быть не может. Однако перед археологом стоит задача не просто распределить артефакты в группы по сходству, не просто сформировать археологические культуры, но сделать это так, чтобы в результате получить новую информацию о прошлом. Археологические культуры, которые не способствуют получению такой информации, которые не связаны с какими-либо историческими общностями прошлого, никому не нужны.

Отсюда возникает искушение ввести принцип соответствия археологической культуры историческим общностям прошлого в само понятие археологической культуры, реализуемое феноменалистским подходом. Но вследствие этого возникают и принципиально непреодолимые трудности. Здесь необходимо ответить на вопрос, каким образом вообще можно установить, что некоторый набор археологических комплексов оставлен людьми, составлявшими какую-либо конкретную историческую общность?

Чтобы ответить на него, вспомним хорошо всем известный путь преобразований от некой социальной общности к группе комплексов, которую археолог может опознать как археологическую культуру. Во всякой социальной общности – будь то этнические, политические, идеологические (религиозные) или иные объединения – складываются свои специфические особенности в любых сферах деятельности настолько, насколько они не предопределены природой и насколько опыт передаётся исключительно внутри такой общности. Соответственно, материальная культура каждой социальной общности также обладает специфическими чертами, присущими только этой общности. Однако хорошо известно, что одинаковые или чрезвычайно близкие черты культуры нередко существуют в разных обществах вследствие таких явлений, как обмен, заимствование, конвергентное развитие, происхождение из одного общего источника, случайность [ср. Фосс 1952: 6].

Это приводит к тому, что обратный путь, от особенностей материальной культуры к социальной общности, не может быть прямым, его нельзя пройти просто в обратном направлении и порядке. Кроме того, из этнографии и археологии известно, что ареалы распространения различных особенностей культуры (ареалы распространения типов) одной социальной общности не совпадают. Культуры пограничных частей соседних обществ часто оказываются ближе друг к другу, чем к своим центрам. Всё это следствия разнообразнейших контактов между членами различных социальных общностей. В итоге оказывается, что общность материальной культуры по сходству составляющих её компонентов не совпадает с социальными общностями.

Кроме этого, мы должны учесть существенные искажения, которые претерпевает материальная культура при выпадении из живой культуры, археологизации, добыче данных и их обработке [см. Schiffer 1976; 1987; Клейн 1978]. Понятно, что интересующие нас специфические черты материальной культуры, наиболее однозначно связанные с социальной общностью прошлого, могут просто не дойти до нас, а дойдя, могут быть не опознаны нами.

Наконец, материальные остатки добыты археологом. Сами по себе они представляют лишь артефакты, объединённые в комплексы по условиям обнаружения. За редкими исключениями, никакие объединения комплексов не даны археологу эмпирически, как сами естественно сложившиеся и обнаруженные в результате раскопок комплексы: погребения, поселения, могильники. Чтобы получились какие-то группы памятников, археологу приходится конструировать эти группы по сходству и различию составляющих их элементов. Как вытекает из концепции сходства и как известно каждому профессиональному археологу из практики, конструировать такие группы можно множеством разных способов. В одном и том же материале можно выделить разные археологические культуры. Причём с формальной, классификационной точки зрения ни одна из них не имеет каких-либо преимуществ над другими и ни одна сама по себе не соответствует какой-либо социальной общности прошлого.

Возможно ли обойтись при выделении археологических культур без классификации? Возможно ли выделять, опознавать остатки материальной культуры и группы памятников, оставленные определёнными социальными общностями, другими способами, обходя классификацию?

Да, можно, но только в более или менее исключительных случаях. Они хорошо известны: наличие нейтральных зон, археологически пустых и отграничивающих группы памятников друг от друга; очень резкие различия между материалами разных памятников; наличие подходящих указаний в письменных источниках; наконец, наличие особых сведений относительно исследуемого вопроса, которые вырабатываются из сопоставления и анализа разнообразных косвенных свидетельств и фактов. Правда, классификация необходима и в этих случаях, но не для выделения групп комплексов, а для описания уже определённых групп и обязательно для дальнейшей работы с ними.

Но можно ли обойтись без классификации, если не во всех, то в большинстве случаев? Нет, нельзя. Без установления и оценки сходства и различия артефактов и их комплексов не известно, как ещё можно разумно группировать материал, если он не попадает в перечисленные выше исключительные случаи или им подобные. Таким образом, феноменалистский подход к определению археологической культуры оказывается полностью оторванным от реальности и практически неприложимым.

Бывает, что первые два подхода соединяются на словах в одном определении: «археологическая культура является совокупностью территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определённого типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племён, говоривших на диалектах одного языка» [Захарук 1964: 39]. «Археологическая культура как центральная категория археологического познания – это совокупность данных исследований по истории отдельного общества прошлого – конкретного социально-исторического организма на определённой ступени его общественно-экономического (формационного) развития, изучаемого по комплексам сходных взаимосвязанных остатков определённой жизнедеятельности, сохранившимся до наших дней в виде археологических памятников (артефактов)» [Генинг 1987: 31].

Однако эти подходы принципиально несоединимы, одно не вытекает из другого само собой. Как мы видели, так или иначе археологическая культура выделяется на основе сходства-различия составляющих её компонентов, и объединения комплексов по сходству не совпадают сами по себе с какими-либо общностями людей прошлого. У нас нет никаких оснований напрямую связывать археологические культуры, сформированные одним из возможных способов, с опреде-

лёнными видами человеческих общностей: скажем, считать, что ареал распространения взаимоналагающихся типов соответствует этносу. Вопрос соответствия археологической культуры культурно-историческим общностям прошлого может решаться только на пути интерпретации полученных с помощью классификации результатов [ср. Массон 1974: 17-18]. Поэтому соединение в одном определении способа выделения археологической культуры и одной из возможных её интерпретаций ничего не даёт.

Археологизирующий подход трудно принять, поскольку от археологии требуется всё-таки реконструировать общества прошлого, а не нечто, удобное археологу. Требуется перейти от археологических понятий, описывающих материальные древности, к культурно-историческим, описывающим в целом прошлое во всём его многообразии. От нас требуется не историю или этнографию приспособить к археологии, а археологию к истории.

Таким образом, реалистическим и методически правильным подходом к определению понятия археологической культуры следует признать лишь операциональный. Но, в то же время, в его рамках археологическая культура является в строгом смысле формальным, классификационным понятием. Поэтому главная проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможность её культурно-исторической интерпретации. Такая возможность появляется лишь тогда, когда, начиная с выбора признаков для классификации артефактов, с самого начала классификационной процедуры опираются на содержательные критерии. Признаки, формирующие тип, сами типы, формирующие археологические культуры, и т.п. выбираются исходя из их возможной культурной и научной значимости – и так по всей классификационной процедуре вплоть до получения археологической культуры. Археологическая культура получается в результате классификации, но основания этой классификации обладают определённым или неопределённым культурно-историческим содержанием. Разумеется, нельзя забывать, что содержательность оснований классификации обеспечивает, но не гарантирует и не предопределяет возможность интерпретации археологической культуры.

С этой точки зрения, например, вполне разумными выглядят попытки найти в археологическом материале этнические признаки. Действительно, классифицировать можно по любому основанию, но если археолог хочет получить группы, охватывающие памятники одного этноса, то, совершенно очевидно, и классифицировать нужно по этническим признакам или хотя бы по признакам, претендующим на

такое качество. Причём тогда не может быть возражений против выделения археологической культуры лишь по одному признаку или типу. Если археолог стремится получить в результате классификации археологическую культуру, наиболее соответствующую древнему этносу, а в материале обнаружен лишь один этнический признак, – ясно, что выделять археологическую культуру следует только по одному этому признаку. Единственное, что необходимо здесь добавить, это распространение подобного приёма на реконструкцию любых видов социальных общностей, а не только на этнос. (дискутировать о самом понятии «этнос» здесь не место).

ФОРМИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Археологическую культуру можно сформировать множеством разных способов. Л.С.Клейн свёл их в шесть формально-типологических версий.

В **хронологической**, или **периодизационной** версии археологические культуры формируются на основе эвидентных типов («руководящих типов», «руководящих ископаемых», «руководящих древностей»), связанных одинаковым стратиграфическим распределением с сосредоточением их в одной свите слоёв сравнительной стратиграфии некоторого региона. Эта версия применялась в XIX веке [Klejn 1982: 153-156].

В **территориальной**, или **картографической** версии археологические культуры выделяются на основе групп типов, связанных одинаковым распространением во времени и пространстве, близким совпадением локусов, образующих один сводный локус [Klejn 1982: 156-159].

В **стилистической** версии археологические культуры выделяются по группе типов, обладающих стилистическим сходством [Klejn 1982: 159-164].

В **ковариационной** версии – по группе типов, связанных ковариацией (котрадицией) – параллельной, согласованной изменчивостью во времени и пространстве [Klejn 1982: 164-166].

В **корреляционно-типологической** версии археологические культуры формируются в результате выявления систем сочетающихся типов, связанных друг с другом, в условиях разброса, частой, но в основном косвенной встречаемостью в замкнутых комплексах при отсутствии привилегированного непосредственного сочетания типов [Klejn 1982: 166-169].

В **типокомплексной** версии археологические культуры формируются как системы типов, связанных непосредственной встречаемостью, выявленных обобщением индивидуальных сочетаний типов в реальных комплексах [Klejn 1982: 169-171].

Вряд ли можно утверждать, что это исчерпывающий набор версий археологической культуры и что вообще такой набор возможно раз и навсегда установить. Тем более что и Л.С.Клейн не ставил перед собой задачу указать все логически возможные версии археологической культуры, а лишь суммировал уже имеющиеся в литературе. В частности, уже из нашего предыдущего обсуждения следует, что можно формировать археологические культуры на основе признаков и типов, специально отобранных по каким-либо содержательным критериям. Это нашло своё отражение не в формально-типологических, а в двух этнизирующих версиях Клейна [Klejn 1982: 171-181], поскольку сейчас такой подход реализуется лишь при попытках этнических реконструкций.

Разумеется, все версии состоят из множества вариантов. Признаки в одном и том же наборе артефактов можно выделять по-разному, формировать типы из этих признаков можно тоже по-разному. Получается, что существует множество способов формирования археологических культур. Причём с формальной точки зрения все они равноправны. Неравноценность полученных разными способами археологических культур возникает лишь тогда, когда приступают к их интерпретации. Одни археологические культуры допускают определённую культурно-историческую интерпретацию, другие интерпретировать не удаётся или их возможная интерпретация менее приемлема и удачна, нежели первых. Поскольку в каждом конкретном случае наиболее приемлемым с научно-познавательной точки зрения может оказаться любой вариант выделения археологической культуры, то нет никаких оснований считать какой-либо вариант лучше других и связывать именно с ним определённые социальные общности прошлого.

УРОВНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При таком подходе к археологической культуре становится очевидной бессмысленность попыток установить универсальные количественные критерии (показатели сходства) для разграничения археологических культур, их подразделений (**вариант археологической культуры, культурная группа, субкультура**) и надкультурных образований (**культурная область, культурный круг, группа**

культур, технокомплекс) [Clarke 1968; Массон 1972б]. Уровни сходства имеет смысл устанавливать только в пределах определённого варианта выделения археологической культуры – а вариантов этих множество и все они равноценны. Значения показателей сходства, естественно, зависят от применённого варианта. Не говоря уже о том, что таких универсальных количественных различий в материальной культуре различных социальных общностей, как по вертикали, так и по горизонтали, не существует.

Не имеют особого смысла и попытки установить какие-либо качественные универсальные границы между археологической культурой, её подразделениями и надкультурными образованиями. С формальной точки зрения все они представляют лишь разные уровни в иерархической классификации. К тому же таких уровней может быть любое количество. Поэтому с формальной точки зрения безразлично, какой из этих уровней называть археологической культурой, какой субкультурой и т.п. А с содержательной точки зрения невозможно раз и навсегда соотнести классификационную иерархию материальных остатков с иерархией социальных общностей – это возможно лишь в каждом конкретном случае и только для этого случая.

ОХВАТ АРТЕФАКТОВ

Кроме множества вариантов группировки археологических комплексов, термином «археологическая культура» покрывается в той или иной степени другой ряд понятий, на который обратил внимание Л.С.Клейн [Klejn 1982: 198-202]. Как правило, археологические комплексы состоят из артефактов, представляющих типы не только одной определённой археологической культуры, но и других. Поэтому надо различать следующие совокупности материала. Совокупность всего материала данного набора типов, в том числе встреченного в комплексах других археологических культур (**пленум** по Клейну). Совокупность только тех артефактов данного набора типов, которые встречены только в комплексах данной археологической культуры (**касса** по Клейну). Совокупность всех артефактов, обнаруженных в комплексах данной археологической культуры, включая артефакты тех типов, которые составляют другие археологические культуры и являются импортами (**концерт** по Клейну). Совокупность всех материалов, причастных к данной культуре, т.е. весь материал, имеющийся в комплексах данной археологической культуры, плюс весь материал данного набора типов, имеющийся в комплексах других археологических культур (**симплекс** по Клейну).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Наконец, необходимо сделать несколько замечаний о подходе к интерпретации археологической культуры, необходимых для лучшего понимания классификационных проблем [Колпаков 1990]. Как бы это ни было неудобно, но мы должны исходить при этом из двух эмпирических заключений. Во-первых, во всякой социальной общности складываются присущие только ей особенности материальной культуры. И, во-вторых, нет однозначной и неизменной связи между обществом и его материальной культурой; общность материальной культуры сама собой никогда не совпадает с социальной общностью. Следовательно, археологическая культура, как преобразованная часть материальной культуры, не совпадает с социальной общностью.

Поэтому нельзя говорить о *совпадении* археологической культуры с социальной общностью, но вполне допустимо говорить об их *соотнесённости* и рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Такой подход, вроде бы, не встречается в теоретических работах, однако применяется в практических исследованиях. Например, В.Е.Медведев пишет: «не настаивая на полном тождестве между чжурчженской (археологической) культурой и чжурчженским этносом..., есть основания считать эти два понятия достаточно близкими» [1981: 80]. У М.Б.Щукина: «на сегодняшнем уровне наших знаний бессмысленно искать в составе черняховской культуры те конкретные погребения или поселения, которые оставлены людьми, объяснявшимися на готском или каком-нибудь другом языке и называвшими себя готами, герулами, тайфалами, боранами, антами или как-нибудь иначе... И тем не менее само наличие в среде носителей черняховской культуры представителей этих племён не вызывает большого сомнения» [1977: 88].

Речь идёт, конечно, не о замене одного слова другим, более расплывчатым, – меняется само содержание наших представлений о соотношении археологической культуры с социальной общностью. Так, нельзя уравнивать территориально-хронологические границы археологической культуры с территориально-хронологическими границами соотносимой с нею социальной общности. Они могут проходить по разным рубежам. Изменения и перемещения археологических культур сами по себе ещё не означают изменения и перемеще-

ния соотносимых с ними социальных общностей, – для установления этого необходимы дополнительные данные, и т.д. Вообще говоря, подобные соображения не новы и учитывались в некоторых работах и ранее.

Если добавить к этим соображениям то, что археологическая культура по процедуре своего выделения есть формальное понятие, но с заложенными в нём содержательными моментами, то станет ясно, что *без привлечения дополнительных данных и соображений неклассификационного характера решить вопрос о соотношении археологической культуры с социальной общностью нельзя*. Однако такая дополнительная информация может быть только индивидуальной, относящейся к определённом конкретному случаю. Это значит, что вопрос о соотношении археологической культуры с какой-либо социальной общностью на теоретическом уровне принципиально неразрешим. Неправомерна сама постановка вопроса о том, что археологическая культура, выделенная каким-то определённым способом, всегда соответствует или соотносится с определённым видом социальной общности. *Не может быть ни универсального способа выделения археологической культуры, ни её универсальной интерпретации*.

Последнее, на чём следует остановиться, это виды социальных общностей, с которыми археологи соотносят свои археологические культуры. Так уж сложилось, что в советской археологии усилия в этой области сосредоточились на этносе (и не только в советской). Но ведь есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. (Здесь, опять же, не место для обсуждения удачности и уместности подобных терминов и понятий). К тому же, каждый такой вид социальной общности, в том числе и этнос, имеет ряд типологических подразделений, как вертикальных, так и горизонтальных. Все они могут получить такое отражение в археологическом материале как археологическая культура. «Объективно выделенные на основе археологического анализа культуры могут иметь различное историческое содержание...» [Массон 1974: 18].

Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры. Разумеется, во многих случаях разные виды социальных общностей совпадают, но во многих и не совпадают. Если даже в

определённые периоды истории они, как правило, совпадали, – например, этнос и социальный организм, то для интерпретации конкретной археологической культуры это мало что даёт, кроме повышения вероятности того или иного решения из всех возможных. Следовательно, решать, с какой именно социальной общностью соотносится та или иная археологическая культура, также необходимо в каждом конкретном случае отдельно.

Глава 5. МЕТОДЫ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

ПОДХОДЫ К МЕТОДАМ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

Первым, кто обратился к специальному рассмотрению методов классифицирования археологического материала, был В.А.Городцов [1923; 1927]. До него С.Мюллер, О.Монтелиус и другие рассматривали методы работы с уже сформированными типами (построение типологических рядов, создание относительной хронологии древностей), а не сами способы создания классификации (типологии). Насколько можно судить, типы артефактов представлялись им очевидными и однозначными – никаких особых процедур для их выделения не требовалось, да и самой проблемы не существовало.

В.А.Городцов считал необходимым строгое соблюдение формально-логических правил классификации:

- 1) чтобы деление целого производилось на едином основании;
- 2) чтобы подразделения взаимно исключали друг друга;
- 3) чтобы отделы соподчинялись один другому;
- 4) чтобы в основание деления полагался существенный, а не случайный признак [1923: 5].

Все вещественные археологические памятники он предложил делить на категории, категории делить на группы, группы – на отделы, и отделы – на типы. «Принципом деления на категории служит назначение типов, на группы – вещество типов; на отделы – форма, свойственная нескольким типам; и на типы – форма, присущая одному типу» [Городцов 1927: 6]. «В правильно выполненной классификации типологического метода, все классы являются основанными на едином признаке деления и соподчинёнными друг другу, что вполне отвечает требованиям естественных, или как их называют, философских классификаций» [Городцов 1927: 7].

Суть предложений Городцова состоит в том, чтобы ввести жёсткий универсальный порядок деления всего археологического материала. Схема классифицирования задана заранее для всех случаев и указаны категории признаков, из которых должны выбираться основания деления на каждом шаге классификации: при разделении материала на категории, категорий – на группы, групп – на отделы и отделов – на типы. Получается четырёхуровневая древовидная классификация с едиными основаниями деления во всех ветвях на каждом уровне. Графическая схема такой классификации – дендрограмма – имеет вид последовательно ветвящегося дерева.

Цель классификации указывается: это «точное определение каждого типа во времени и пространстве...» [Городцов 1927: 9]. Соблюдение формально-логических правил классификации и следование городцовой схеме деления материала и должны сами по себе обеспечить достижение этой цели во всех случаях. Подразумевается, что материал можно расклассифицировать одним-единственным правильным способом и что в материале существует одна-единственная наилучшая классификация: правильной может быть только одна классификация, и именно её нужно выявить в материале.

Существуют другие варианты того же самого подхода к классификации археологического материала. Г.Н.Матюшин предложил аналогичную схему классификации для каменного века, состоящую из пяти уровней: категории – группы – классы – типы – виды [1975; 1976: 40-63]. У В.Н.Гладилина для раннепалеолитических изделий девять уровней: категории – разряды – секции – классы – отделы – группы – типы – подтипы – разновидности [1976].

В том же духе, но иначе к делу подошёл Г.Лаплас. Он предложил схему классификации каменных пластинчатых индустрий, представляющую собой упорядоченный набор идеальных форм (типов), с помощью которых описываются и классифицируются артефакты: указывается принадлежность артефакта к определённому эталону и его отличия от этого эталона [Laplace-Jauretche 1957].

Американцы А.Кригер, К.Клакхон и И.Рауз настаивали на применении **типологической классификации** [Krieger 1944; 1960; Kluckhohn 1960 – из: Rouse 1970]. В их понимании она состоит в том, чтобы первоначально выбрать пробные наборы признаков (типов или модов, если работают с комплексами). Затем проверить способность этих наборов распределять артефакты (или комплексы) в классы. Если полученные классы не будут однородны, то следует пересмотреть первоначальные наборы признаков (типов) и выполнить классификацию по новым наборам. Эту процедуру следует повторять до тех пор, пока не будут получены гомогенные классы. Причём для установления иерархии в типологической классификации нужно проводить новую классификацию на каждом уровне [Rouse 1970: 11-12; 1972].

Как видим, формальной целью такой типологической классификации является получение наиболее однородных групп материала. Однако однородность группы и состоит в том, что у её членов максимальное количество признаков связано взаимной встречаемостью (признаков на артефактах, типов в комплексах). Т.е. она направлена на получение типов как устойчивых сочетаний признаков (или

образований более высокого таксономического уровня как устойчивых сочетаний типов). Мнение И.Рауза о том, что типологическая классификация «предоставляет эмпирический способ реконструкции деятельности и идей, которые древние мастера внесли в свои артефакты» [Rouse 1970: 12], мало обосновано – о слабостях концепции типа как устойчивого сочетания признаков говорилось в третьей главе.

Кроме того, И.Рауз выделял аналитическую и таксономическую классификации [Rouse 1960]. **Аналитическая классификация** – это разбиение исследуемой совокупности артефактов отдельно по каждому признаку с тем, чтобы выявить «моды» (о «моде» см. главу 2), – и это начальный этап процедуры классифицирования (рис. 6). Затем следует перейти к **таксономической классификации** – провести разбиение на классы (типы) и подклассы так, чтобы каждый из них характеризовался уже не менее чем двумя выявленными аналитической классификацией «модами». Таксономическая классификация мыслилась И.Раузом как древовидная (рис. 7).

С внедрением в археологию методов математической статистики связаны некоторые более общие моменты подхода к классификации. С одной стороны, поскольку для применения математических методов необходимо, как правило, каждый артефакт описать набором чётко фиксированных признаков, был ясно выделен важнейший этап классификационной процедуры отбор признаков и описание артефактов. С другой стороны, поскольку отбор признаков формализации не поддаётся, этот этап процедуры толком не рассматривается и всецело отдаётся на откуп интуиции, а точнее, неформализуемым операциям. Единственное, что рекомендуется, – это использовать признаки, существенные с точки зрения целей классификации [Doran & Hodson 1975: 100-101; Каменецкий и др. 1975: 46] или релевантные с точки зрения представления объекта как системы [Clarke 1968: 137]. Причём для успешности классификации следует учесть все существенные признаки. «Чем меньше количество учитываемых релевантных признаков, тем более субъективной выглядит процедура» [Doran & Hodson 1975: 101].

Вес признаков в подавляющем большинстве случаев определяется по чисто формальным критериям. Простейшим из них является частота встречаемости: чем чаще встречается выбранный признак (или тип) в исследуемой совокупности, тем больший вес он получает в классификации. В древовидной классификации на каждом шаге и в каждой ветви деление может производиться по тому признаку, кото-

рый даёт наибольшую совстречаемость с другими признаками, – т.е. иерархия признаков определяется по их информативности относительно других признаков (пример см. в Главе 3 из работы Уоллона).

В то же время, в основе применения многих методов математической статистики лежит представление о типе как устойчивом сочетании равноправных признаков. А.Сполдинг, чья работа сыграла заметную роль в массовом внедрении математики в археологию (хотя несколько работ такого рода было выполнено до него), прямо ссылался на концепцию типа Кригера [Spaulding 1953: 305].

Ещё одну особенность применения математических методов подчеркнул Ж.-К.Гарден. «Применяя в археологии математические методы классификации, авторы действительно зачастую рассуждают так, как будто внешние признаки всех изучаемых памятников или их части совершенно неизвестны. Работа сводится к исчислению классов или к выявлению серий, начиная с матрицы исходных данных, содержащей некоторое количество признаков для каждого объекта или группы объектов. При этом выбор признаков вообще ничем не обоснован, и всё происходит так, как будто формальные достоинства использованного метода упорядочивания снимают любые вопросы о достаточно произвольном характере описательных данных, к которым этот метод пытаются применить» [Гарден 1983: 142].

Дж.Доран и Ф.Ходсон, обсуждая применяемые в археологии математические методы, объединили все классификационные методы, независимо от того, математические они или традиционные, в три основные стратегии: агломеративную, разделительную и перераспределительную [Doran & Hodson 1975: 173-174]. **Агломеративная стратегия** охватывает методы, в основе которых лежит группирование объектов путём их последовательного подбора по сходству одного к другому до получения подходящего количества классов или типов с любой иерархией: сначала формируется пара сходных объектов, затем вторая или расширяется первая и т.д. **Разделительная стратегия** охватывает методы, в основе которых лежит группирование объектов путём последовательного деления исходной совокупности на две части по определяемому на каждом шаге деления одному признаку до получения подходящего количества групп: сначала исходная совокупность делится на две части по наличию-отсутствию на объектах некоторого признака, затем каждая часть в свою очередь делится на две части по наличию-отсутствию другого признака и т.д. **Перераспределительная стратегия** охватывает методы, в основе которых лежит группирование объектов путём выбора подходящего

количества предварительных легко различимых, типичных образцов и группировки всех остальных членов совокупности вокруг этих образцов по сходству с ними; затем в каждой полученной группе выбирается наиболее представительный тип-образец и вокруг этих типов-образцов вновь производится, если это необходимо, перераспределение объектов до получения устойчивых групп или типов.

Если в результате применения первых двух стратегий положение определённых образцов оказывается ненормальным, можно скомбинировать эти стратегии с третьей. На каком-то уровне деления или объединения артефактов можно перейти от любой из первых двух стратегий к третьей. Доран и Ходсон отмечают, что как раз этим способом выполнено множество интуитивных (без применения математики) археологических классификаций.

Дж.Хилл и Р.Эванс выделяют две общие модели классификации: традиционную «**эмпирическую**» и «**позитивистскую**». Эмпирическая модель основывается на индуктивной процедуре исследования: нужно учесть все основные характеристики артефактов и разместить артефакты в типы по сходству между ними (с использованием или без использования статистики). «Если действовать идеально индуктивно, то следует идентифицировать и зафиксировать все определяемые признаки коллекции артефактов» [Swartz 1967:490]. Лучшая классификация при эмпирическом подходе – это наиболее очевидная классификация. «на поиск наилучшего разделения на типы, основанного на самых очевидных характеристиках, направлена "таксономическая" классификация Рауза, и она ведёт к тому, что он называет "аналитическими" типами, что Стюард называет "морфологическими" типами, и Бакка называет "эмпирическими" типами» [Hill & Evans 1972: 235].

Главный недостаток эмпирической модели классификации Хилл и Эванс видели в том, что невозможно учесть все признаки и их отбор неизбежен. «Большинство наших сегодняшних стандартных типов учитывает только несколько признаков и обычно только два-три из них имеют первостепенное значение для определения конкретного типа» [Hill & Evans 1972: 250]. К отбору признаков эмпирическая модель не приспособлена.

Модель классификации, которую предлагают Хилл и Эванс, базируется на позитивистской, гипотезно-дедуктивной процедуре исследования. «Позитивист начинает свою работу со своих проблем, пробных заключений или гипотез относительно наблюдаемого или ненаблюдаемого материала, и затем стремится выбирать те признаки,

которые, как ему кажется, приведут к типологии, которая будет полезной в его конкретном исследовании. Например, если археолог хочет проверить предположение о том, что определённые сосуды использовались для приготовления пищи, в то время как другие – для хранения воды, ему следует выделить те признаки, которые, как он думает, отражают эти функции» [Hill & Evans 1972: 253]. Следовательно, в одной коллекции артефактов можно и нужно строить разные классификации для разных исследовательских проблем.

Л.С.Клейн попытался набросать наиболее общую схему существующих методов археологической классификации. Он считает, что существует три стратегии группирования и предлагает ещё одну – четвёртую [Klejn 1982; 1979]. В **древовидной стратегии** классификация строится по древовидной схеме с произвольным размещением критериев по шагам и ветвям дендрограммы [Klejn 1982: 257-258].

Аналитическая, или **индуктивная стратегия** диктует восхождение от уровня элементов через уровень типов к уровню археологических культур. «Идея состоит в том, чтобы на основе учёта и строгой корреляции всех "существенных" элементов получить типы, а затем таким же индуктивно обусловленным комбинированием типов подняться к культурам» [Klejn 1982: 258].

Гипотезно-дедуктивная, или **«рационалистическая» стратегия** рекомендует работать только с «условными» абстрактами, как бы ставя вопросы материалу, исходя из некоторых гипотез. «Эти вопросы выражены в форме трёх выборов: а) наложенная на материал искусственная сеть ячеек, б) отбор единиц нижележащего уровня, подвергаемых учёту, и в) принятая для них иерархия (не исключая и нулевую). Гипотезы могут быть осознанными тогда вопросы (выборы) предопределены (Л.Бинфорд). Гипотезы могут быть смутными, имплицитными, многозначными – тогда вопросы почти произвольны (М.Мальмер). В первом случае утвердительным ответом было бы ожидаемое (предсказанное) распределение материала по ячейкам, во втором – "идеальное", "наилучшее" распределение материала (сходство внутри ячеек наибольшее, между ячейками – наименьшее)» [Клейн 1979: 66; Klejn 1982: 259].

Главной целью археологической типологии Клейн считает получение культурных типов. Однако все три имеющиеся стратегии группирования, по его мнению, не могут привести к их выделению. Поэтому он предлагает четвёртую, **системную стратегию** группирования. «Эта стратегия ведёт не от элементов через типы к культурам, а, наоборот, сверху вниз». Аналогично дешифровке комбинаторным

методом без билингвы, в археологии «элементы получают культурный смысл (и опознаются как признаки) лишь из более широкого культурного контекста, т.е. со следующего, вышележащего уровня, где они артикулируются наиболее чётко в составе культурных типов, а последние, в свою очередь, с ещё более высокого уровня – из состава и сопоставления исторических культур» [Клейн 1979: 69; Klejn 1982: 262]. Распознав культуры, можно выделить в них типы, имеющие культурную значимость, а зная культурные типы, уже не столь трудно расчленить их на культурно значимые признаки. Только после этого становится целесообразным обратный путь – как способ уточнения. Причём имеется в виду не классификация сверху или снизу, а восхождение или нисхождение по лестнице уровней интеграции [Клейн 1979: 70; Klejn 1982: 263].

Для первоначального выделения исходных единиц на высших уровнях интеграции Клейн намечает различные пути. Интуитивное выделение археологических культур и надкультурных образований; использование явных границ, существующих в материале, хотя бы из-за его неравномерной изученности, из-за существования в прошлом между различными культурами «нейтральных зон», из-за разной сохранности материала; использование стратиграфических колонок на многослойных памятниках, где границы определяются неархеологическими методами; использование эвидентных типов (типов, которые настолько стандартны и настолько отличаются от других, что не требуется никаких специальных процедур для их опoznания, их существование очевидно). Наконец, для решения таких задач можно привлечь понятие стиля и т.п. [Klejn 1982: 273-280].

Клейн отмечает, что у системной стратегии есть свои слабые стороны: ей присущи изрядная расплывчатость исходных ячеек (убывающая к нижним уровням) и риск утраты культурной информации, не аккумулированной в типах. Поэтому он считает, что надо искать способы разумного дополнения и корректировки этой стратегии индуктивной и рационалистической стратегиями (рис. 5).

Ж.-К.Гарден выделил три вида типологических построений: свободные, управляемые и предопределённые [1983:140-152]. «Свободными» он называет «такие построения, в которых выбор признаков и классификация объектов не обусловлены (во всяком случае, явно) никаким предварительным знанием об их распространении и датировке». В свободных построениях «предполагается, что археолог ничего не знает о пространственно-временных рамках или "культурных" связях тех памятников, которые он изучает». Однако, замечает

Гарден, «на практике археолог редко действует так, как будто он действительно не может заранее определить признаки места, времени и функции изучаемых памятников и их свойств. Чаще всего, наоборот, при выявлении отличительных особенностей памятников, уже в процессе исследования одновременно формулируются гипотезы о возможности использования этих особенностей для определения места, времени и функции». В конечном итоге Гарден приходит к заключению, что этот «способ типологического исследования представляется плохо обоснованным и потому мало продуктивным» [1983: 140-143].

«Управляемыми» он считает типологические построения в том случае, «если отбор определённых свойств и даже отнесение определённых объектов к тому или иному типу определяется тем, что об изучаемых материалах уже известно археологу. Когда речь идёт о признаках, среди них выбираются такие, в которых опыт и логика археолога обнаруживают связь с целью исследования. Отбор таких «отличительных» признаков делается на основании любых наблюдений. Например, «x должен фигурировать в классе, предшествующем по времени классу z»; «x и z относятся к совершенно разным географическим группам»; «x и z могут или должны принадлежать к одному и тому же хронологическому классу» и т.д. Гарден замечает, что большинство археологов следует именно этому методу построения типологии [1983: 144].

«Предопределёнными» Гарден называет «такие типологические построения, классы которых определяются наблюдениями данных внешнего (например, раскопки, письменные источники и т.п.) или внутреннего (например, надписи на вещах) характера, содержащих сведения» о месте и времени бытования артефактов [1983: 146]. Суть состоит в том, чтобы найти такие физические, геометрические и семиотические свойства археологических объектов и такой их порядок, чтобы построенные на их основе классы согласовывались с классами, построенными на основании места и времени бытования артефактов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Какой-то общепринятой или хотя бы широко распространённой систематизации или просто перечня методов классифицирования в археологии нет. Как видим, разные авторы рассматривают методы археологической классификации с разных точек зрения, по-разному их систематизируют, предлагают наилучшие или единственно пра-

вильные, по их мнению, методы, исходя из разных представлений о сути и свойствах классификации.

В чём слабость первого, «городцовского» подхода? Во-первых, соблюдение формально-логических правил классифицирования обеспечивает лишь логическую правильность и, как следствие, относительную простоту классификации и удобство её использования. Соблюдение этих правил вовсе не приводит само по себе к построению классификации, удовлетворяющей заданным содержательным целям. Во-вторых, наложение на материал какой-либо заданной схемы само по себе также не приводит к построению удовлетворительной для поставленных целей классификации, сколь бы удачной ни была сама эта схема. Ведь в разных совокупностях материала и для разных целей могут оказаться наиболее приемлемыми и разные классификационные схемы. Собственно говоря, выбор той или иной схемы классификации диктуется в этом подходе прежде всего соображениями удобства и логической строгости построений. Получается, что конкретные способы классифицирования, предлагаемые в рамках этого, «городцовского», подхода, на самом деле слабо связаны с теми задачами, для решения которых они предназначаются. В то же время, как мы увидим ниже, при некоторых обстоятельствах решать классификационные вопросы можно только в рамках этого подхода, по составленной заранее классификационной схеме.

Классификационные стратегии, обозначенные Дораном и Ходсоном, развивают старое деление на классификацию снизу и классификацию сверху (совершенно необычное и запутанное представление этих понятий см.: Холюшкин, Холюшкина 1985: 32) и идут по внешней стороне процедуры классифицирования. В то же время, их перераспределительная стратегия есть не что иное, как внешнее описание поиска устойчивых сочетаний признаков.

Три разновидности типологических построений Гардена различаются лишь характером выбора оснований классификации, вытекающим из имеющихся у археолога знаний о связях внутренних и внешних признаков (собственных и несобственных) признаков артефактов. Причём очевидно, что в степени связанности внутренних и внешних признаков нет каких-либо разграничительных линий. Напротив, здесь существует непрерывность от полной связанности до полной несвязанности признаков. Точно так же и знания археологов о связях внутренних и внешних признаков представляют собой непрерывный ряд от полного незнания до приемлемого знания.

Наконец, разделение на стратегии группирования, которое предложил Клейн, выглядит проблематично. Его древовидная стратегия указывает лишь на момент последовательного введения признаков при разбивке материала. В рационалистической стратегии отражён лишь отбор признаков. К тому же в ней объединены два совершенно различных принципа такого отбора: «рационалистический» Мальмера и гипотезно-дедуктивный Бинфорда. М. Мальмер настаивал на необходимости использовать только такие признаки, для которых имеется практическая возможность абсолютно объективной фиксации, т. е. он выдвигал на первый план доступность и точность фиксации признаков. В гипотезно-дедуктивной классификации Хилла и Эванса, или шире – при дедуктивном подходе, акцент делается на отборе признаков, основанном на знаниях и предположениях о культурной и научной роли артефактов, на научных гипотезах относительно исследуемого материала и т.п. – т.е. исходящем, прежде всего, из содержательных критериев. Объединять в одной стратегии группирования два противоположных принципа выбора оснований классификации – условный и содержательный – явно нецелесообразно.

Аналитическая стратегия учитывает лишь простейший вариант классификации, основанный на идее учёта всех существенных признаков, – когда все признаки обладают равным весом. Как мы видели, более близкими археологическому материалу являются методы, которые затем устанавливают иерархию признаков и приводят к древовидной классификации.

Что касается предложенной Клейном системной стратегии группирования, то она направлена на поиск культурных типов, а сама концепция культурного типа в археологии не обоснована (см. главу 3). Кроме того, каким бы образом мы ни выделяли таксоны на верхнем уровне интеграции для последующего нисхождения, мы это делаем на основе каких-либо признаков и иначе, видимо, от природы не можем. «Исходный результат работы органов чувств всех высших организмов состоит в выделении признаков, то есть в извлечении из множества различных сенсорных впечатлений определённых фигуративных, цветовых, обонятельных и других характеристик» [Кликс 1983: 157]. Получается, что основная идея системной стратегии – нисхождение по уровням интеграции – есть не что иное, как интуитивный выбор признаков. А следующее за ним восхождение от признаков через типы к археологическим культурам, служащее для проверки и уточнения найденных признаков и типов, уже вполне укладывается в рамки других стратегий.

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

Если уж пытаться систематизировать классификационные методы, то, видимо, нужно рассматривать по отдельности способы отбора признаков и оценки их веса, способы выбора вида классификации и выбора метода классифицирования. В ряде случаев одно предопределяет другое – тогда можно говорить о стратегии или методе группирования в целом, но во многих случаях зависимость между ними довольно слабая и допускает немалую свободу расхождений. Например, признаки можно отобрать дедуктивно, исходя из задачи исследования, гипотезы или просто по аналогии, а метод классифицирования выбрать «аналитический», придав всем признакам равный вес или разный, но определяемый по формальным критериям.

С этой точки зрения можно указать на существование нескольких принципов отбора признаков для классификации. Во-первых, **индуктивный отбор** признаков, при котором к участию в классификации привлекаются все признаки, которые представляются исследователю существенными. По сути дела, отбор признаков происходит здесь интуитивно и по разным критериям, фактически включая в себя (пусть в подсознании исследователя) все другие принципы такого отбора. Главное отличие его состоит в том, что процедура отбора никак сознательно не управляется исследователем, ни на какие сознательные цели исследования не ориентируется, кроме провозглашения задачи объективного учёта всех существенных признаков.

Во-вторых, **дедуктивный отбор** признаков, при котором к участию в классификации привлекаются лишь те признаки, которые связаны с целями классификации. Главным здесь является то, что отбор признаков производится исходя из целей классификации, т.е. целенаправленно выявляются косвенные признаки, удовлетворительно коррелирующие с целевыми. Конкретно это осуществляется разными способами. В гипотезно-дедуктивной классификации необходимые признаки выводятся из гипотез относительно археологического материала, как у Хилла и Эванса. В дедуктивной классификации необходимые признаки выводятся из целей классификации и наших знаний и предположений о связях признаков артефактов, без выдвижения эмпирически проверяемых гипотез. В том числе, признаки могут быть отобраны по аналогии с другими классификациями, которые оказались успешными.

В-третьих, **«типологический» отбор** признаков, при котором признаки отбираются в процессе предварительного классифицирова-

ния по той формальной роли, которую они обнаруживают в классификации. Конкретными вариантами воплощения этого принципа отбора признаков являются типологическая классификация Кригера, Клакхона и Рауза и, в значительной мере, системная стратегия Клейна.

В-четвёртых, **рационалистический отбор** признаков, при котором главным является доступность, сравнительная лёгкость и однозначность фиксации признаков.

Хотелось бы подчеркнуть, что перечисленное выше – это именно принципы, а не методы отбора признаков. В каждой конкретной классификации они обычно причудливым образом сочетаются, чередуются в процедуре и редко встречаются в более или менее чистом виде. Например, рационалистический принцип отбора признаков реализуется почти всегда (особенно, в начале классифицирования), но не в качестве главного. В любой классификации, прежде всего, стараются воспользоваться наиболее простыми и доступными признаками, если построенная на их основании классификация будет удовлетворительной относительно заданных целей. Тем не менее, в зависимости от того, какой принцип отбора признаков выдвигается на первый план и сознательно проводится в жизнь, в одном и том же материале будут получаться совершенно различные классификации, пригодные к обслуживанию разных целей. Например, старательно реализовав рационалистический принцип отбора признаков и формирования типов, М.Мальмер, как пишет Л.С.Клейн, «"расправился" с идеей о миграционных вкладах в шведскую культуру ладьевидного топора» [1979: 59], основанной на традиционной типологии.

Во взвешивании признаков применяются, пожалуй, два принципа: формальный и содержательный. Признаки могут получать различный вес в зависимости от частоты встречаемости, коррелированности с другими признаками, классоводелительной способности и т.п., т.е. по чисто формальным критериям. А могут и по содержательным – в зависимости от того, какую роль они играют в обеспечении исследовательских задач данной классификации, разумеется, насколько позволяют судить об этом наши знания.

Что касается выбора метода классифицирования (а в ряде случаев и вида классификации), то только математических методов классифицирования существует достаточно много. Задача состоит в том, чтобы подобрать метод адекватный материалу и целям исследования, которые призвана обслуживать данная классификация [ср. Мартынов, Шер 1989: 114]. Не случайно Ю.А.Воронин считает, что теория клас-

сифицирования «должна являться теорией нового типа в том смысле, что главное в ней обязано заключаться в допустимом и рациональном (не обязательно эффективном) выборе математической модели из очень широкого и очень разнообразного класса таких дискретных моделей» [1985: 21]. Кстати, новые возможности извлечения информации из археологических данных могут появиться при сравнении разных классификаций одного и того же материала (см., например, Колпаков 1987а).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Разумеется, это всё попытки теоретического осмысления классификационных проблем и их решений. А что происходит на практике? А на практике наиболее распространённой (а в прошлом единственной) является следующая картина. Для некоторой совокупности артефактов (регионально и хронологически выделенной группы или категории артефактов) представляется готовая типология. Как она выполнена, не объясняется, определения типов, как правило, не даются, а даются изображения конкретных артефактов (типичных образцов), принадлежащих к определённым типам. Типы датируются (типологически или с помощью естественнонаучных методов) и получают культурную атрибуцию. Затем эту готовую типологию прикладывают к материалам, которые имеют сходство с той совокупностью, на которой она была создана. Так обстоит дело с многочисленными хорошо известными археологам типологиями: Монтелиуса, Стендер-Петерсена, Альмгрена, Борда, Сонвиль-Борд и Перро и т.д. Иногда, как, например, у последних, даются и определения типов, но они таковы, что позволяют очень вольно их интерпретировать. Фактически и в этих случаях ведущую роль в определениях типов играют изображения отдельных конкретных артефактов – типичных артефактов.

Конечно, неясность способов построения конкретных типологий вовсе не является сама по себе их недостатком – лишь бы они позволяли получать новую научную информацию. Автор типологии может вообще не понимать, как она у него получилась. Когда обсуждаются методы классифицирования, речь идёт о том, как искусство или удачу выдающихся типологов сделать доступными большинству археологов и как их превзойти. Однако здесь есть ещё одна проблема – проблема приложения имеющейся классификации к новому материалу, проблема идентификации. «Идентификация – процедура отнесения экземпляров в уже установленные классы на основании признаков или черт, диагностических для этих классов» [Rouse 1972: 280;

Doran & Hodson 1975: 159]. (У.Адамс выделяет **типизацию** – помещение отдельного объекта в уже имеющийся тип, и **сортировку** – систематическое размещение коллекции по имеющимся типам [Adams 1988: 44]).

Дело в том, что, распределяя новый материал в заранее существующие классы, мы тем самым как бы подгоняем его под классификацию, которая может быть неудовлетворительной для него. Типы, удовлетворяющие некоторым целям на одном материале, могут не удовлетворять тем же целям на сходном, но другом материале. Успешность применения некоторой классификации на одном материале вовсе не обеспечивает успешности её применения на другом. Ведь свойства нового материала, даже похожего на старый, могут быть несколько иными; связи признаков, выступающих как целевые и косвенные, могут отличаться. В концепции типа как устойчивого сочетания признаков положение ещё более усложняется, т.к. в новой совокупности артефактов наиболее устойчивыми могут оказаться совсем другие сочетания признаков. Применение уже имеющейся классификации к новому материалу в этом случае будет ничем иным как навязыванием материалу неподходящей ему классификации. Например, в коллекции вещей, описываемых признаками *a*, *b*, *v*, *z*, наиболее часто встречаются сочетания *ab* и *vz*, которые и выделяются нами как типопределяющие. В новой коллекции наиболее повторяющимся является сочетание *bv*. Если же мы применим к ней старую классификацию, то ничто не помешает распределить новые вещи в старые классы, характеризующиеся сочетаниями признаков *ab* и *vz*, хотя в новой коллекции они не являются наиболее устойчивыми.

Каковы пути разрешения указанной проблемы? Если классификация основана на понятии типа как устойчивого сочетания признаков, то, очевидно, в каждой новой совокупности материала необходимо заново отыскивать такие устойчивые сочетания: то есть либо строить самостоятельную классификацию нового материала, либо образовывать новую единую совокупность из старого и нового материалов и проводить новую классификацию уже в ней. Возможен и третий путь: для каждого комплекса, обладающего достаточным для статистических процедур количеством материала (поселения, могильника), строить свою классификацию, а затем, уже из этих классификаций создавать одну обобщённую, либо пытаться работать с разными классификациями.

Если же типы формируются по специально отобранному какому-либо образом признакам, то ситуация становится иной. Признаки, которые удовлетворительно работали в первоначальной совокупности артефактов, могут оказаться неработающими в новой совокупности

сти. Необходима их проверка. Необходимо выяснить, играют ли признаки, использованные в первоначальной совокупности для её классификации, такую же роль в новом материале в рамках таких же задач, что и в первоначальной классификации. На практике этот вопрос нередко решается очень просто. Во-первых, когда новый материал с очевидностью заметно отличается от первоначального. Тогда ясно, что для нового материала необходима и новая классификация. Во-вторых, когда новый материал с очевидностью почти не отличается от первоначального. Тогда для нового материала применяется уже имеющаяся классификация. Правда, необходимо понимать, что в этих случаях оправдывается лишь допустимость и целесообразность применения или неприменения имеющейся классификации к новому материалу, а вовсе не оптимальность таких решений. Ведь даже при явной схожести старого и нового материалов в новом материале наиболее удовлетворительными в рамках решаемых задач могут оказаться другие признаки.

Однако в археологии достаточно случаев, когда сходство или несходство нового материала со старым далеко не очевидно. По сути это означает, что не ясно, по каким критериям оценивать сходство исследуемых артефактов. В то время как в первых двух случаях это было более или менее понятно. Поэтому неудивительно, что такая ситуация обычна в археологии каменного века и нехарактерна в археологии поздних эпох. Ясно, что в таких случаях проверка используемых в классификации признаков обязательна на новом материале. Причём реально такую проверку можно осуществить только тогда, когда есть данные для установления связей между целевыми и косвенными признаками. При других условиях приходится исходить из весьма общих косвенных соображений (см. также Главу 7).

Включать или не включать в существующий тип артефакт, который немного отличается от его определения или от составляющих этот тип других артефактов? Что значит «немного отличается»? Как мы видели, сходство оценивается только с какой-то выбранной нами точки зрения. Это значит, что значимость сходства-различия по косвенным признакам определяется сохранением или несохранением единства по целевым признакам. Поэтому формальных критериев для отнесения артефакта к «похожему» типу может и не быть. Тогда опять же придётся пользоваться для этого всяческой косвенной информацией. Таким образом, даже идентификация объектов с классами уже разработанной классификации превращается в нетривиальную задачу.

Глава 6. ВИДЫ КЛАССИФИКАЦИЙ

В археологии, и не только в ней, обычно выделяют несколько важнейших пар видов классификаций: типологию и классификацию, естественную классификацию и искусственную, исследовательскую классификацию и служебную.

КЛАССИФИКАЦИЯ – ТИПОЛОГИЯ

Несмотря на то, что различие типологии и классификации является почти общепринятым, далеко не всегда при этом разъясняется, в чём собственно состоит это различие. В то же время, понятию типологии и её отличию от классификации, как правило, придаётся чрезвычайно важное значение. Считается, что типологию отличают какие-то выгодные, глубинные характеристики, позволяющие с её помощью добираться до сущности изучаемых явлений. Попытки определить конкретно различие типологии и классификации можно свести к двум основным подходам.

Формальный подход различает типологию и классификацию по какому-либо отдельным формальным признакам. Например, по Я.В.Чеснову, «группировка предметов по нескольким параметрам, т.е. комплексность признаков, – важнейшая черта типологии, отличающая её от классификации» [1979: 191]. По Р.Даннелу, типология – это разновидность классификации, свободная от жёсткого распределения показателей по шагам процедуры [Dunnell 1971a: 140]. У Л.С.Клейна «классификация... стремится разложить по ящичкам-классам весь материал без остатка, строго разграничивая классы... Типология же... выявляет узловые пункты изменчивости материала, группируя его по сходству параметров вокруг этих пунктов, не обязательно весь, и для неё не важны границы между типами» [1987: 33]. У У.Адамса почти наоборот [Adams 1988: 43-44].

Целевой подход проводит различие по принципиальной разнице в целях классификации и типологии. Классификация – это упорядочение материала в служебных целях: для удобства его изучения, удобства хранения и использования в музейных коллекциях, описания и т.п. Типология (или типологическая классификация) «ставит задачу открыть и охарактеризовать существовавшие в реальной исторической действительности группы» [Грязнов 1969: 19].

Вопрос об определении различия между типологией и классификацией можно было бы решить конвенционально, используя для этого любое выдвинутое предложение, если бы от того, что именуют

типологией, не ожидалось значительной частью археологов каких-то существенных содержательных достижений по сравнению с классификацией. Поэтому вопрос состоит в том, чтобы выяснить, существует ли такая особая процедура группирования, которая, в отличие от классификации в обычном понимании, приводит к желаемым содержательным результатам.

Что касается формального подхода, то, безусловно, всевозможные отличия, выдвигаемые в его рамках, приближают классификацию к характеру материалов культуры. Но столь же очевидно, что сами по себе они не обеспечивают достижение существенных содержательных целей и, в то же время, не являются для этого необходимыми. Достаточно отметить, что Система элементов Менделеева, группы Фёдорова и систематика животных Линнея, содержательная глубина которых выдвигает их на роль эталонных классификаций при попытках разработки общей теории классификации, будут справедливо отнесены формальным подходом в разряд классификаций, а не типологий.

В то же время, опыт науки показал, что во многих случаях нас вполне удовлетворяют классификации, в которых не соблюдаются формально-логические правила деления объёма понятия: несовместимости, соразмерности, непрерывности и существенности основания. Подавляющее большинство археологических классификаций (типологий) охватывает не весь объём делимого целого, допускает заметное взаимоналожение классов и т.д. [ср. Клейн 1987: 33]. Собственно, абсолютно необходимым оказывается соблюдение лишь одного формально-логического правила классификации: правила единства основания, ведь классификация и есть распределение объектов в группы по некоторому основанию.

Таким образом, оказывается, что любые отличия типологии от классификации, выдвигаемые формальным подходом, не обеспечивают сами по себе никаких преимуществ первой над второй и, в то же время, не являются для этого необходимыми. Поэтому можно положить в основу разделения типологии и классификации любой из упоминавшихся признаков, но никакого смысла это не имеет.

Целевой подход в своём крайнем проявлении фактически уравнивает типологию с естественной классификацией. Искусственная классификация – это и есть собственно классификация, она не стремится выявить в материале существующие в нём разграничения, а навязывает несвойственные ему деления. Естественная классификация – это типология, она открывает реально существующие в мате-

риале типы, т.е. культурные типы. О непреодолимых трудностях, стоящих перед концепцией культурного типа в археологии, подробно говорилось в третьей главе. Но главное состоит даже не в этом, а в том, что и при принятии концепции культурного типа не обнаруживается каких-либо определённых процедур, которые приводили бы, пусть не всегда, к выделению культурных типов. Одна и та же классификационная процедура в одном случае может приводить к выделению якобы культурных типов, а в другом – нет.

К тому же, одна и та же классификация может использоваться как в служебных, так и в исследовательских целях. То есть получится, что одна и та же классификация в одном случае будет считаться типологией, а в другом – собственно классификацией. Вряд ли это целесообразно.

Таким образом, выясняется, что, с операциональной точки зрения – важнейшей для практической археологии – есть только процедуры классифицирования и нет каких-либо привилегированных процедур типологизирования. Поэтому типологией можно назвать любую разновидность классификации. Но при этом следует помнить, что, как бы содержательно мы ни наполняли все шаги в процедуре классифицирования, процедура сама по себе будет оставаться всё той же классификацией [Колпаков 1987в].

СЛУЖЕБНАЯ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ

Обратимся теперь к разделению классификаций на служебные и исследовательские. По М.П.Грязнову, «классификация археологических объектов исследования может служить двум целям: а – первичному упорядочению массового материала по классам для удобства его изучения; б – распределению его по группам (типам), имевшим место в реальной действительности, для использования его в исторических построениях. В первом случае классификация формальная, играющая чисто служебную роль, во втором – типологическая (или генетическая), представляющая собой систематику археологических материалов, то есть, разделения их по признакам сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы» [1969: 18]. По У.Адамсу, «археологические типологии служат многим целям, но они распадаются на две широкие категории, которые я называю базовыми и инструментальными. Базовые цели охватывают изучение и выражение чего-либо в классифицируемом материале самом по себе; инструментальные цели охватывают использование классифицируемого материала как средства для решения несколько иных

задач (например, датировки археологических отложений)» [Adams 1988: 44]. И.Рауз называет последнее **внешней классификацией** [Rouse 1972: 268] и как раз здесь пригодятся его внутренние и внешние типы (см. главу 3), согласующиеся, очевидно, с базовыми и инструментальными целями Адамса.

Служебная классификация должна обладать такими качествами как жёсткость, универсальность, логическая взаимоисключаемость ячеек и т.д., исследовательская должна быть естественной, отражать реальную сеть взаимосвязей и т.д. [Клейн 1979: 54]. Причём «невозможно осуществить в культурном материале одновременно прагматическое упорядочение и эвристический познавательный поиск, невозможно решить задачи естественной группировки такого материала средствами искусственной классификации» [Klejn 1982: 266]. «При попытках совместить их неизбежно страдают обе цели – не достигается ни та, ни другая. Упорное и длительное стремление археологов всё же совместить их привело к тому, что у нас нет ни удобных определителей, ни обоснованных типологий» [Клейн 1979: 54].

Безусловно, разделение классификаций по их цели на служебные и исследовательские допустимо, но насколько оно существенно? Ведь, вообще говоря, хотя идея такого разделения существует, по крайней мере, с работы М.П.Грязнова 1969 г., её реального воплощения в практике археологов не замечается.

Проблема возникает из-за того, что к классификации в археологии, как и в других науках, предъявляются два пучка взаимоисключающих требований: формальный и содержательный. Исследователь при создании или выборе классификации ориентируется на то, чтобы данная классификация наилучшим образом отражала какие-то глубинные характеристики и связи материала. При этом, как правило, страдает соблюдение формальных требований к классификации (жёсткость, универсальность, взаимоисключаемость ячеек, относительная простота и однозначность определения типологической принадлежности объектов – идентификация, охват классификацией всего объёма исследуемого материала). Происходит это потому, что «значение» артефактов для общества и их место в культуре зачастую определяются далеко не самыми очевидными, яркими и доступными их свойствами. С чисто классификационной точки зрения это означает, что связь между интересующими нас целевыми и косвенными признаками не однозначна и не реализуется абсолютно в каждом конкретном случае. Кроме того, в разных ситуациях определяющими

оказываются разные «значения», разные стороны одних и тех же объектов. Поэтому в классификации, преследующей непосредственно исследовательские цели, её формальные качества обеспечиваются, в принципе, лишь в той мере, без которой функционирование классификации будет вообще невозможным. Понятно, что это создаёт большие трудности при использовании данной классификации разными исследователями.

А ведь, кроме того, классификация занимает важнейшее место в сфере научного общения и информации. Без описаний комплексов находок, к которым может обратиться любой археолог, археология не может существовать. а описание невозможно без набора определённых понятий, т.е. без классификации. Причём классификация, ориентированная на функционирование в сфере информации, должна в максимальной степени обладать формальными качествами, иначе её использование в этой сфере будет малопродуктивным, а то и бессмысленным.

Конечно, нам хотелось бы, чтобы формальные и содержательные достоинства сочетались в одной-единственной для данного материала классификации. Но это, увы, невозможно. Стремление же достичь недостижимый идеал привело к тому, на что указал Клейн: нет ни удобных определителей, ни обоснованных типологий.

Идея разделения классификаций на служебные и исследовательские направлена на преодоление этого противоречия. здесь стоит, однако, уточнить понятие служебной классификации и её отношение к исследовательской. Что значит первичное упорядочение материала для удобства его изучения, хранения в музейных коллекциях, быстрого розыска понадобившихся объектов, обмена информацией? Всё это нужно нам не само по себе, а для того, чтобы обеспечить возможность изучения материала, в том числе и построение исследовательских классификаций. Служебная классификация музейных коллекций должна позволять быстро и безошибочно находить все единицы хранения, которые могут понадобиться тому или иному учёному для исследований. Практически это значит, что в такой классификации должны быть учтены все независимые свойства имеющихся в коллекции объектов, те свойства, которые так или иначе используются археологами в каких-либо исследованиях.

Разумеется, это невозможно. Как показывает история археологии, с появлением новых методов анализа артефактов и с постановкой новых научных задач в исследованиях оказываются полезными такие свойства артефактов, о которых ранее даже и не подозревали.

Предвидеть это невозможно [ср. Гарден 1983: 108], и, следовательно, даже применение ЭВМ не решает вопрос окончательно. Поэтому реально в служебной классификации должны быть учтены свойства артефактов, наиболее часто используемые в современных археологических исследованиях. Именно для создания служебных классификаций вполне уместен и даже необходим «городцовский» подход к классификации.

Таким образом, служебная классификация, как и исследовательская, направлена на решение исследовательских задач, но на начальных шагах процедуры археологического исследования. Она должна обеспечивать схватывание первоначального минимума информации об исследуемых объектах и отбор самих этих объектов.

Выбор оснований служебной классификации должен осуществляться несколько иначе, нежели исследовательской. Связанность косвенных признаков с целевыми отступает как бы на второй план. Главное в служебной классификации – учесть признаки, наиболее перспективные для исполнения роли косвенных признаков в представимых исследовательских классификациях или позволяющие перейти к ним. Тем более это справедливо для автоматизированных систем хранения и поиска информации, позволяющих быстро переходить к любой классификации по имеющимся в описании признакам. Таким образом, формальные достоинства служебной классификации должны быть всё-таки подчинены, хотя бы в общем и целом, кругу наиболее вероятных исследовательских задач. Разумеется, для выполнения этих требований приходится пользоваться всевозможными косвенными данными и соображениями.

Стоит обратить внимание на то, что объективная необходимость иметь как служебные, так и исследовательские классификации обнаруживает себя в научной практике археологии, несмотря ни на что. Обычно это выражается в том, что классификации, созданные как исследовательские для совершенно определённого материала, широко применяются к другим материалам, не имеющим явных противоречий с первоначальным. Причём применяются как в исследовательских целях, так и в целях описания коллекций. Наиболее ярким примером может служить история со знаменитым методом Ф.Борда [Bordes 1961]. Созданная им для нижнего палеолита Франции типология каменных изделий быстро стала применяться ко всему нижнему палеолиту мира, как для «первичного» описания артефактов в публикациях, так и для выделения археологических культур, путей развития, разновидностей, вариантов и т.п., и их связей друг с дру-

гом. В результате до сих пор трудно решить, насколько относительное единообразие нижнего палеолита мира является реальностью, а насколько следствием применения в основном одной классификации [Kolpakov & Vishniatsky 1989]. В то же время классификация каменных изделий Лапласа [Laplace-Jauretche 1957; 1964] не была принята археологами, хотя в качестве служебной она, насколько можно судить, была бы достаточно удобна. Суть критики классификации Лапласа состояла в том, что она не учитывает целый ряд существующих, по мнению большинства, типов [см. Bordes 1965], т.е. к ней были предъявлены требования как к исследовательской классификации.

По всей видимости, нам уже не обойтись без отдельного построения служебных и исследовательских классификаций, по крайней мере, в некоторых отраслях археологии. Конечно, использование для одного материала даже двух классификаций вместо одной создаст новые трудности. Идти на это имеет смысл только в том случае, если в конечном итоге будут получены и новые научные результаты.

ИСКУССТВЕННАЯ – ЕСТЕСТВЕННАЯ

Проблема искусственных и естественных классификаций во многих науках рассматривается как важнейшая в ряду классификационных проблем. В то же время, в археологии эта проблема обычно формулируется как проблема культурного типа или в аналогичных терминах. Круг вопросов, связанных с этими понятиями, уже рассматривался в третьей главе, а также в этой главе, в связи с противопоставлением классификации и типологии. Поэтому здесь остаётся сделать лишь некоторые дополнения.

Термин «естественная классификация» может употребляться во второстепенном и, может быть, не лучшем значении. В работе И.С.Каменецкого «Искусственные и естественные классификации в археологии» [1978] речь идёт об установлении реально существующих, естественных разграничений в мерных признаках, в противоположность распространённому в археологии приёму, когда такие границы задаются априорно, обычно, по «круглым» числам (рациональный отбор признаков). Например, пластины отличаются от отщепов, в частности, тем, что их длина превышает ширину не менее чем в два раза. Этот приём приводит к грубым ошибкам при формировании типов, и И.С.Каменецкий приводит методику установления реальных границ в мерных признаках. Но классификация, построенная по таким признакам, не является сама по себе естественной, какое бы из имеющихся в науке определений естественной классификации ни

применять. Здесь опять встают вопросы полноты учёта признаков, их отбора, оценки их веса и т.п.

У А.И.Мартынова и Я.А.Шера искусственная классификация является синонимом служебной, естественная – синонимом исследовательской [1989: 112-113].

Интересно отметить также, какое преломление в археологии находит понятие естественной классификации Уэвелла-Любищева, наиболее популярное сейчас среди советских учёных, занимающихся теорией классификации. По определению, «наиболее совершенной системой является такая, где все признаки объекта определяются положением его в системе. чем ближе система стоит к этому идеалу, тем она менее искусственна, и естественной системой следует называть такую, где количество свойств объекта, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальным» [Любищев 1923: 102-103 – цит. по: Мейен, Шрейдер 1976: 78]. Нет сомнений, такие классификации нужны в археологии, но в качестве служебных. Именно в служебных классификациях археологии требуется такая «естественность».

Конечно, это чисто терминологический вопрос, но археологи, стремящиеся найти в материале типы, являвшиеся таковыми для самих древних людей, в принципе не могут признать такую классификацию естественной. Что же в ней естественного, если у создателей и пользователей артефактов её, скорее всего, не существовало?

Наиболее близкие к определению Уэвелла-Любищева идеи приводят другие археологи, когда говорят о создании классификаций, учитывающих собственные, внутренние, косвенные, этнические признаки объектов и т.п., т.е. когда речь идёт о чём-то вроде служебных классификаций. Именно здесь появляется понятие **внутреннего типа** Рауза (см. главу 3), который он называет также **описательным, этным, морфологическим, естественным (!), фенетическим** [Rouse 1972: 300] и т.п. Интересно отметить в этой связи использование Даннелом терминов «этный» и «эмный» в прямо противоположном общепринятому смысле. «Эмные единицы – это те, которые извлекаются из характеристик самого предмета исследования; этнические единицы это те, которые изобретаются археологом и прикладываются к предмету исследования» [Dunnell 1986: 171]. Обычно термин «эмный» употребляли для обозначения глубинных культурных аспектов явления, а «этный» – для поверхностных. Поменяв их местами, Р.Даннел, видимо, рассматривает собственные признаки объекта как более подходящие на роль «глубинных», «естественных» и т.п.

У.Адамс при разделении целей классификации на базовые и инструментальные разъясняет, что базовые – это описательные и сравнительные [Adams 1988: 51]. Бросается в глаза сходство с концепцией базовой классификации в классиологии, в которой базовая классификация основана на выборе, информативно насыщенном относительно такой конечной совокупности переменных, что любые дополнительные переменные, взятые в любом количестве, изменяют взаимное положение элементов универсума на бесконечно малую величину [Кожара 1981], т.е. базовая классификация стремится к относительно полному описанию объектов.

Таким образом, если здесь и можно говорить о «естественности», то в смысле стремления учесть побольше независимых внутренних (собственных) признаков. А что значит «все признаки объекта определяются его положением в системе»? Да ведь это не что иное, как устойчивое сочетание максимума независимых признаков. Конечно, именно это и нужно в служебной классификации.

КЛАССИФИКАЦИИ КЛАССИФИКАЦИЙ

В археологии представлены и другие деления классификаций на виды, т.е. классификации классификаций. Например, у З.А.Львовой **технологическая**, **функциональная** и **контекстная** классификации стеклянных бус [1978]. Часто особо отличают **морфологическую** или **техничко-морфологическую** классификацию. Кроме того, классификации можно различать по их «структуре», «виду» упорядоченности: **иерархические (древовидные)**, в которых есть соподчинение различных уровней, и **неиерархические (линейные)**; **размытые**, в которых классы плавно переходят друг в друга и объект может одновременно принадлежать с разной вероятностью к разным классам, и **дискретные, фасетные** (пример в двумерном пространстве – таблица Менделеева).

Понятно, что классифицировать сами классификации можно также по разным основаниям в зависимости от целей исследователя. Нет необходимости, да и возможности разбирать все допустимые классификации классификаций. «В зависимости от задач исследования выбирается тот или иной вид классификации» [Каменецкий и др. 1975: 46].

Глава 7. ПРОЦЕДУРА КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

Сама процедура создания классификации как определённая последовательность операций, обязательных при любом подходе к классификации, в археологической литературе никогда не рассматривалась подробно. Видимо, в целом она представляется достаточно ясной и по работам разных авторов (например, Clarke 1968; Cullberg 1970; Rouse 1970; Шер 1970; Каменецкий и др. 1975] выглядит следующим образом:

- 1) знакомство с материалом, включающее не только его осмотр, но и знакомство с соответствующей литературой, работу с музейными коллекциями, близкими к изучаемому материалу, и т.п.;
- 2) описание каждого объекта исследуемой совокупности конечным набором признаков;
- 3) выбор оснований классификации: отбор признаков и их сочетаний, взвешивание признаков;
- 4) собственно классифицирование, т.е. распределение исследуемых объектов в группы по основанию классификации;
- 5) использование построенной классификации с целью получения нового знания.

В каждой конкретной классификации эти этапы наполняются конкретным содержанием. Например, агломеративная и распределительная стратегии Дорана и Ходсона (см. главу 5) являются возможными вариантами выполнения четвёртого этапа – собственно классифицирования, а перераспределительная – третьего и четвёртого. Методы математической статистики применяются также на четвёртом этапе и, отчасти, на третьем. Однако кажущаяся простота общей процедуры классифицирования может быть и обманчивой. Поэтому в этой главе рассмотрим более внимательно шаги процедуры классифицирования, которые являются общими и обязательными для всякой классификации, независимо от различия подходов к отдельным аспектам классификации, обсуждавшимся в предыдущих главах.

Классифицирование не может начаться без выбора оснований классификации. Как мы видели в первых главах, этот выбор может базироваться на разных принципах, но в любом случае для его разумного осуществления необходимо знание материала, подлежащего классифицированию. То есть археолог должен иметь некоторое пред-

ставление о том, какими вообще свойствами обладают подлежащие классификации объекты. Каким же образом формируются такие представления и вырабатывается знание свойств объектов?

Узнать, какими свойствами обладает тот или иной объект, нельзя без наблюдения этого объекта в отношениях и во взаимодействии с другими объектами. (Для археологов последнее сводится, в основном, к естественнонаучным анализам и методам экспериментальной археологии). Поскольку всякий объект обладает неисчерпаемым количеством свойств, заведомо ясно, что опознаваться должны не все свойства изучаемых объектов, а прежде всего те, которые вообще могут быть наиболее полезны в достижении обозримых целей. Выяснить это можно либо вводя объекты в интересующие нас ситуации, в которых проявятся релевантные свойства, либо сравнивая менее изученные объекты с более изученными и выявляя повторяющиеся и неповторяющиеся свойства и их взаимосвязи. Понятно, что в археологии, как и во всех науках о прошлом, второй путь занимает особое место.

Однако откуда берутся «более изученные объекты»? «Большая изученность» должна сводиться в конечном итоге к опыту. Мы должны признать, что здесь важную роль играет обычный бытовой опыт исследователя, являющийся в то же время конкретным проявлением общественно-исторического опыта человечества. Какие свойства древнего ножа являются существенными или могут оказаться таковыми, археолог может предположительно заключить, в частности, из своего знания ножей современной ему культуры. Но, разумеется, для науки бытового опыта совершенно не достаточно.

С развитием науки в ней всё большее место занимает специальный научный опыт. Разделение ножей на ножи с прямой и горбатой спинкой вряд ли может показаться существенным, исходя из бытового опыта. Однако научный опыт показывает, что форма обушной части ножа, весьма вероятно, может оказаться хронологическим и культурно значимым признаком. Поэтому проявления этого признака на каждом конкретном ноже будут фиксироваться археологом.

В то же время, если бы свойства объектов опознавались только так, как это описано выше, археологи были бы обречены работать почти исключительно с теми свойствами артефактов, которые уже известны. Но существует и другой способ опознавания свойств объектов: через сравнение их между собой, без привлечения уже изученных объектов. Каждый объект можно представить в различных системах свойств. Сравнивая различные объекты и различные их пред-

ставления как систем свойств, археолог получает возможность устанавливать повторяемость и совстречаемость тех или иных свойств. Тогда становится возможным выбирать такие членения объектов и на такие свойства, которые дают наибольшую повторяемость и совстречаемость, а также такие, которые обнаруживают корреляции с явлениями, представляющими интерес для археолога [ср. Hodder 1986: 135-138]. Сам факт устойчивости каких-либо свойств и их сочетаний говорит в пользу того, что за этим стоит общая причина, хотя эта причина совсем не обязательно будет интересна с точки зрения археологии.

Теперь обратим внимание на то, что членение каждого конкретного объекта на свойства (как конкреты) неотделимо от поиска повторяющихся свойств и, таким образом, неотделимо от формирования признаков (как абстрактов). Заключение о том, что некоторое свойство одного объекта является таким же, как некоторое свойство другого объекта, есть уже формирование абстракта – признака. А признание того, что объекты обладают одинаковыми свойствами – имеют общий признак – есть не что иное, как классификация этих объектов по данному признаку.

Получается, что уже выявление свойств объектов, формирование признаков и частично их отбор осуществляются в процессе и в результате классифицирования. С самого начала процедуры производится группирование и перегруппировывание материала по разным и по-разному сформированным признакам и их сочетаниям и сравнение получаемых классификаций между собой. Причём всё это происходит уже при первом знакомстве с материалом, происходит имплицитно, «в уме», в значительной мере на подсознательном уровне. В результате этой работы и фиксируется эксплицитно тот набор признаков, из которого затем будут выбраны основания классификации.

«Исходный результат работы органов чувств всех высших организмов состоит в выделении признаков, т.е. в извлечении из множества различных сенсорных впечатлений определённых фигуративных, цветовых, обонятельных и других характеристик. Это делает возможным селективное, выборочное соединение этих признаков в памяти. Но если из множества воспринимаемых признаков конкретного предмета некоторые выделяются и фиксируются в памяти, а другие опускаются, то обнаруживается большое число вещей, которые могут быть носителями таких признаков... В памяти имеется некоторое фиксированное сочетание признаков, на основе которого возможна когнитивная классификация. Такие объединения признаков

в памяти, безусловно, представляют собой понятия...» [Кликс 1983: 157-158].

Очевидно, что на этот процесс оказывает заметное влияние относительная доступность признаков. Чем проще и доступнее свойства объектов, тем легче они выделяются и, следовательно, имеют больше шансов быть зафиксированными, попасть в описание и принять дальнейшее участие в классифицировании. Для того чтобы различить каменные орудия с выпуклым и вогнутым рабочими краями, достаточно беглого взгляда. Но для того, чтобы распознать ударную и отжимную ретушь, которыми оформлены эти края, потребуются внимательное исследование. Вследствие этого происходит как бы смещение в сторону преимущественного выявления и использования относительно простых и доступных признаков, обусловленное именно их простотой и доступностью. «Нет ни одного свойства предметов, которого нельзя было бы, если угодно, принять за основание для классификации или умственной группировки этих предметов, и в наших первых попытках мы всего скорее выберем для этой цели свойства простые, легко представимые и заметные с первого взгляда, без особого размышления» [Милль 1914: 644-645].

Наконец, несомненное влияние на процесс опознания свойств и выявления признаков оказывают индивидуальные качества исследователя, связанные с особенностями восприятия.

Таким образом, уже самый первый этап классификационной процедуры – выявление свойств и формирование признаков – достаточно сложен и сам включает в себя множество «пробных» классификаций.

Впрочем, процесс классифицирования может оставаться таким – имплицитным, подсознательным, «интуитивным» – до самого своего окончания, до получения готовой классификации. Собственно говоря, классифицирование всегда именно так и производилось (а в большинстве случаев производится и сейчас), до тех пор, пока археологи не начали задумываться над сутью классификационных процедур и пытаться сознательно их улучшить. Долгое время казалось (а многим и сейчас так кажется), что описываемые археологами типы сами собой разумеются и никаких проблем здесь нет. Типы существуют в материале, и задача археолога – увидеть их. Естественно, что для этого не нужны какие-то методы и специальные процедуры, а нужен «типологический глаз» [Bordes 1972: 141].

Желание же улучшить классификации привело к тому, что часть классификационных процедур стала выполняться эксплицитно,

осознанно. Само по себе это не улучшает и не ухудшает классификации. Это всего лишь открывает путь к оптимизации процедуры классифицирования и управлению ею в целях создания классификаций с заданными свойствами. К рассмотрению этого пути теперь и обратимся.

В результате первого этапа процедуры, представленного, насколько это возможно, выше, каждый объект фактически получает описание, состоящее из конечного набора признаков [ср. Гудим-Левкович 1987: 53-54]. Причём каждая категория артефактов описывается по одной схеме, признаками, взятыми из одного общего для них набора признаков. Неважно, зафиксировано документально описание всех объектов или нет – письменного или графического описания здесь может и не быть, но фактически оно уже существует в сознании исследователя. Главное здесь то, что, с чего бы мы ни начинали эксплицитные этапы процедуры классифицирования, им неизбежно будет предшествовать этап имплицитного опознания свойств и формирования признаков. Одним словом, классификация всегда начинается с классификации.

Из сказанного должно быть ясно, что всякое описание является результатом классификации (о прямых и обратных связях между описанием и классификацией см. Каменецкий, Маршак, Шер 1975: 46). В схеме археологического исследования У.Тэйлора «описание следует за анализом и интерпретацией (анализ и интерпретация включают у Тэйлора эмпирическую и культурную классификации – Е.К.), потому что определение признаков, которые считаются достаточно важными для описания, зависит от этих двух предшествующих шагов. Невозможно полностью и "объективно" описать даже простейший объект» [Taylor 1948: 170]. С другой стороны этот вывод подкрепляется тем, что все понятия нашего языка являются по своей сути классификационными, поскольку обозначают классы явлений, сходных по какому-либо основанию [ср. Мартынов, Шер 1989: 112]. При этом само описание не является классификацией. В нём представлены признаки, собранные в результате классификаций, но объекты не сгруппированы по ним в единую классификацию. По Клейну, «аналитическая группировка проводит категоризацию материала, упорядочивает ресурсы для описания и подготавливает таксономическую группировку» [1979: 51].

Целенаправленные и осознанные методические приёмы могут применяться уже для уточнения, и существенного, выделенных признаков. Например, выявление естественных границ мерных призна-

ков есть один из таких приёмов. Можно пользоваться общепринятым разделением на пластины и отщепы по признаку двукратного превышения длины скола над его шириной, а можно с помощью элементарной статистики выявить статистически значимые границы по этому признаку или их отсутствие в данном материале.

Нельзя не отметить также, что сама профессиональная подготовка археолога есть, в частности, не что иное, как способ оказать целенаправленное научно обоснованное влияние и на подсознательные моменты процесса исследования.

Итак, после первого этапа процедуры имеется набор признаков и «описания» исследуемых объектов в рамках этого набора. Следующий шаг – отбор признаков, выбор оснований классификации. Для того чтобы его разумно осуществить, нужно, исходя из научной проблемы и имеющихся знаний об исследуемых объектах, обозначить конкретные задачи классификации – целевые основания (см. главу 2). Затем нужно найти косвенные признаки, достаточно устойчиво совстречающиеся с целевыми признаками, но, в то же время, и реально доступные для фиксации.

Предположим, нас интересует хронологическая классификация железных боевых топоров некоторого региона. Есть несколько топоров, найденных в погребениях вместе с монетами, и есть ряд топоров, обнаруженных в слоях стратифицированных поселений. Таким образом, для некоторых топоров имеются абсолютные даты и для некоторых – относительная хронология. В этой ситуации необходимо выявить сходства и различия одновременных и разновременных топоров, найденных с монетами и в стратифицированных комплексах. А затем по выявленным хронологическим признакам построить классификацию, в которой каждый класс (тип топора) будет иметь свою датировку. Например, мы знаем, что такой признак как различные формы проушин не имеет упорядоченного распределения по слоям стратифицированных памятников. Стало быть, этот признак в этой классификации нам не нужен. Две щековицы снизу встречаются на топорах из поздних слоёв, а щековицы сверху и снизу – в самых поздних. Вот этот признак (наличие или отсутствие щековиц и их расположение) и следует использовать в хронологической классификации топоров.

Наконец, этап взвешивания признаков. Для того чтобы оценить вес признаков, необходимо опять же обладать знанием материала и соответствующей научной проблематики, кроме случаев формального определения веса признаков, как, например, по частоте

встречаемости или информативности. Если же это знание не позволяет сделать выводы о весе тех или иных признаков, то единственный путь лежит через испытание этих признаков в классификации. Например, при иерархической классификации каменных боевых топоров нужно решить, по какому признаку производить деление на первом шаге, а по какому – на втором: по плану топора или по его профилю. Это можно сделать выполнив и сравнив оба варианта классификации. Критерием выбора может служить либо наилучшее распределение других признаков в том или ином варианте (дающее наиболее чёткие границы классов и наименьшее количество исключений), либо уже плодотворность применения законченной классификации.

После всех этих процедур наступает этап собственно классифицирования – распределения материала в группы на основании отобранных признаков и с учётом их веса. Впрочем, ещё может существовать этап выбора способа классифицирования и вида классификации. Скажем, из множества математических методов классифицирования нужно выбрать подходящий с точки зрения специфики классифицируемого материала, задач классификации, а нередко, и с точки зрения материально-технического обеспечения (ЭВМ).

В процедуре классифицирования следует обратить внимание на ряд принципиальных моментов. Во-первых, для осуществления классифицирования необходимо знание классифицируемых объектов уже на начальном этапе процедуры. Характерно, что К.Кульберг, помещающий на второй этап процедуры классифицирования объективное описание признаков, на первый всё же ставит изучение литературы, архивов и т.п. [Cullberg 1970: 71]. Разумеется, исследуемый материал может быть совершенно незнакомым, но тогда большее значение в процедуре приобретает бытовой опыт и научный опыт работы с объектами, слишком удалёнными от исследуемых. Классификация всегда является продуктом имеющегося знания о классифицируемых объектах, но она же служит инструментом для приобретения нового знания, связанного с этими объектами.

Во-вторых, разделение классификационной процедуры на последовательные этапы весьма условно. В реальности они переплетены между собой в любом порядке и сочетаниях. Внутри каждого этапа процедуры содержатся все остальные этапы, ведь уже при первом знакомстве с материалом начинается его группирование и перегруппировывание, пусть это делается даже подсознательно. В то же время, после завершения классификации, как правило, возникает необ-

ходимость её корректировки и обращения, в связи с этим, к каким-то аспектам самого начала процедуры [ср. Шер 1970: 10] (рис. 8).

Таким образом, получается, что сами классификационные процедуры почти от начала и до окончания классифицирования примерно одни и те же. Движение (как бы по спирали) заключается, главным образом, в постоянном углублении классификации: в выделении и использовании всё более адекватных материалу и задачам исследования признаков и их сочетаний, всё более подходящих в данном случае методов классифицирования, в постепенном переходе от абсолютной имплицитности классификации к всё более полному её эксплицитированию. Причём внешне все эти сложности могут выглядеть как простое раскладывание и перекладывание артефактов какой-нибудь коллекции по группам (как в стратегиях Дорана и Ходсона).

В-третьих, в большинстве случаев невозможно производить различные шаги процедуры по много раз из-за объёма исследуемого материала. Коллекцию из нескольких тысяч или десятков тысяч каменных изделий или черепков практически нереально перегруппировать даже два-три раза. Поэтому та бесконечная круговерть классификационной процедуры, которая описана выше, производится, как правило, не на всей классифицируемой совокупности, а на выборках из неё, позволяющих свободно манипулировать признаками и объектами. Сейчас такие выборки формируются стихийно и имплицитно. Но создать представительную выборку до выделения в материале признаков всё равно невозможно. Поэтому практический выход сводится к переходу от одной выборки к другой и сравнению результатов «текущих», «пробных» классификаций по каждой выборке друг с другом. Таким образом происходит выработка классификации, которая отражает весь исследуемый материал. Разумеется, после того, как материал будет уже достаточно изучен в процессе классифицирования, выборки можно и нужно осуществлять целенаправленно с тем, чтобы они адекватно отражали всю генеральную совокупность.

После того, как классифицирование закончено, начинается работа с расклассифицированным материалом, которая в археологии состоит, главным образом, в построении типологических рядов (типологический метод Монтелиуса и сериация), картографировании и в культурно-исторической интерпретации материала на основе полученных типов (классов). «Никакая классификация.., никакая статистико-типологическая схема не может с точки зрения археологии считаться результативной, если нет содержательной теории, которая

бы объяснила, какие факторы общественного развития и как определили поведение признаков и их совокупностей, типов, объектов и комплексов...» [Каменецкий и др. 1975: 81]. Интерпретация классификации осуществляется на основе имеющихся знаний неклассификационного характера о расклассифицированных объектах и обеспечивается опорой на содержательные критерии при формировании и отборе признаков, их взвешивании, выборе вида классификации и метода классифицирования.

Правда, интерпретация вовсе не состоит в указании «факторов общественного развития, определяющих поведение признаков, типов» и т.п. Причины, вызывающие изменения вещей или их стабильное сходство по ряду признаков на ограниченной территории и в ограниченном отрезке времени, нередко весьма тривиальны. Археологическая классификация служит неперменным компонентом и более глубоких выводов об историческом прошлом. Рассматривая распределение полученных типов по комплексам, динамику его изменения, хронологические и территориальные изменения в распространённости типов и т.п., археолог получает данные о социальной дифференциации, культурных и политических связях разных групп населения, системах хозяйства и т.д.

На первый взгляд может показаться, что описанный процесс классифицирования слишком субъективен. В то время как сложившиеся представления о классификации требуют стремиться к объективности. Однако объективность бывает разной. Одно дело, когда мы устанавливаем объективно существующие границы по тем или иным признакам (как в естественной классификации Каменецкого), другое дело, когда мы придаём всем признакам заведомо равный вес (как у Кларка) или базируемся на якобы всех признаках, которыми может быть описан артефакт (как это происходит в нумерической таксономии по мнению Кульберга [Cullberg 1970: 56]). В первом случае мы действительно обеспечиваем объективность, во втором – выгоняя субъективность через двери, впускаем её через окно.

Как следует из относительности сходства-различия и приведённого разбора общей процедуры классифицирования, не может быть некоего беспристрастного и абсолютно объективного выделения свойств, формирования и отбора признаков, их взвешивания. В то же время, именно субъективность археолога в процессе классифицирования обеспечивает в конечном итоге саму возможность культурно-исторической интерпретации классификационных построений. Тогда методологическая проблема состоит в том, чтобы направить

субъективность исследователя в русло создания классификации, максимально отвечающей заданным целям. Заметим, что циклический или спиралеобразный характер самой классификационной процедуры направлен именно на это. Следовательно, основной путь решения данной проблемы, по всей видимости, состоит в том, чтобы сознательно, эксплицитно проходить завершающие витки классифицирования, применяя на них всевозможные конкретные приёмы контроля над выполняемыми операциями.

Например, в любой коллекции горшков археолог, не задумываясь, сразу же отметит такую пару признаков, как прямой и отогнутый венчик. Однако в конкретных случаях можно проверить, нужны ли эти признаки в конкретных классификациях. Если на пробных выборках видно, что они никак не связаны с хронологией, территориальным распространением, не коррелируют с другими независимыми признаками и с типами других категорий артефактов и т.п., то их следует либо вовсе исключить из классификации, либо придать им малый вес. (пример корректировки классификации с помощью ряда математических методов см. Белецкий, Лесман 1982).

В заключение главы стоит сказать несколько слов о процедуре идентификации – применении имеющейся классификации к вновь открытым материалам, аналогичным уже имеющимся. Распределить новый материал по ячейкам готовой классификации в общем-то не сложно. Но, как уже отмечалось, проблема заключается в том, чтобы определить, насколько классификация, построенная на одном материале, адекватна новому материалу, т.к. применение к материалу неадекватной классификации может существенно исказить научные представления о нём и привести к ложной интерпретации (см. главу 5). Требуется проверка нового материала на адекватность имеющейся классификации. Такой проверкой может быть только классификация нового материала и сравнение её с уже имеющейся. Но проводить классифицирование всего материала ради проверки нерационально, а часто и невозможно. Зато имеет смысл проделать это на представительных выборках из него (настолько, насколько их представительность можно определить). Разумеется, проверочная классификация таких выборок должна быть направлена на те же цели, что и имеющаяся. Если «пробная» классификация в достаточной степени совпадает с имеющейся, то приложение старой классификации к новому материалу обосновано. Если же нет, то необходима новая классификация.

Достаточность совпадения или близости обеих классификаций определяется, прежде всего, исходя из целей классифицирования данного материала и его специфики. Но дело в том, что требуется сохранение некоего баланса между старыми и новыми классификациями, между широтой охвата материала одной классификацией и точностью отражения в ней специфики разнообразных коллекций артефактов.

Чем больший объём материала охватывается одной-единственной классификацией, тем удобнее с ним работать. Но чем разнообразнее материал, укладываемый в эту классификацию, тем больше он усредняется, тем больше стираются или вообще не учитываются его специфические особенности – и тем меньше культурно-исторической информации удастся из него извлечь в конечном итоге. Поэтому археолог вынужден искать оптимальное соотношение преимуществ и недостатков единой классификации всего материала и «партикулярных» классификаций, создаваемых для более мелких массивов этого материала. При этом следует понимать, что очевидность того или иного решения состоит в том, что все необходимые для него операции протекают на подсознательном уровне без каких-либо затруднений. Именно для решения этой проблемы и предлагается создавать отдельные служебные и исследовательские классификации (см. главу 6).

Заключение.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ

В заключение попробуем сформулировать основные теоретические положения работы с несколько иной точки зрения и в более общем виде.

1.1. Начнём с выяснения сути классификации, с того, как в принципе работает любая классификация в любой области. Возьмём пример удачной классификации – систему Менделеева, выдвигаемую в классиологии на роль эталонной классификации. Как она работает? Каждый её таксон любого порядка очень жёстко задаёт массу различных характеристик для входящих в него объектов. Причём существует много сравнительно простых и доступных способов и различных ключевых (диагностических) признаков для включения объектов в определённый таксон. Именно за счёт этого система Менделеева и выполняет свои функции. (Лишь её прогностическая функция обеспечивается не только этим).

Отсюда можно сделать вывод, что суть механизма работы классификации сводится к **корреляции оснований** классификации. Имеется в виду, что по наличию на объекте одних свойств можно сделать заключение о наличии на нём и ряда других свойств. Можно показать, что все классификации работают по тому же принципу, что и система Менделеева (если только они вообще работают), но жёсткость корреляции оснований в них слабее.

Археолог, определив тип древнего объекта, обычно может его датировать и указать район его происхождения. В ряде случаев может указать его функцию, этническую принадлежность его изготовителя, социальное положение и пол владельца этого объекта и т.п. Этому предшествует огромная и сложная работа по установлению необходимых корреляций и построению типологии. Ошибки здесь неизбежны из-за слабости корреляции оснований и внутренней неоднородности классов, но без этой «ненадёжной» типологии мы знали бы о древности значительно меньше и наше знание было бы ещё более приблизительным.

1.2. Конечно, можно построить классификацию только по одному признаку, но она будет совершенно бесполезна, если выделенные классы не будут коррелировать с какими-либо явлениями. На-

пример, можно расклассифицировать людей по штанам, которые они носят. Но нужна ли кому-нибудь такая классификация? Что ещё определённого она может сказать о людях, особенно в пределах современной культуры? А вот во Франции XVIII века это был существенный внешний признак: штаны аристократов (кюлоты) резко отличались от штанов простолюдинов (отсюда санкюлоты). И во время Великой французской революции легко было поплатиться головой за обладание одним лишь этим признаком. Тогда классификация по штанам была значима, поскольку существовала сильная корреляция между покроем штанов и сословной принадлежностью.

На первый взгляд, корреляции оснований нет в описательных классификациях, «в которых лишь констатируется факт существования данных классов исследуемого объекта» [Розова 1964: 70; 1986: 51-53]. Однако в таком случае нет и классификационной проблемы. Проблема возникает лишь тогда, когда эту классификацию начинают прилагать к решению каких-либо задач, когда классификация начинает функционировать. И тогда мы неизбежно возвращаемся к корреляции оснований.

1.3. Основания, которые служат определителями, будем называть **косвенными**, а определяемые основания – **целевыми**. В приведённом примере покрой штанов является косвенным основанием, а сословная принадлежность – целевым. В одних классификациях косвенные и целевые основания могут меняться местами, как в системе элементов Менделеева, в других классификациях смена ролей оснований невозможна или бессмысленна и практически не нужна, как в генетических классификациях биологии, почвоведения, геологии, археологических классификациях и т.п.

2.1. Проблема заключается в том, что **правило единства основания соблюдается только по отношению к целевым основаниям, а для косвенных его выполнение необязательно**. Крайним пределом здесь является случай, когда все члены класса, будучи включены в него по целевому основанию, не имеют ни одного общего косвенного признака. Понятно, что в подобных случаях классификация не имеет практического смысла.

Нормальной является ситуация, когда члены одного класса (по целевому основанию) имеют ряд общих косвенных признаков и не разделяют ряд других – сходны по одним признакам и различны по другим. При этом действительное наличие целевых оснований лишь

предполагается или определено только для некоторых членов класса. Задача заключается в том, чтобы определить наличие целевых оснований для всех членов класса, пользуясь при этом лишь косвенными основаниями.

Эта ситуация хорошо знакома каждому не только в науке, но и в повседневной жизни. При обыкновенной покупке арбузов каждый покупатель фактически классифицирует их по степени зрелости и вкусовым качествам – целевым основаниям, пользуясь при этом исключительно косвенными признаками: цветовыми оттенками, удельным весом, звуком при простукивании и т.п. Довольно относительные корреляции между всеми этими признаками известны из предшествующего опыта.

Похожим образом осуществляется типологическое датирование вещей в археологии. Независимыми методами датированы только отдельные вещи, остальные датируются по сходству с этими первыми. То есть из тысяч горшков одного типа могут быть строго датированы всего несколько, и тогда всем горшкам этого типа приписывается та же датировка. Обосновывается такая операция как современными представлениями о том, что в определённые периоды изготавливались вещи определённых типов, так и рядом случаев в истории науки, в которых стала возможной независимая проверка таких датировок.

Уже в приведённых примерах отчётливо видно слабейшее звено классификационного метода. Поскольку вывод о наличии на объектах целевых оснований делается вследствие наличия на них косвенных оснований, постольку в классификации основная тяжесть падает на умозаключение по аналогии со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Главное состоит в том, что умозаключение по аналогии носит правдоподобный характер и является вероятностным, несмотря на все приёмы повышения его достоверности. Соответственно, **выводы, получаемые с помощью классификаций, в строгом смысле, имеют вероятностный характер.** В то же время, классификация, как метод установления систематических корреляций косвенных и целевых признаков, как метод установления и использования эмпирических закономерностей, является сильнейшим средством повышения вероятности выводов, непосредственно вытекающих из неё.

Здесь следует отметить, что полученные с помощью классификаций выводы обычно включаются в более широкую научную картину и получают обоснование или опровержение именно в её рамках.

2.2. Однако слабость классификации заключена не только в этом, но также и в проблеме оценки сходства косвенных оснований, ведь абсолютно одинаковых объектов или признаков не бывает. Какие косвенные основания (свойства, объекты) можно считать достаточно сходными, одними и теми же, а какие нет? Поскольку сходство всегда относительно, необходимо определить критерий, «точку отсчёта» для его оценки. В абстрактном идеале достаточно сходными можно считать те косвенные основания, с которыми коррелируют одни и те же целевые основания. Но как раз наличие целевых оснований требуется определить по наличию косвенных! Поэтому приходится определять степень сходства пользуясь различными косвенными критериями.

Оценка степени сходства производится исходя из знания о том, как это делалось в других классификациях, оказавшихся практичными, о том, что оказалось перспективным в близких случаях, какие признаки и какая степень их сходства значимы или могут быть значимы в данном круге проблем, из теории или теорий исследуемых объектов и т.д. и т.п. Конечно, здесь играют роль и уже имеющиеся знания о классифицируемых объектах и сходных с ними других объектах. Можно сказать, что степень сходства оценивается исходя из общей ситуации в группе смежных наук, а это значит, что именно здесь большую роль играет научный опыт и эрудиция классифицирующего, и, конечно, находит своё место интуиция. Вполне естественно поэтому, что в таком случае какой-то процент ошибок просто неизбежен и его невозможно предусмотреть.

2.3. Положение о том, что объект по сути принадлежит к некоему классу по целевому основанию, а практически включается в него по сходству косвенных оснований, приводит к следующему заключению: **полное определение любого таксона в классификации практически невозможно.** Как бы бесконечно полно мы ни определяли какой-либо таксон, всегда могут найтись объекты, входящие в него по целевому основанию, но отличающиеся от определения таксона по своим косвенным основаниям. В ряде случаев невозможности полного определения таксона способствуют и другие факторы. Скажем, не часто можно абсолютно точно определить условия задач, для которых предназначается классификация, а это приводит к расплывчатости критериев необходимости и достаточности определенных классов.

В результате, идентификация объекта с таксоном (диагностирование) превращается в нетривиальную задачу. Её решение требует подчас научного искусства и творчества, несмотря на кажущуюся простоту. Другое дело, что в ряде случаев можно обойтись без точного определения границ таксонов и не охватывать классификацией всю совокупность классифицируемых объектов.

3.1. Таким образом, в научной практике классификация вовсе не сводится логически к делению объёма понятия и вовсе не состоит в том, чтобы сгруппировать материал по сходству и различию наиболее последовательно и чётко. **Научная классификация – это такое распределение объектов в группы на основе доступных сходств и различий, чтобы с этими группами коррелировали определённые, интересующие субъекта явления (т.е. осуществлялась корреляция косвенных и целевых оснований).**

В самом деле, в подавляющем большинстве классификаций мы стремимся не просто к некоему логически правильному, полному, стройному и т.п. распределению материала. Нет, мы стремимся к такому распределению, чтобы каждому классу, каждому таксономическому уровню соответствовала интересующая нас дополнительная информация. Определив место в классификации химического элемента, организма, минерала, стратиграфического разреза, артефакта и т.п., мы «автоматически» из классификации получаем о них массу сведений, которые зачастую определить прямыми исследованиями слишком трудно или невозможно. «Было бы бесполезно помещать предмет в класс, если бы от этого не получалось ничего больше, кроме простого факта нахождения предмета в классе» [Джевонс 1881: 629].

Не случайно поэтому во многих научных классификациях нарушаются все правила деления объёма понятия, кроме требования единства основания, и эти классификации нормально работают. В действительности часто допускается частичное перекрывание таксонов (классов, типов и т.п.) и деление не всего объёма, хотя мы и стараемся этого избежать. Это допустимо потому, что нередко для достижения поставленных целей оказывается приемлемым установить корреляции оснований только в ядрах классов и не для всей генеральной совокупности.

Иногда возникает впечатление, что в некоторых классификациях дело доходит до нарушения правила единства основания. Такие классификации обычно стараются особо обозначить: типология, ти-

пологическая классификация и т.п. Они сложны, нелогичны, непонятно, как они построены, но как раз они-то и работают в наиболее сложных случаях и на наиболее сложных объектах. Несомненно, в этих классификациях соблюдается единство целевых оснований, а вот косвенные основания слишком разнообразны и хаотичны: во всяком случае, без хорошего знания целевых оснований таких классификаций трудно понять их логику определения и оценки сходства-различия косвенных оснований.

3.2. Из всего сказанного ясно, что **научная классификация имеет смысл только в том случае, если между её косвенными и целевыми основаниями существует такая корреляция, чтобы по одним основаниям можно было с достаточной точностью определять другие.** Это заставляет пересмотреть наиболее распространённые представления о методике классифицирования. Мы уже привыкли считать, что в начале классифицирования нельзя применять информацию, хотя бы гипотетическую, из конечных шагов процедуры или результата. Всячески рекомендуется соблюдать чистоту процедуры и делать всё строго по порядку: объективная регистрация свойств, определение наиболее устойчивых их сочетаний и в соответствии с этим распределение материала в группы по степени сходства. Между тем, следует производить классифицирование почти совершенно наоборот. С самого начала необходимо выбирать такие косвенные основания для классификации, которые дадут или могут дать достаточную корреляцию с интересующими нас явлениями – целевыми основаниями. Какие-либо сведения об этом, хотя бы в качестве предположений, как правило, есть. Совершенно ясно также, что выбор метода классифицирования и вида классификации должен осуществляться исходя из требований наилучшего обеспечения необходимых нам корреляций и удобства работы с классификацией.

4.1. Рассмотрим с этой точки зрения несколько основных вариантов состояния исходных данных для классификации.

Простейший вариант, когда в результате предшествующих исследований или обыденного опыта есть сведения о том, с чем коррелируют интересующие нас явления – целевые основания. ясно, что в этом случае в первую очередь следует брать в качестве косвенных оснований именно эти корреляты. Это оптимальный путь к построению удовлетворительной классификации.

Например, нужно расклассифицировать набор горшков так, чтобы выделенные классы соответствовали их функциональному назначению. Допустим, мы точно знаем, что закопчёная, толстостенная, грубая, неорнаментированная керамика использовалась для приготовления пищи; тонкая, расписная или орнаментированная керамика использовалась как столовая; толстостенная, с округлым дном и большая по объёму использовалась для хранения воды и т.д. Очевидно, классифицировать горшки нашего набора нужно по этим признакам и тогда мы получим классификацию, удовлетворяющую поставленной задаче, – функциональную классификацию керамики, хотя мы не видели использования ни одного горшка.

4.2. Второй вариант, когда есть такое знание об интересующих нас объектах и явлениях, из которого можно сделать обоснованные предположения относительно корреляции оснований, необходимых для наших целей. В таком случае имеет смысл начать с создания классификаций, возможно, нескольких (на выборках из генеральной совокупности), с косвенными основаниями, которые более или менее гипотетично коррелируют с искомыми целевыми основаниями. Конечно, при этом процедура намного сложнее и шансы получить нужную удовлетворительную классификацию, в среднем, ниже, чем в первом варианте, но, тем не менее, это единственный рациональный подход.

Возьмём европейские мечи раннего средневековья. Какие признаки наиболее существенны для их классификации? С точки зрения производства мечей наверняка очень важны химический состав и технология изготовления клинка. С функциональной точки зрения важна морфология клинка и форма рукояти. Но имеют ли эти признаки значение для характеристики владельцев этих мечей? Из письменных источников известно, что меч выступал не только как оружие, но и как знак определённого социального положения, как материальное воплощение удачи своего владельца и т.п. Можно думать, что это должно было найти отражение в облике меча. Если учесть, что меч носился в ножнах, то логично предположить, что наиболее выразительной и значимой частью меча был эфес. Следовательно, в основу классификации мечей (нетехнологической и нефункциональной) перспективно положить именно те признаки, которые описывают эфес.

4.3. Наконец, рассмотрим наиболее неприятный вариант, когда целевые основания определены, а подходящие косвенные основания не обнаружены, необходимые корреляции не выявлены. Что делать? Отложить создание классификации и заняться поиском косвенных оснований, поскольку знание о материале не достаточно для его классификации. Исходя из имеющегося знания о классифицируемых объектах и уже определённых целевых оснований, желательно выделить наиболее перспективные направления исследований, обещающие открытие необходимых корреляций.

Даже тогда, когда интересующие нас корреляции известны, это вовсе не гарантирует успешное построение классификации на их основе. Они могут оказаться неудовлетворительными для наших целей и придётся искать другие. Кроме того, в тех случаях, когда всё в классификации удовлетворительно, вполне законна задача создания ещё более «хорошей» классификации. Тогда вновь возникает необходимость найти соответствующие косвенные основания. Таким образом, поиск косвенных оснований, информативных относительно целевых оснований, обязателен почти всегда, но во всех случаях он должен исходить из заранее определённых целей будущей классификации и соответствующих целевых оснований.

Наконец, можно попытаться доказать, что для выдвинутых целевых оснований классификации данной совокупности объектов не существует и не может существовать косвенных оснований, удовлетворительных для данных условий и задач, – и задача не решается классификационными методами.

4.4. Кроме того, встречается вариант, когда никаких предположений о самих целевых основаниях не возникло. Не известно, на получение какой новой информации из имеющегося материала можно рассчитывать. Тогда классификация строится по корреляции каким-либо образом отобранных косвенных признаков, а затем к ней стараются подобрать подходящие целевые основания. То есть, если оказывается, что ряд независимых признаков относительно устойчиво встречается, то принято считать это неслучайным. Подразумевается, что корреляция самих косвенных оснований должна свидетельствовать о наличии связанных с ними целевых оснований, как в латентно-структурном анализе.

5. Выявить корреляции различных признаков невозможно не классифицируя материал по этим признакам. Однако классифициро-

вать весь материал множество раз нерационально, а часто, и невозможно. Но возможно использовать для этого «пробные» классификации, выполненные на выборках из генеральной совокупности. Кроме того, уже само расчленение объектов на свойства и формирование признаков не может происходить без таких «пробных» классификаций, и, таким образом, одни и те же шаги процедуры классифицирования могут повторяться много раз, а каждый шаг процедуры может содержать в себе все остальные. Движение в процедуре классифицирования (как бы по спирали) заключается, главным образом, в постоянном углублении классификации: в выделении и использовании всё более и более адекватных материалу и задачам исследования признаков и их сочетаний, всё более подходящих в данном случае методов классифицирования, в постепенном переходе от абсолютной имплицитности классификации к всё более полному её эксплицированию.

Summary

A Theory of Archaeological Classification

1. SIMILARITY. However one defines classification, or typology, but, in any case, distribution of objects into groups according to their similarity lies in the basis of classification. The consideration of any classification problem depends on the definition of the conception of similarity. Analysis of concrete situations leads to the conclusion that similarity is interchangeability of objects in some situation (from specific point of view) and, therefore, it is always relative. And the main point is the urgency to determine such interchangeability without its empirical verification. For its determination one has to regard objects as systems of properties and choose some of them, which are essential/relevant in a given situation, so that their interchangeability in this situation may become obvious or easily proved. Even if all properties of an object are considered (that is impossible), different ones become essential in different situations. Hence, an essentiality of properties, in essence, is reduced here so that their interchangeability determines interchangeability of objects on the whole in the given situation.

Relevance of properties is determined on the basis of our knowledge about objects and properties under consideration. Therefore some subjectivity and misunderstanding are inevitable here.

Sometimes, it is impossible to divide an object into properties so that their interchangeability becomes obvious. And, certainly, the interchangeability of individual properties not always leads to the interchangeability of objects in general. All this causes nontriviality of the tasks on determination of similarity of concrete objects.

It is clear that determination of similarity without using experiment is the conclusion according to analogy. And classification is a strong way to increase the probability of such conclusions. Because classification is a method to reveal empirical regularity in objects similarity.

The possibility to ascertain the interchangeability of objects in some situation through the interchangeability of their particular properties permits to execute a reverse procedure. If some objects have interchangeable properties, they may be interchangeable themselves in some situation, though we do not know yet this situation.

It is possible to find similarity from one point of view and difference from another between any two objects or a pair of properties. This is not a problem. But the problem is to reveal those properties of objects which must be taken into account in the given situation to resolve our

tasks in the end. Moreover, the situation of comparison (point of view) is established by individual, that is determined in science by the task of investigation.

2. ATTRIBUTES. For comparison and classification objects are dismembered in some elements. The most popular terms to indicate these ones are property and attribute. It is possible to define this conception as any feature, any character, any state, measuring and so on, which may be observed - everything that may be described and fixed in concrete object or phenomenon, or with regard to them.

It is necessary to distinguish two notions of property or attribute: as empirically fixed single characteristic of some object and as an abstract which appears as a result of elucidation of similarities and differences between such single characteristics. Of course, the properties of objects which are fixed by an investigator and are operated by the science are only the reflection of the properties objects have in objective reality.

There are three main approaches to the problem of attribute selection for comparison and classification. The first approach concerns with the search of those attributes which had significance for ancient peoples. It is based on an idea (clear or unclear) that the discovery itself of attributes which have cultural meaning ("modes", "culture forms", etc.) ensures the final success in classification.

The second attempts to consider an artifact as a structure or a system of attributes and suggests selecting only those attributes, or part of them, which are elements of system. The use of such attributes must lead to the construction of <right> classification.

The third comes in some way to the conclusion that selection of attributes must be done proceeding from research aims only and taking into account peculiarities of the last and of the attributes themselves.

Finally, some archaeologists believe that the selection of attributes is necessary and inevitable, but give intuition complete control over this selection. It seems, that this is going away from the problem of attribute choice, because the intuition comes to results not in emptiness. To refuse from elaboration of attribute selection is to refuse from attempts to improve the methods of classification and increase its scientific crop.

Discussion about determining of objects similarity has meaning only in specific situation/from specific point of view. Then, if we want to recognize with the assistance of comparison the attributes which were meaningful for ancient peoples, we must recognize those points of view from which these peoples compared their artifacts. But, 1) it is not clear how can we recognize ancient points of view, 2) it is undoubtedly that

ancient peoples like us compared objects from different points of view and sometimes one, sometimes another could be found the most important depending on the concrete circumstances

The use of structural or system attributes in classification may be not relevant to research tasks and to the point of view we are interesting. Another attributes which cannot be regard as elements of structure/system of an object may be useful also. Just as any special division of an object into attributes, modes, formems, factems, morfems, merons, etc. does not lead itself to the satisfaction of research aims however useful for understanding of the object it is. The division of an object into constituent elements must be done keeping in mind research tasks.

The sense of recognizing of objects similarity by some attributes consists in doing conclusions about their similarity by another attributes interesting but inaccessible for us in the case because of some causes. Then, to begin just from these important in the investigation attributes would be the most logical. In some cases the acquisition of such attributes is the aim of an investigation, in another - they must be inferred from it. After that one needs to find such accessible attributes (indirect attributes) which correlate satisfactorily with those ones which have the main interest for the investigator (purpose attributes). The division between purpose attributes and indirect ones is predetermined not by the character of the attributes themselves, but by the role they play in the investigation. One and the same attribute may be indirect in one research, and purpose into another. When an archaeologist is solving such a classical for archaeology task as the construction of chronology, the dates available for the given artifacts are purpose attributes for him, while those attributes which serve to distinguish types are in the case indirect.

There are at least two principal ways of revealing of the necessary indirect attributes: through the knowledge of regular connections between the purpose and indirect attributes (such knowledge may be based on written sources, available ethnological and archaeological data, etc.), or through a group of the objects which are characterized by the presence of purpose attributes (then indirect ones are revealed by comparing these things and ascertaining more or less common attributes). In the latter case the connection between the purpose and indirect attributes is ascertained purely empirically. The causes of this connection may be unknown, but, nevertheless, the revealed indirect attributes remain very useful for attaining the research aims.

There are found also such situations when both the state of the material, and our knowledge about it do not allow formulating clearly even

the research aims. Then one has nothing but to look for at least some regularity in similarity, which can be scientifically interpreted. Thus, the task comes to the distinguishing of such indirect attributes, which fit any of the purpose attributes interesting for us. In the case we will have to be ruled by all possible (for the material under consideration) research aims.

3. TYPES. Proceeding from the some way selected attributes one may judge about the similarity of the entire objects. In archaeology these are artifacts. The artifacts considered to be similar by some attributes are thus united into a group. It is obviously that since empirically fixed properties describe concrete artifacts, then abstract attributes describe a group of such artifacts in the whole – as an abstract.

A finite or infinite aggregate of things distinguished and united in accordance with some attribute, which is considered as something integrated whole, is called a class in logic. However, in archaeology the term type keeps the leading position, though many authors use these terms as equivalents. Historically it has turned out that in archaeology the term <type> designates two conceptions: 1) a group of artifacts united by certain common attributes, and 2) an abstraction uniting those attributes on the basis of which the group was distinguished.

There are three principal approaches to the conception of type in archaeology, having more than merely terminological sense: through the non-random set of attributes, through the culture type, through the research instrument created by an archaeologist. And both the procedure of classification and the cultural and historical interpretation of the obtained results depend on the approach selected by a researcher.

The analysis carried out in the present work leads to the conclusion that it is precisely the third approach (when type is perceived as the research instrument which reflects really existed and existing phenomenons) that conforms to the conception of similarity and to the principles of the selection of attributes (for comparison). A type must be formed on the basis of indirect attributes so that only the artifacts possessing the same purpose attributes would be included into it. Moreover, indirect attributes of different objects may differ, but only as much as they enable to distinguish types and to select artifacts possessing the same purpose attributes. Otherwise any classification become impossible and loses its scientific and practical significance.

Hence, it is rather difficult to define and to describe the concrete types and to identify the concrete artifact with its type. This is impossible in practice to give an exhaustive definition of the concrete type by the accessible attributes, if we want to preserve the cognitive potential of this

type. The consequence is the diffusion of the bounds of types, which however paradoxically it is, cannot often be avoided without some prejudice to the scientific ability of the classification. The more indefinite types are – the wider is their applicability. The more different investigations the given types can serve, the worse they serve each particular investigation in comparison with the types elaborated for every investigation particularly. One has always to look for an optimal ratio between the universality of classification and their adequacy to the tasks of the concrete investigation.

4. ARCHAEOLOGICAL CULTURES. The overwhelming majority of artifacts are empirically given to an archaeologist not only by themselves, but in combinations with other artifacts, i.e. in assemblages. Just as the similar artifacts are united in types (classes), the similar assemblages are united in groups, which are usually designated by the term archaeological culture (AC). This term may be applied both to a group of concrete assemblages united on some grounds, and to an abstract concept, an ideal object which expresses the unity of this group. The given AC is both the aggregate of concrete sites, and the set of types (as abstractions) with the connections between them. Actually all the principal propositions concerning attributes and types concern AC, too. These are the principles of the selection of artifact types and assemblage types to form AC, AC as a non-random set of types, the objectivity of AC, the problem of the clearness of its (AC) boundaries, the impossibility of an exhaustive definition of the concrete AC.

There are three different approaches to the definition of AC: operational, phenomenalist, and archaeologizing. In the first case AC is defined through the way by means of which it has been distinguished (a non-random set of types in assemblages, a combination and covariance of typical elements, an area of a coincidence of habitats of individual types, a style unity of finds, etc.) It is considered that the group of sites distinguished by this way must occupy a certain limited area and date from a certain period.

The phenomenalist approach defines AC through its very correspondence to cultural-historical phenomena (an ethnographic culture, an ethnic group, an ethnosocial unity, and so on).

The archaeologizing approach attempts to define AC with the aid of the special conceptions, which describe the past society and are adapted to the needs of archaeology (“ethnos of the Primitive epoch”, “ethnoid”).

The analysis carried out in this work leads to the conclusion that the operational approach must be admitted as the most realistic and methodologically correct one. However, AC is only a formal, a classificatory

concept within this approach. Therefore the main problem is to ensure the possibility of its cultural and historical interpretation. Such possibility appears only if one rests on the substantial criteria for the classification (beginning from the formation and the selection of attributes). The attributes which forms types, the types which forms AC, etc., must be selected and assessed proceeding from their possible cultural and scientific significance, and the entire classification procedure up to the most high level must be carried out by this way. Of course, the pithiness of the bases of the classification does not guarantee the interpretation of the AC, and does not predetermine such interpretation, but only make it possible.

AC can be constructed on the basis of different versions of types and connections between them: on the basis of the evident types (“fossile directeurs”), on the basis of the group of types distributed at the same time and space, on the basis of the assemblage types, after the group of types characterizing by the covariance in time and space, etc. Types also can be formed by different methods, and the same is the case for attributes, too. Thus, many different combinations are possible here. It turns out that there exist many versions how the AC can be constructed. Moreover, from the formal point of view all these versions are equal in rights. Inasmuch as in every possible case any of the versions may proved to be the most acceptable, there are no reasons to think that some version is in all respects better than the others.

The term AC is applied also to another group of concepts. As a rule, archaeological assemblages consist of artifacts representing types which may be found in more than one AC. Therefore one must discern the following samples of the materials: 1) The totality of the materials belonging to the given set of types, including the materials found in the other AC. 2) The totality of those artifacts of the given set of types which are found in the assemblages of the given AC only. 3) The totality of all the artifacts found in the assemblages of the given AC, including the artifacts belonging to the types which are alien, strange for this AC (imports). 4) The totality of all the materials concerned in the given AC, i.e. the materials found in its own assemblages plus the materials belonging to the given set of types, though originating from the assemblages of the other cultures.

Finally, it is necessary to make some remarks about the interpretation of AC. However it is uncomfortable, we must proceed from two empirical inferences: 1) the material culture of any social community has its own peculiarities, which are inherent in this social community only; 2) there are no simple and constant connections between the society and its material culture; the community of the material culture never coincides

with the social community. Hence, AC which represents a transformed part of the material culture never coincides with the social community.

Thus, one cannot speak about the coincidence between the AC and social community, but it is quite possible to bring them into connection and to consider AC as a scientific construction which may be connected with the social community. This is not the replacement of the one word by another, more vague, but the change of the content of our notion of the correlation between AC and the society. Thus, one cannot identify the chronological and territorial boundaries of the AC with those of the correlated social community. They may be different. The changes and the movements of the AC do not indicate the changes and the migrations of the corresponding social community. One needs additional data in order to ascertain this.

If to add that AC is in any case a formal conception (from the point of view of the procedure by means of which it is distinguished), though containing some substantial elements, then one may conclude that the question about the relation between the AC and the social community can be solved only with the use of additional non-classificatory data and observations. However, this additional information may be only individual, concerning the concrete instance. This means that the question about the relations between AC and some social community cannot be solved on the theoretical level. There can be neither the universal method of distinguishing of AC, nor the universal interpretation of the latter.

It turned out that soviet archaeologists usually correlate their AC with some ethnos. However, there are also such phenomenons as ethno-social organism, social organism, groups of the same economic and cultural type (in current sovietic terms), etc. Besides, every of such social community species, including ethnos, has a vertical and horizontal number of typological subdivisions. All these can be reflected in archaeological materials in the form of AC. Thus, there are always at least several versions how to interpret the AC.

5. CLASSIFICATION METHODS. One attempting to systematize the classification methods must, probably, consider separately how the attributes are selected, how their weight is evaluated, and how the kind of classification and the method of classifying are chosen. In certain cases one operation predetermines another – then it is possible to speak about the strategy or the method of grouping in the whole. However, often the interdependence between these operations is rather weak and various combinations are possible. For example, the attributes may be selected deductively, proceeding from the research aims, the hypothesis, or the

analogy, while the method of classifying would be “analytical” (when all the attributes are considered as having either the equal, or different weight, but the latter is determined by the formal criteria).

From this point of view one may speak about the existence of several principles of the selection of attributes for classification. 1) The inductive principle, when all the attributes considered being important are used. As a matter of the fact, all the attributes are selected here by intuition, and the criteria of the selection are different. In fact all the other principles of the selection are present here in latency. 2) The deductive principle, when only the attributes connected with the aims of the classification are used (i.e. the indirect attributes correlative to the purpose ones are determined proceeding from the aims of the classification). 3) The “typological” principle, when the attributes are selected in course of classifying after the formal role they play in the classification. 4) The rationalistic principle, when the greatest importance is attached to the accessibility of the attributes, which must be relatively simple for fixing.

Every of these principles can be realized by various methods. For example, the deductive one: in the hypothetical-deductive classification all necessary attributes are deduced from the hypotheses about the archaeological material, while in the deductive classification they are deduced from the research tasks and from the knowledge, or the suppositions concerning the connections between the attributes, or from the analogies, but without formulating any empirically tested hypotheses. Usually the enumerated principles combine in concrete classifications. They are found in pure condition rather seldom. Nonetheless, different classifications fit for different aims may be received for the same material depending on the principle pushed into the foreground and deliberately put into practice.

I think that two principles are used for weighting of attributes: the formal principle and the substantial one. The weight can be defined by the formal criteria (such as the frequency of the attributes, their fitness for dividing the material into classes, etc.), or by the substantial ones, i.e. proceeding from the role played by the attribute in solving the research tasks of the present classification.

The proper methods of classifying are fairly numerous: it is difficult even to enumerate all them. The task is to choose the method adequate to the material and to the aims of the investigation. New opportunities to get information may appear when comparing different classifications created for one and the same archaeological material.

Some difficulties arise in course of identification, i.e. the procedure of attributing objects to the classes (types) which have been established

previously (on the basis of the attributes diagnostic for these classes). The problem springs from the fact that when distributing new materials to already existing classes we as if squeeze them into the classification which may appear to be irrelevant both for these material, and for our research aims.

If the classification is based on the conception of type as a non-random cluster of attributes, then one must look for such non-random clusters anew in every new aggregate of materials: either to build an independent classification for these materials, or to form new united aggregate of the two collections and to classify it. There is possible also the third way: to build separate classifications for all the assemblages which are large enough (for statistic), and then to create of them one general integrated classification, or to try to work with different classifications.

In the case when types are formed by specially selected at tribes the attributes worked satisfactorily in the primary aggregate of artifacts may appear to be useless in the new aggregate. They must be verified. It is necessary that types would retain their unity by purpose attributes, when old indirect attributes are transferred to new materials. To reveal it one has to use indirect information or to create the "tentative" classifications (on the basis of samples).

6. THE KINDS OF CLASSIFICATIONS. The extremely great importance is usually attached to the difference between typology and classification. It is considered that typology distinguishes itself by some advantageous, profound qualities, which make it possible to get to the essence of the phenomena under the study. The attempts to define the difference between typology and classification can be reduced to two main approaches.

The formal approach distinguishes them on the basis of some separate formal attributes (a complex combination of attributes, a diffusion of type boundaries, a use of not full general sample, etc.). The purpose approach lays special emphasis on the fundamental difference in the aims: classification is intended for auxiliary ordering of material, while typology aims at the revelation and characterizing of the groups which existed in reality.

However, on the one hand, all possible formal differences taken by themselves give typology no advantage over classification. On the other hand, the purpose approach leads in the end to the situation when one and the same classification in one case may be considered as the typology, and in the other case as the classification proper, depending on the field of its using, or interpretation.

Thus, it turns out that from the operational point of view, that is the most important for the practical archaeology, there are only the procedures of classifying and no privileged procedures of typologizing. Therefore any kind of classification may be called typology, but doing so one should remember that however pithy is every step in the procedure of classifying, it still remains in itself classification.

It seems that it would be more perspective to divide all classifications into auxiliary and research. The auxiliary classification is intended for initial ordering of material (to facilitate its study, keeping, etc.), while the research one is intended for solving some scientific tasks proper. The need of such division springs from the fact that there are two sets of mutually exclusive demands to classification in archaeology: formal and substantial.

When creating or choosing a classification an investigator is aspiring to get one which would reflect some kind of profound links and characteristics in the material in the best way. However, formal demands are not kept strictly in the case, as a rule (such as universality, mutual exclusiveness of distinguished units, a relative simplicity of type identification of things, embracing of all materials under the study). It occurs because the “meaning” of artifacts for the society and their place in culture are determined often not by the most evident, clear and accessible properties of the objects. And, what is more, in different situations different aspects, “meanings” of the objects may prove to be determining. Therefore as regards to the research classification the formal demands are kept only to the extent which ensure work of the classification.

Auxiliary classification, intended for keeping of material and information, must meet the formal requirements as much as possible, otherwise its using in this field would be unproductive, or even senseless. To answer these contradictory demands one has to use at least two classifications for the same material: auxiliary and research. Really the auxiliary classification must reflect the attributes of the objects most often used in modern archaeological investigations, or, by other words, the attributes which can fulfil the functions of indirect ones in possible research classifications (the attributes allowing turning to research classification). Auxiliary classification, like research one, is intended to serve research tasks, but mainly at the preliminary stage. Auxiliary classification must ensure catching of initial minimum of information about objects and selecting the objects themselves.

7. THE PROCEDURE OF CLASSIFICATION. It is impossible to begin to classify if the basis of classification has not been selected. This

selection may be based on various principles, but in any case an archaeologist must have some notion of characteristics of the objects subjected to classification. The characteristics of an object cannot be known without observing this object in its relations and interaction with other objects. Moreover, inasmuch as every thing possesses an unexhaustable number of characteristics, those of them must be recognized first of all which can be useful for achieving visible aims. It can be revealed either by means of introducing objects into the situations interesting for us, in which the relevant characteristics will manifest themselves, or comparing objects with each other. (The selection of characteristics is strongly influenced by everyday and scientific experience of the investigator, his personal virtues, relative accessibility of the characteristics). Comparing various objects and various representations of these objects in a form of systems of attributes an archaeologist obtains an opportunity to choose such versions of articulation into such attributes which demonstrate the most consistent recurrence and are most often meet together, and also those showing correlations with the phenomena which are of interest for the archaeologist.

Dividing of every concrete object into concrete properties is inseparable from looking for recurrent properties. Therefore it is inseparable from constructing attributes as abstracts. The conclusion that some property of one object is the same as some property of another object represents already a creation of an abstract attribute. The statement that objects possess the same property (have a common attribute) is none other than the classification of these objects according to the given attribute.

Thus, the revelation of objects' properties, the forming of attributes and partly their selection are already the result of classifying. From the very beginning of the procedure material is classified and reclassified accordingly to different (and differently constructed) attributes, and the comparison of the obtained classifications is carried out. All this takes place already during the initial acquaintance with the studied material. This occurs implicitly, "in mind", to a considerable extent on the subconscious level. This work enables to fix explicitly that set of attributes which serves then to choose the basis of classification in it. It turns out that even the first step of the procedure of classifying – i.e. the revelation of properties and the forming of attributes – is complex enough and includes a lot of "tentative" classifications. Thus, classification always starts with classification.

In the end every object receives a description consisting of a finite set of attributes. It is not important whether this description is recorded, or not. Even if it is not represented in a written or graphic form it exists actu-

ally in the investigator's mind. The next step is the selection of the basis classification. To do it properly one must at first to define the concrete aims of the classification, i.e. its purpose attributes (proceeding from the nature of the problem and from the available knowledge). Then it is necessary to find (in the formed set of attributes) such indirect attributes which are found together with the purpose ones often enough, and besides are really accessible for fixing.

Then the attributes must be weighed. Their weight can be evaluated: 1) with the aid of formal criteria (e.g. according to their frequency), 2) with the aid of knowledge extracted from written, ethnographic and other records, or putting attributes to the test in classification (comparing different classifications where the same attributes have different weights).

After all these operations are realized the stage of the classification proper comes, i.e. the stage when the material is divided into groups on the basis of the selected attributes and with regard for their weight. The stage of selecting of the sort of classification and the method of classifying may exist too, however.

It is necessary to pay attention to a few of principal points in the procedure of classifying.

1. Classification is always a product of available knowledge about the objects which must be classified, but at the same time it serves as an instrument for getting of new knowledge about these objects.

2. The division of the procedure of classifying into consecutive steps is highly conditional. In reality these steps are interwoven with each other in any order and combinations. Every step of the procedure contains all the other steps, because material begins to be classified and reclassified during the initial acquaintance already, even if it is done subconsciously. At the same time, after the classification is finished a necessity arises usually to correct it and, therefore, to look at some aspects of the very beginning of the procedure. The forward motion in the procedure of classifying (as if in a spiral) consists mainly in permanent deepening of the classification: in revealing and using of more and more adequate attributes and their combinations, more and more suitable methods, in gradual transition from the absolutely implicit classification to more and more explicit ones.

3. In most cases it is impossible to repeat different steps of the procedure many times. Therefore the cyclical or spiral-like procedure of classifying is carried out not for the entire totality of objects, but for samples from this totality, which permit to manipulate easily with attributes and objects. The final choice of the basis of classification is made proceeding

from the comparison of “tentative” classifications, built for different samples.

The work with the material which is already classified consists mainly in constructing the typological sequences, seriation, drawing archaeological maps, and cultural and historical interpreting of the material on the basis of the obtained types. The interpretation is the only criterion permitting to assess the quality of a classification, but it gives also new data for revising the classification. Some interpretative elements may be noted even for the initial steps of the procedure. On the one hand, an archaeologist is guided by his knowledge of cultural and historical aspects connected with the material under consideration when he constructs and selects attributes. On the other hand, “tentative” classifications enable to test partly the interpretative potential of distinguished attributes and types. Thus, interpretation of classification is itself involved into the procedure of classifying.

The most general conclusions of the present work may be formulated as follows. The scientific classification is such distribution of objects among groups on the basis of accessible similarities and differences when the obtained groups correlate with certain phenomenons which are of interest for an investigator (i.e. when a correlation of indirect and purpose attributes take place). This classification makes sense only if the correlation between its indirect and purpose grounds is so rigid that it enables to determine the latter by the former. An optimal procedure of classifying must from the very beginning be directed to revelation and use of correlations between different phenomenons. The rule of unity of the grounds of classification must be kept only with regard to purpose attributes, while with regard to indirect ones its realization is not necessary. Therefore it is actually impossible to give a complete definition of any taxon in classification.

	ЭМПИРИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (наблюдаемые)	КУЛЬТУРНЫЕ КАТЕГОРИИ (выводные)	КУЛЬТУР- КАТЕГОРИИ (выводные)
ФОРМА	Индивидуальные проявления, их эмпирические составные части, «элементы», «признаки», «конструкции», «особенности», «единицы», «предметы» и т.д.	«Употребление» и «функция» и/или техника производства (или часть из этого), насколько их можно вывести из эмпирических данных.	Культурная идея, культурная черта, объективированная в индивидуальном проявлении; также «смысл» проявляющийся в нём. "МОД".
ТИП	Группа проявлений, обладающих определёнными специфическими сходствами в свойствах и/или составных частях, или абстрагированный из них идеал, нечто среднее, модальное усреднённое.	Группа проявлений, обладающих определёнными специфическими сходствами в своих выводных "употреблении", "функции" и/или технике производства.	Объективированная культурная идея и/или «смысл», проявляющийся в одном типе, как эмпирическом, так и культурном. «АРХЕТИП».
КЛАСС	Группа эмпирических типов (или типов и форм), обладающих определёнными специфическими сходствами в своих свойствах и/или диагностических критериях, т.е. группировка групп.	Группа типов (или типов и форм), как эмпирических, так и культурных, обладающих определёнными специфическими сходствами в их выводных «употреблении», «функции» и/или технике производства.	Объективированная культурная идея и/или «смысл», проявляющийся в классе, как эмпирическом, так и культурном. «АРХЕКЛАСС». Когда классы под этим заголовком достаточно широки, вероятно, лучше обозначать структурную идею как «КОНФИГУРАЦИЮ».

Рис. 1. [Taylor 1948: 116]

КУЛЬТУРА

Политетический набор специфических и всеобщих категорий типов артефактов, которые неслучайным образом встречаются вместе в *комплексах* в пределах ограниченного географического ареала.

Уровни: культурная группа, культура, субкультура.

КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА

Семейство трансформированных культур; родственные культуры, характеризующиеся комплексами, которые обладают разными состояниями типов из одного и того же политетического ряда *специфических многовариантных типов артефактов*.

КОМПЛЕКС

Взаимосвязанный набор одновременных *типов* артефактов.

ТИП

Специфический тип артефактов; однородная популяция *артефактов*, обладающих устойчиво повторяющимся рядом состояний признаков из заданного политетического набора.
Уровни: группа типов, специфический тип, субтип.

ТЕХНОКОМПЛЕКС

Группа культур, характеризующихся комплексами, которые обладают различными типами из политетического ряда одних и тех же *общих семей типов артефактов*, рассматриваемых как широко распространенная и взаимосвязанная реакция на общие факторы природного окружения, экономики и технологии. Материальное проявление культурной конвергенции в рамках общей постоянной стратегии адаптации к среде.

АРТЕФАКТ

Любой объект, модифицированный наложенными человеком *признаками*.

ПРИЗНАК

Логически неразложимая характеристика обладающая двумя или более состояниями, действующая как независимая *переменная* в определённой системе артефактов.
Эпистемологически независимая переменная.

Рис. 2.

Схематическая иерархическая модель основных археологических понятий расположенных в восходящем порядке по степени сложности систем. [Clarke 1968: 188]

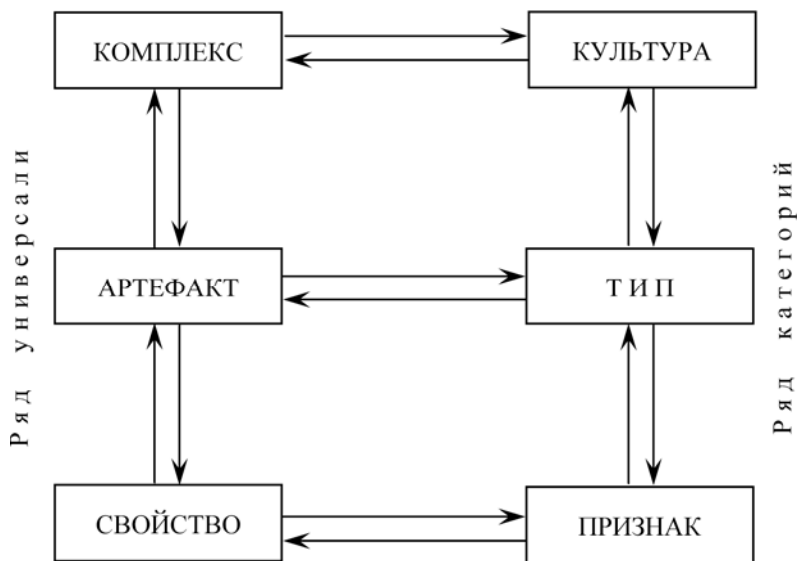

Рис. 3.

Система основных археологических понятий.
[Бочкарёв 1975: 42]

Уровни интеграции	КОНКРЕТЫ (одиночные реалии)	АБСТРАКТЫ (соотв.: суммарные реалии)			
		их общие обозначения	их спецификации		
			ЭМПИРИЧЕСКИЕ (этнические)	КУЛЬТУРНЫЕ	УСЛОВНЫЕ
7	памятник	культурная форма, секвенция	культурный ареал колонна	культурный круг трассовая секвенция	регион, эпоха
6	комплекс	культура	эпиккультура	архекультура	рамокультура
5	стратема	хронома: горизонт, вереница	типологический горизонт, цепочка	культурный горизонт, караван и традиция	хронологический горизонт серия
4	артефакт	тип	эмпитип	архетип	рамотип
3	деталь	мерон	эмпимерон	архемерон	рамочный мерон
2	фрагмент	мод (модификация)	блок	форма	вырезка
1	след	черта	свойство	признак (фактема)	статья

Рис. 4. Полная матричная схема уровней интеграции и аспектов восприятия археологического материала
[Клейн 1991: 218]

СИСТЕМНАЯ СТРАТЕГИЯ

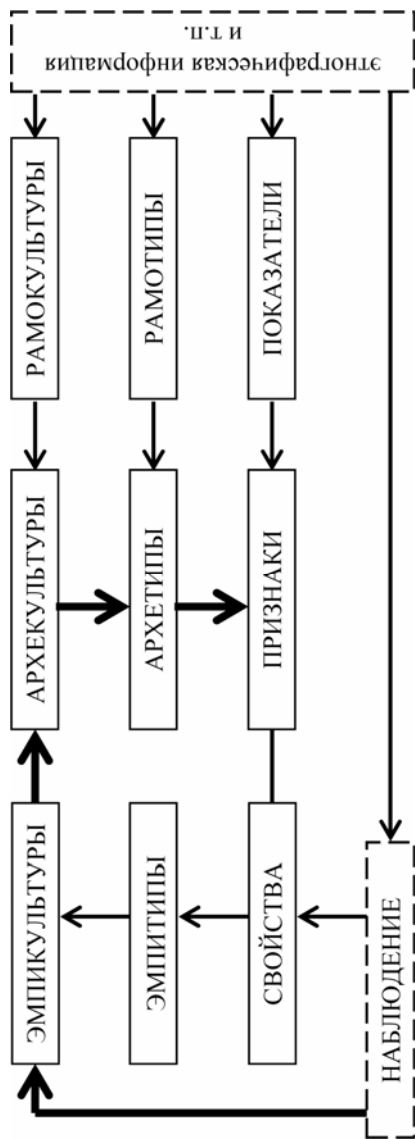

Рис. 5.

Системная стратегия типологического группирования (Клейн).

Жирными стрелками показаны основные ходы умозаключений, тонкими – корректируемые.

(Клейн 1991: 224)

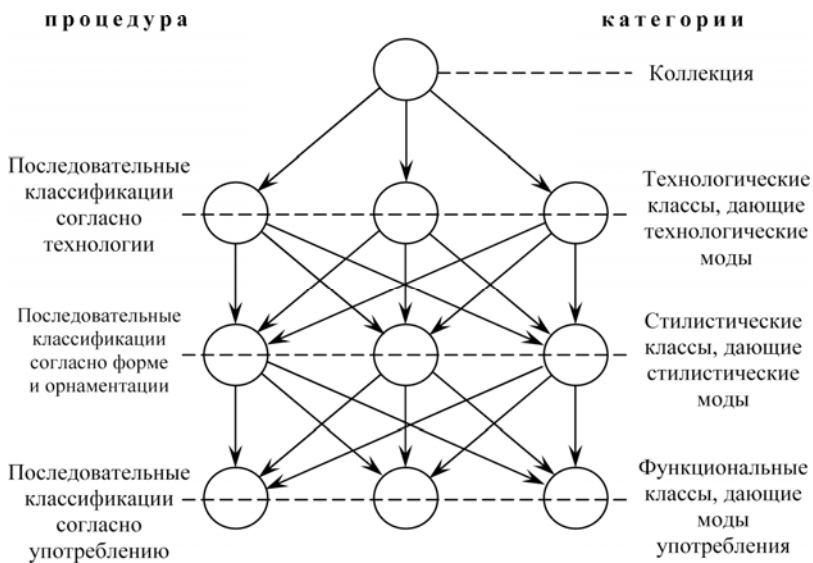

Рис. 6.

Пример аналитического подхода к классификации.
[Rouse 1960: 314]

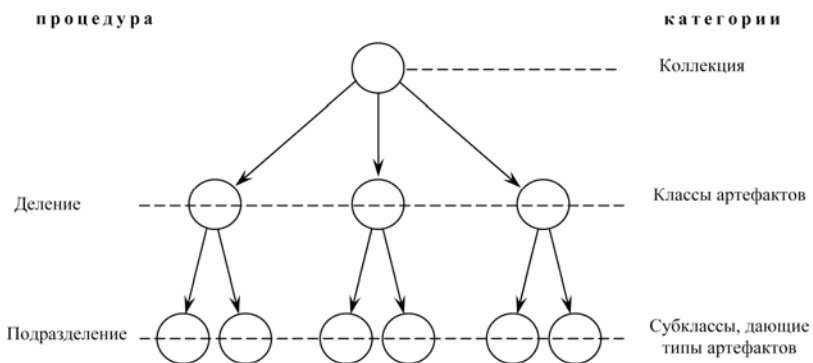

Рис. 7.

Пример таксономического подхода к классификации.
[Rouse 1960: 315]

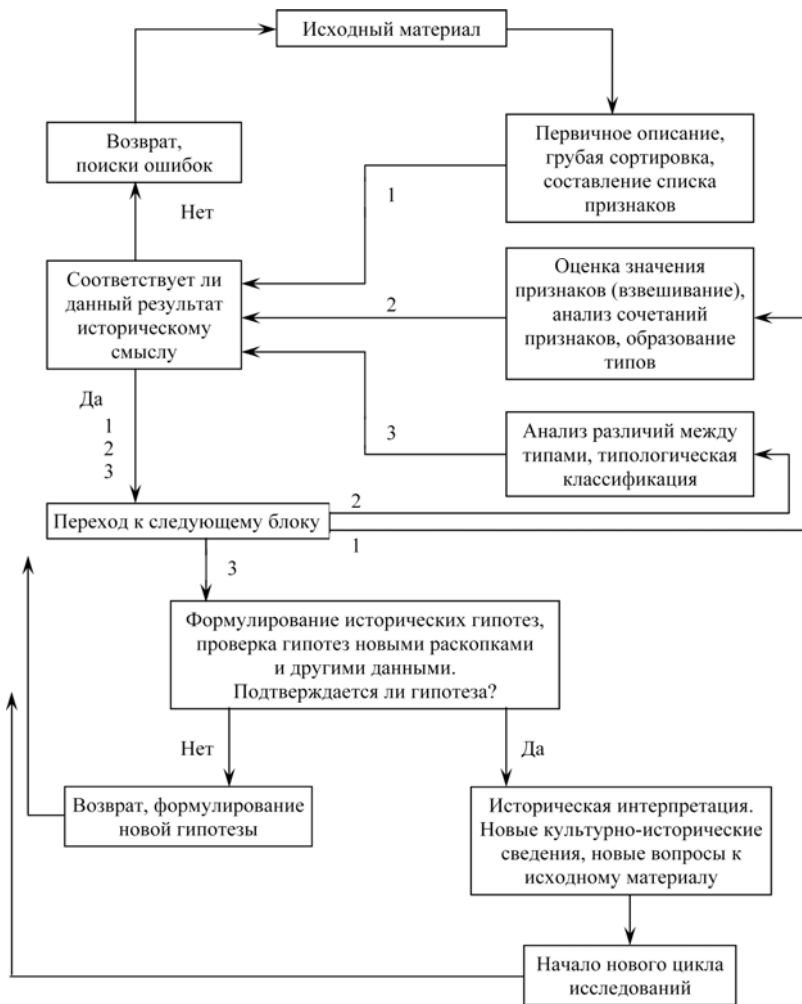

Рис. 8.
 Схема типологического исследования
 [Шер 1970: 10]

Указатель терминологический
(выделены номера страниц, на которых приводятся определения терминов)

- Аллофакты** 86
аллоформы 86
ансамбль **57**
 некрополя **58**
антик 11
артефакт **11**, 12, 14-15, 18, 19, 21-27, 30-31, 34-35, 39-46, 49-55, 57-62, 65-68, 78-79, 81-84, 86-90, 92, 99-104, 106-109, 110-124, 127-130, 132-133, 137-139, 141-142, 144-147, 149-151, 155-159, 162, 165, 168-171, 176
археологическая культура 26, 31, 51, 53, **58-68**, 123-136, 142-143, 146, 157
археологический объект **11**
археологический универсум **12**
археограмма **30**
архетип **47**, 108-109
ассоциация **53**
 закрытая **53**
 открытая **53**
 подлинная **53**
атрибут 34
- Блок** 86, 111
- Вариант** археологической культуры 63-64, 66, 132-133
вариант типа **51**, 122
век 61
вектор **32**
вещь **11**
 историческая 11
вес признака 17, **37**, 98-99
вид 47
вид детали 86
вырезка 86
- Горизонт** **67**
группа **28,47**
 культур **67**
 типов **57**

группирование
аналитическое 19
иерархическое 20
исследовательское 16
служебное 16

Значение признака 37, 81

Идентификация 23
артефактная 24
деятельностная 24
морфологическая 24
партитивная 24
иерархичность 31
индустрия 65
информативность признака 37

Касса 133
категорема , 122
категория 22, 28, 47, 49, **52**, 61, 114, 165
качество типа **52**
класс 13-14, 16, 18-24, 26-27, **28**, 29-31, 34, 41-42, 45-47, 50-52, 56-57,
65-66, 70, 75-76, 81, 85-86, 94, 98, 101-105, 115, 122, 124, 137-
140, 144, 149-150, 152-154, 167-168, 172-176, 178
культур- **29**
культурный **29**
монотетический **29**
политетический **29**
эмпирический **29**
классификационный анализ **26**
классификация 6-8, 11, **13**, 14-28, 35-36, 51-52, 62, 64-65, 70-73, 75,
77, 79, 82-98, 106, 112-113, 115, 117-118, 120-122, 125, 129-
130, 133-134, 137-180
аналитическая 16, **19**, 139
артефактная **23**
базовая 160
внешняя **23**, 155
вторичная 19
высшего ранга 16, **18**
генетическая 18
деятельностная **23**
дискретная 160

древовидная **20**, 160
естественная **16-18**, 158
иерархическая 20, 160
иконографическая 88
индуктивная 19
интуитивная **15**
искусственная **15**, 17, 158
исследовательская 154-158
историческая 18
контекстная 160
культурная 165
линейная 160
монотетическая 21
морфологическая **22**, 88
неиерархическая 160
описательная 173
парадигматическая **19**
партигивная **23**
предварительная 16
преисторическая 18
пробная 164, 168, 170, 180
размытая 160
сверху 20, **21**, 143, 145
служебная 16, 154-158
снизу 20, **21**, 143, 145
стилистическая 88
таксономическая 17, **19-20**, 139
технико-морфологическая 160
технологическая **22**, 160
типологическая 16, **18**, 27, 138
фасетная 160
формальная 16
функциональная **22**, 88, 160
хорологическая **23**
хронологическая **23**
классоделительная способность **35**
кластер **30**
 данных **53**
ключ классификации **28**
ковариация **32**
комплекс **53**, 54-57
 деятельностный 56

диагностический **56**
закрытый 55
замкнутый **54-55**, 58-60
комплексов 54
конкретный 54
культурный **68**, 124
мегакомплексов 54
морфологический 56
натуральный 54
обобщённый **56**
открытый **55**
памятников **56**
первичный **56**
полузакрытый 56
полузамкнутый **55**
полуоткрытый 55
признаков 41
производственный **55**
простой 54
реальный 54
типов **57**
компонент 56
конечный типологический разряд (КТР) **51**, 122
контекст **12**
 вторичный **12**
 первичный **12**
конфедерация 124
конфигурация **29**
концерт 133
корреляция **31**
контрадиция 59, 68
круг культур 67
культурная
 группа 61, **66**, 124
 значимость 36
 зона **68**
 область 61, **67**
 общность 68
 провинция 61, **68**
культурное значение 36
культурный
 ареал 61

круг 61, **67**, 68
смысл 36

Матрица 12
мегакомплекс 54, 123
мерон 42, **91**
мод 41, 42-43
 внешний **42**
 внутренний **42**
 когнитивный **42**
модель классификации
 позитивистская 141
 эмпирическая 141
мон **42**
монотетизм **28**, 120
морфема **42**, 84

Набор 32
надкласс **30**, 122
надтип **52**, 122
независимые культуры **67**
нетипическая разновидность **51**, 121

Округа 56

Памятник 11, 25, 26, 35, 51, 53, 56, 57-61, 65-66, 94, 113, 124, 126,
128-130, 137, 140, 143-144, 166
 параметр **43**
переменная **31**
период **57**, 61, 64
подкласс **30**, 122
подтип **51**, 52, 122
позиция **12**
показатель 86
политетизм **29**, 120
популяция **27**
 артефактов 41
 признаков 28
поселение 56
построение типологических рядов 25
признак(и) **34-35**
 альтернативные **39**

вариантный 22, 50
внешние **38**, 42
внутренние **38**, 42
входной 94
выходной 94
детерминируемый 94
детерминирующий 94
диагностический **38**, 87
дискретный **38**
зависимый 94
иконографические 88
качественный **38**
ключевые 37, 87
количественный **38**
коррелированные **39**
косвенный 93-97
мерные **40**
морфологические 88
недиагностический **38**, 87
независимые **39**, 94
непрерывный **38**
несущественные 37, 87
-причина 94
-проявление 94
номинальные **39**
отличительный 41
ранговые **39**
сложный **38**
совместимые **39**
стилистические **40**, 88
существенные 37, 59, 87
технологические **40**
типичный 87, 91
типообразующие **40**
формо- **40**
формообразующие **40**
функциональные 88
целевой 93-97
элементарный **38**
процесс **32**

Рабочий элемент 42

раздел 47
разновидность 47
регулярность **33**
резиденция 56
руководящее ископаемое 49

Свойство 11, 15, 19-20, 22-24, **34**, 35, 38-39, 41-42, 44-45, 47-48, 52,
73-83, 85-86, 88-90, 94, 97-101, 104, 106, 109-110, 116, 122,
124, 144, 150, 155-157, 159, 162-164, 169, 172, 175, 177, 180

внешнее 80
внутреннее 80
контекстуальное 38
морфологическое 88
несобственное 80
собственное 80

семейство типов 57

сериация **24**
артефактная **25**
культурная **25**
по совстречаемости **26**
частотная **26**
эволюционная **26**

симплекс 133

система **30**
культур 30
признаков 30, 41
типов 30
Томсена-Ворсо
трёх веков 30

след 81, 86

смысл комплекса черт **35-36**, 108

сортировка **150**

состояние **37**
признака **37**

стилевая зона **66**

стиль **43-44**

стилизация **44**

стратегия классифицирования
агломеративная **20**, 140
аналитическая 142
гипотезно-дедуктивная 142
древовидная 142

индуктивная 142
перераспределительная **20**, 140
разделительная **20**, 140
рационалистичекая 142
системная 17, 63, 90, 148
собирательная **20**
структура археологической культуры **65**
структура типа **50**
субкомплекс **57**
субкультура **65**
субтип 51-52, 122
сущность 12, **31**

Таксон 91
таксономический ряд **21**
таксономия **13**
технокомплекс **68**
тип(ы) 11, 13-29, 33-36, 41, 43, **44-47**, 48-52, 54, 56-65, 67-68, 70, 85,
94, 99, 101-125, 128-133, 137-144, 146-156, 158-159, 164, 168-
170, 172, 174, 176
аналитический 48
археологического комплекса памятников **57**
внешний **48**
внутренний **48**, 159
гипотетический 48
дескриптивный 48
диагностический 49
естественный 47, 48, 159
исторически-указательный 48, 49
исторический 47, **49**
когнитивный **47**, 113
культур- **47**, 108
культуры 61
культурный **47**, 108-110
массовый **51**, 121
морфологический 48, 121, 159
независимые **49**
описательный 159
-определитель 49
остенсивный **48**
предварительный 48
преисторический 49

рациональный 49
реальный 47
редкий **51**, 121
руководящие **49**
сильный **50**, 121
слабый **50**, 121
стилистический **50**, 121
технологический **50**, 121
трансформированные **49**
условный **48**, 109
фенетический 48, 151
формо- **50**
функциональный 48, **49**, 121
эвидентный 121
эмный 47, 113
эмпирический **48**, 108-110
этный 48, 159
типизация **150**
типичный артефакт **52**
типологический метод **26**
типологический рудимент 27, **43**
типологический ряд **26**, 27
типологическое построение
 предопределенное **21**, 144
 свободное **21**, 143
 управляемое **21**, 144
типология **14-15**, 16, 26, 27
 генеральная **27**
 дедуктивная **21**
 индуцированная **21**
 функциональная **27**
типообразующие связи **50**
типообразующий набор признаков **41**
традиция **33-34**
траектория **33**
трансформация **33**
трансформированные культуры **66**
транзиция **33**
тренд **33**

Устойчивая разновидность формы (УРФ) **41**, 122
устойчивое сочетание признаков **40**

Фаза 32, 61
фактема 42, 86
фация 32
федерация культуры 124
фокус 32, 61, 124
форма
 культур- 43, 85
 культурная 43, 85
 эмпирическая 43, 85
формема 42, 86
фрагмент 86

Характеристика 34

Цивилизация 61, 68

Черта 12, 34, 86
 морфологическая 39

Элемент
 независимый 39
 типологический 39, 88
элементарная выборка 12
эпоха 61
этап 61, 64

Ядро типа 50

Указатель именной

- Абрамова З.А. 58
Алексеева Е.М. 102
Амброз А.К. 45
Артамонов М.И. 58-60
Арциховский А.В. 45
Батороев К.Б. 77
Башилов В.А. 59
Белецкий С.В. 39, 170
Бианки А.М. 15, 122
Бочкарёв В.С. 11, 13, 25, 34, 35, 38, 44, 53-55, 57-60, 62, 80-82, 86, 88-89, 100, 102, 123, 125
Брайчевський М.Ю. 126
Брюсов А.Я. 45, 60
Викторова В.Д. 14, 60
Деопик Д.В. 11, 41, 44, 51-52, 102, 122
Виноградов Ю.Г. 54, 123
Вирхов Р. 48, 61
Воронин Ю.А. 72, 75, 93, 148
Ганжа А.И. 127
Генинг В.Ф. 45, 60, 62, 100, 103, 125, 129
Гладилин В.Н. 138
Городцов В.А. 44, 52, 60, 83, 102-103, 137-138, 145
Грач А.Д. 58
Грачёва Г.Н. 126
Григорьев Г.П. 16, 44, 103
Грязнов М.П. 18, 62, 117, 125, 152, 154-155
Гудим-Левкович А.Н. 87, 165
Джевонс С. 176
Жуков Б.С. 59, 125
Захарук Ю.Н. 12, 53, 56-57, 60, 61, 65, 123, 129
Зими́на М.П. 45
Каменецкий И.С. (Kamenetski) 13, 16, 29, 31, 34, 37-40, 44, 46, 53, 55, 56, 58, 60, 72-73, 87-88, 92, 102-103, 118, 123, 139, 158, 160-161, 165, 169
Клейн Л.С. (Klejn) 6-7, 11-15, 19-20, 45, 47-48, 60, 70-71, 78, 81, 85-86, 89-90, 99, 103, 106, 108-110, 120-121, 124, 128, 131-133, 142-143, 146, 148, 152-153, 155-156, 165
Кликс Ф. 73, 76, 146, 164

Ковалёв А.А. 11, 42, 100
Кожара В.Л. 160
Кожин П.М. 60
Колпаков Е.М. (Kolpakov) 6, 125, 134, 149, 154
Колчин Б.А. 11, 45, 103
Кондаков Н.И. 75
Коробков И.И. 42, 86
Коробкова Г.Ф. 27
Коул М. 73
Кудрявцева О.М. 125
Куручкин Г.Н. 126
Лебедев Г.С. 44-45, 57-59, 100, 102, 126
Лесман Ю.М. 39, 170
Львова З.А. 22
Любин В.П. 59
Лурия А.Р. 73
Любищев А.А. 159
Мансуров О.М. 42, 86
Маркарян Э.С. 34
Мартынов А.И. 106, 123, 148, 159, 165
Маршак Б.И. 34-35, 88, 165
Массон В.М. 11, 31, 34, 44, 58-59, 62, 81, 102, 125, 130, 133, 135
Матюхин А.Е. 18
Матюшин Г.Н. 26, 35, 51-52, 138
Медведев В.Е. 134
Медведев Г.Н. 40
Мейен С.В. 82, 91, 159
Монгайт А.Л. 43, 59-62
Пиоро И.С. 60
Подольский Н.Л. 37
Розова С.С. 173
Рябинин Е.А. 46, 51, 104
Синицын А.А. 43, 45, 89, 103
Скрибнер С. 73
Смирнов А.П. 32, 60
Сорокин С.С. 58
Спицын А.А. 44, 103
Толстова Ю.Н. 94
Тот Н. 111
Трифонов В.А. 25, 54-55, 57, 123

Удальцов А.Д. 58
Фёдоров-Давыдов Г.А. 34, 37, 40, 44, 50-53, 62, 102, 121, 123, 125
Формозов А.А. 59, 67-68
Фосс М.Е. 60, 127
Хлобыстин Л.П. 126
Холюшкин Ю.П. 21, 60-61, 145
Холюшкина В.А. 21, 61, 145
Чебанов С.В. 91
Черных Е.Н. 51, 122
Чеснов Я.В. 13-14
Шер Я.А. 11, 26, 34, 37, 59, 62, 87-88, 98, 103, 106, 123, 125, 148, 159,
161, 165, 168
Шрейдер Ю.А. 73-74, 82, 91, 159
Щукин М.Б. 66, 134
Adams W. (Адамс У.) 6, 118-119, 150, 152, 154-155, 160
Adams E. (Адамс Э.) 6
Angeli W. 44, 102
Ashmore W. 11-13, 19-20, 28, 30, 34, 40-41, 45, 50, 53-54, 57, 59, 65,
100, 103, 115, 126
Bakka E. (Бакка) 49, 141
Bennet W.C. 68
Béres J. 66
Bialekova D. 58
Binford L.R. (Бинфорд) 32, 66, 142, 146
Blume E. 59, 125
Bordes F. (Борд) 14, 25, 103, 157-158, 164
Bray W. 11, 53-54, 58, 66, 100, 123
Brew J.O. (Бру) 13, 87, 91, 104, 115
Bujna J. 68
Chang K.C. (Чжан) 28, 44, 52, 90, 103, 111
Childe V.G. (Чайлд) 44, 46, 48-49, 58, 62, 67
Clarke D.L. (Кларк) 11, 27-33, 35, 37, 41, 43-44, 49, 51, 54, 57-58, 63-
68, 81, 85, 87-89, 91, 99-100, 103, 120, 133, 139, 161, 169
Cormack R.M. 13, 28
Cowgill G.L. 24
Cullberg C. (Кульберг) 39, 161, 167, 169
Daniel G. 11, 13-14, 60, 66, 100
Deetz J. (Диц) 11, 25, 33-34, 42, 44, 67, 85-86, 91, 93, 100, 102, 111,
114
Demetrova S. 66

Doran J.E. (Доран) 15, 20-21, 24, 28-29, 47-48, 50, 82, 101, 107, 139-141, 150, 161, 168
Dunnell R.C. (Даннел) 14, 44, 81, 88, 90, 92, 152, 159
Ebert J.I. (Эберт) 107
Evans R.K. (Эванс) 20, 28, 44, 70, 87-88, 91-92, 101-102, 105, 115, 141-142, 146-147
Ford S.A. (Форд) 50, 104, 112, 115
Furmanek V. 61
Gardin J.-C. (Гарден) 15, 21, 38, 80, 89, 93-95, 117, 140, 143-145, 157
Hardin M.A. (Хардин) 107, 111
Hayden B. (Хэйден) 107, 112-113
Heizer R.F. 32, 44
Hill J.N. (Хилл) 20, 28, 44, 70, 87-88, 91-92, 101-102, 105, 115, 141-142, 146-147
Hodder I. 163
Hodson F.R. (Ходсон) 15, 20-21, 24, 28-29, 47-48, 50, 82, 101, 107, 115, 139-141, 150, 161, 168
Kilian L. 59, 126
Kluckhohn C. (Клакхон) 14, 18, 138, 148
Kossinna G. (Косина) 62
Krieger A. (Кригер) 18, 41, 46, 103-104, 138, 148
Jahn M. 59, 126
Lamiova-Schmedlova M. 68
Laplace-Jaureche G. (Лаплас) 138, 158
Linton R. (Линтон) 35-36, 108
Lüning J. 34, 44, 58, 103
Malmer M.P. (Мальмер) 14, 26-28, 39, 45, 52, 62, 72, 86, 88-89, 93, 101, 103-104, 113, 119, 125, 142, 146, 148
McKern W.C. 32, 56
McNeish R.S. (Макнейш) 45, 107
Mill J.S. (Милль) 72, 76, 78, 97, 164
Moberg C.-A. (Муберг) 30, 78
Montelius O. (Монтелиус) 26-27, 43-44, 46, 54, 102-103, 123
Müller S. (Мюллер) 27, 137
Osgood G. 65
Otto K.H. 60
Phillips P. 32, 56, 67
Pieta K. 68
Piggott S. 15
Read D.W. 84, 88

Ritchie W.A. (Ригчи) 45, 107
Romsauer P. 58
Rouse I. (Пауз) 11, 13-14, 18-19, 22-26, 28, 30, 32, 34-35, 41-42, 44-49,
51-53, 56, 80-81, 83-86, 89-91, 101-104, 113, 115, 122, 138-139,
141, 148-149, 155, 159, 161
Rowe J.H. 80
Sackett I.R. 11, 41, 46, 102-103
Schiffer M.B. 128
Schuchhardt C. 59, 126
Sharer R.J. 11-13, 19-20, 28, 30, 34, 40-41, 45, 50, 53-54, 57, 59, 65,
100, 103, 115, 126
Shepard A.O. 47
Siska S. 66
Smith J.W. 118
Sneath P.H.A. (Снит) 28-29, 120
Sokal R.R. (Сокал) 28-29, 120
Sonneville-Bordes D. 45, 103
Spaulding A.C. (Сполдинг) 18, 34, 44, 86, 90, 102, 105-106, 140
Steward J.H. 48-49
Swartz B.K.Ir. 25, 28, 32-34, 41, 45, 54, 56, 101, 141
Taylor W.W. (Тэйлор) 11, 28-30, 35-36, 43, 45-48, 85, 89-90, 101, 108-
110, 165
Thomas D.H. 113
Tixier J. 456 103
Trigger B.G.
Trump O. 11, 53-54, 58, 66, 100, 123
Tylor E.B. (Тайлор) 46
Uslar R. 59, 126
Vishniatsky 158
Watson P.J. 111, 113, 115
Whallon R. (Уоллон) 20, 107-108, 140
White J.P. 113
Willey G.R. 32, 56, 67

Библиография

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979. – 156 с., ил.
- Алексащенко Н.А. Принцип предметно-практической деятельности как основание систематизации археологического материала // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. ТНК. Ашхабад, 1981. С. 146-149.
- Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970а. С. 59-82, ил.
- Алексеева Е.М. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970б, № 155. С. 150-169, ил., 2 л. ил.
- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. - IV в.н.э. / АН СССР, ИА. М.: Наука, 1966. – 112 с., ил., 38 л. ил., карт. – (Археология СССР, САИ; Д1-30). – Библиогр.: с. 97-105.
- Андроновская культура. В 3-х вып. : Вып. 1. Памятники западных районов / Сост. В.С. Сорокин. При участий Е.Е.Кузьминой, М.Г.Мошковой, В.С.Стоколоса, Г.А. Федорова-Давыдова; АН СССР, ИА. М.; Л.: Наука, 1966. – 65 с., ил., 38 л.ил., карт. – (Археология СССР. САИ; ВЗ-2). – Библиогр.: с. 62-63.
- Аникович М.В. О содержании понятия "археологическая культура" // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 18-21.
- Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИИМК, 1949, вып. 29. С. 3-16.
- Артамонов М.И. Этнос и археология // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 3-6.
- Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 16-32.
- Арциховский А.В. Курганы вятичей / РАНИОН, Ин-т археологии и искусствознания. М., 1930. – 224 с., ил.
- Балонов Ф.Р. Приемы статистического обоснования классификации кладов эпохи бронзы: (По материалам находок в Восточной Европе) // Тезисы 3-й РСАЭК вузов Северо-Запада СССР. Рига, 1971. С. 24-25.
- Балонов Ф.Р. Метод определения веса признака в формализованной археологической классификации // Количественные методы в

- археологии. М., 1981. С. 24-28. Библиогр.: с. 28.
- Батороев К.Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск, 1981.
- Белецкий С.В., Лесман Ю.М. О стилистических особенностях орнамента древнерусской круговой керамики: (по материалам Пскова) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. Материалы совещаний. / Ред. А.К.Станюкович. М., 1982. С. 135-148, табл.
- Березкин Ю.Е. Опыт классификации джейтунской керамики с использованием статистических методов // КД, 1970, вып. 3. С. 143-150, ил. Библиогр.: с. 150.
- Бианки А.М. Типологизация как системный подход // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова: ТД. Омск, 1987. Ч.1. С. 43-46.
- Бианки А.М., Дождев В.П. Опыт применения алгоритма распознавания к задаче классификации кинжалов эпохи бронзы // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С. 114-115.
- Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках / АН СССР, Науч., совет по комплекс.пробл. "Кибернетика". Секция филос. вопр. кибернетики. М.: Наука, 1973 – 383 с.
- Рец.: Ланда Л.Н., Марков М.Б., Матюшкин А.П. // ВФ, 1975, №6. С. 166-168.
- Борзунов Б.А., Стоянов В.Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном Урала: (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // ВАУ, 1981, вып. 15. С. 27-40, ил.
- Бочкарев В.С. К вопросу о структуре археологического исследования // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 56-60.
- Бочкарев В.С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума. / Ред. В.М.Массон, В.Н.Боряз. Л., 1975. С. 34-42.
- Бочкарев В.С., Трифионов В.А. Пространство и время в археологии // Методика археологических исследований и закономерности развития древних обществ. ТС. Ашхабад, 1980. С. 13-17.
- Брайчевський М.Ю. Теоретичні основи досліджень етногенезу // УІЖ, 1965, № 2. С. 46-56.
- Брайчевский М.Ю. Археология и кибернетика. 1. Применение ручных перфокарт в археологическом исследовании // Археологія, 1968, т. 21. С. 36-49, ил. На укр. яз. Рез. рус.
- Брайчевский М.Ю. Методы формализованного представления

- археологической информации // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 53-58, ил. Библиогр.: с. 58.
- Брайчевский М.Ю. Проблема инвариантности мегакомплексов археологической культуры // АИУ, 1978-1979 (1980). С. 18-19.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху / АН СССР, ИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 264 с., ил., карт.
- Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА, 1356, № 26. С. 5-27.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР / АН СССР, ИА. М.: Наука, 1966. – 98 с., ил. – (Археология СССР. САИ; В4-4). – Библиогр.: с. 48-50.
- Викторова В.Д. Археологический факт. // ВАУ, 1975, вып. 13. С. 17-26.
- Викторова В.Д. Принцип предметно-практической деятельности как основание для систематизации археологических фактов // НОСА. ТД. Ч.3. Киев, 1975. С. 18-19.
- Викторова В.Д. Археологическая теория в трудах В.А.Городцова // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 5-14.
- Викторова В.Д. Эмпирическое и теоретическое в археологическом познании // ВАУ, 1981, вып. 15. С. 18-24.
- Викторова В.Д. Актуальная культура и археологическая культура // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 15-23.
- Викторова В.Д., Генинг В.Ф. О предмете археологической науки // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск. 1977. – С. 3–9.
- Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ, 1972, Т. 10. С. 3-63, ил., 4 л. ил.
- Волокитин А.В. К проблеме археологической классификации в американской литературе // ТД НТК Иркутск. ун-та. Секция археол. Иркутск, 1976. С. 59-61.
- Вопросы теории и методологии археологической науки: (Сб.статей) / АН СССР, ИА; Отв. ред. И.Т.Кругликова. М.: Наука, 1978. – 112 с., ил. – (КСИА; Вып. 152).
- Воробьев Г.Г. Некоторые вопросы применения кибернетики в археологии // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1953. С. 60-62.

- Воробьев Г.Г. Некоторые аспекты применения кибернетики в археологии // МИА, 1965, № 129. С. 330-333, ил.
- Воронин Ю.А. Введение в теорию классификаций. Новосибирск, 1982.
- Воронин Ю.А. Теория классифицирования и её приложения. Новосибирск, 1985.
- Ганжа А.И. О понятии "археологическая культура" в советской археологии 40-60-х годов // Археологии и методы исторических реконструкций. К., 1985. С. 74-84. Библиогр.: с. 83-84.
- Ганжа А.И. Этнические реконструкции 30-40 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев. 1987. – С. 137-158.
- Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – Пер. с фр. / Вступит, ст. Я.А. Шера. М.: Прогресс, 1983. – 296 с: ил. – (Общественные науки. История).
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА, 1973, №1. С. 114-136, табл., 1 л. табл. Рез. фр.
- Генинг В.Ф. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии. // ВАУ, 1975, вып. 13. С. 5-16.
- Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3-37.
- Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. К., 1983.
- Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и методы исторических реконструкций. К., 1985. С. 60-74. Библиогр.: с. 73-74.
- Генинг В.Ф. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии: К разработке теории археологической культуры // Исследование соц.-ист. проблем в археологии. // Ред. В.Ф.Генинг. Киев, 1987. С. 6-35. Библиогр.: с. 32-35.
- Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда. // ВАУ, 1975, вып. 13. С. 42-72.
- Гинзбург Э.Х., Ранов В.А. О комплексном сравнении чоппингов и нуклеусов // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тез. Иркутск, 1975. С. 17-18.
- Гладилин В.Н. Принципы классификации раннепалеолитических

- изделий // 150 лет Одесскому археологическому музею АН СССР. ТД юбил. конф. Киев, 1975. С. 13-16.
- Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. К., 1976.
- Городцов В.А. Археологическая классификация // Никольский В.К. Очерк первобытной культуры. М., Пг., 1923. С. 5-18, 1 л.ил. То же в изд. 2-м (1923) и 3-м (1924).
- Городцов В.А. Таблицы по археологической классификации. М.: Госиздат, 1925. – 1 с. Табл. 1. Археологическая классификация в предполагаемом хронологическом соотношении к геологическим, палеонтологическим и антропологическим явлениям. Табл. 2. Археологическая классификация неолитических, палеометаллических и неометаллических руководящих памятников.
- Городцов В.А. Типологический и сравнительный методы в археологии. Тезисы доклада. - Бюл. конф. археологов СССР в Керчи, 1926, № 5. С. 1.
- Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань: 1927. – 9 с., 1 л. ил. – (Об-во исслед. Рязанск. края. Сер. методич.; Вып. 6).
- Горюнова О.И., Савельева Н.А. Опыт разработки понятий для описания сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 115-136, ил.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии / ТНИЯЛИ. М.: Наука, 1980. – 256 с., 4 отд. л. ил. – Библиогр.: с. 97-108.
- Грачёва Г.Н., Хлобыстин Л.П. Вопросы методики использования данных этнографии в археологических исследованиях. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. / ред. Л.М.Плетнёва. Томск, 1981. С. 134-138.
- Григорьев Г.П. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 12-17.
- Григорьев Г.П. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности? // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 5-9.
- Григорьев Г.П. О предмете археологии // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 41-43.
- Григорьев Г.П. О предмете археологии // Описание и анализ

- археологических источников. Иркутск, 1981. С. 3-15.
- Григорьев Г.П. Развитие классификации палеолита и восстановление общественного устройства по данным археологии // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 27-31.
- Гричан Ю.В., Симанов А.Л. Некоторые методологические аспекты археологического исследования // ВАУ, 1981, вып. 15. С. 24-27.
- Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 18-22.
- Гудим-Левкович А.Н. Типологический метод в историко-археологическом исследовании // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987. Ч.1. С. 52-55.
- Деев А.Ф. К вопросу формализации археологических данных и их научной переработки на ЭВМ // Этногенез народов Северной Азии. Матер. конф. Вып. I. Новосибирск, 1969. С. 69-71.
- Деопик Д.В. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 60-69, ил., 1 л. табл.
- Деопик Д.В. Соотношение статистических методов и стратиграфических данных в археологических исследованиях // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 341-344.
- Деопик Д.В. Соотношение статистических методов, классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании // КСИА, 1977, вып. 148. С. 3-8.
- Деопик Д.В. Керамический комплекс и культурный слой // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. / Ред. И.Д.Ковальченко. М., 1981. С. 222-287, табл.
- Деопик Д.В., Карапетьянц А.М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 100-119, ил. Библиогр.: с. 119.
- Деопик Д.В., Митяев П.Е. Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. История и культура. М., 1981. С. 122-150, ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 149.
- Дергачев В.А. Классификация керамики и относительная хронология

- погребений Выхватинского могильника // Археология, 1976, № 19. С. 45-56, ил. На укр. яз. Рез. рус.
- Деревянко А.П., Фелингер А.Ф., Холушкин Ю.П. Система показателей для описания объектов каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 83-97. Библиогр.: с. 55-97.
- Джевонс С. Основы науки. СПб., 1881.
- Дискуссия о понятии "археологическая культура" в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского ун-та / Л.С.Клейн, С.С.Миняев, Ю.Ю.Пиотровский, О.И.Хейфец // СА, 1970, № 2. С. 298-302.
- Добжанский В.Н. Локальный вариант – археологическая культура – культурно-историческая общность. Что дальше // Археология Южной Сибири. 1987. № 13. С. 116-122.
- Долуханов П.М. Уровни познания в археологии и палеогеографии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Матер. симпоз. Л., 1975. С.29-31.
- Егоров В.Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 166-164, ил.
- Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: (По материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-Пром. области. М., 1929. С. 31-35.
- Захарук Ю.Н. Проблеми археологічної культури // Археологія, 1964. Т. 17. С. 12-42, ил. На укр. яз. Рез. рус.
- Захарук Ю.Н. К вопросу о природе археологической культуры // НОСА ТД. Ч.3. Киев, 1975. С. 12-14.
- Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 3-10.
- Захарук Ю.Н. О понятии "факт" в археологической науке.// СА, 1977, № 4. С. 30-40.
- Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 49-54.
- Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980. С. 256-259.
- Захарук Ю.Н. Методологические проблемы археологической науки.

- Автореф. докт. дисс. М. 1981.
- Збенович В.Г., Лесков А.М. О стратиграфии и классификации погребений Одесского кургана // КСИА, 1969, вып. 115. С. 29-38, ил.
- Иванов В.Г. Некоторые вопросы методологии научного поиска // Предмет и объект археологии и вопросы методики в археологических исследованиях. Матер. симпоз. Л., 1975. С. 33-34.
- Калейникова Н.В. К вопросу о принципах составления переводного терминологического словаря по археологии: (мезолит - неолит) // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 214-218.
- Калинина И.В. Неолит Прикамья – история изучения: (К вопросу о понятии "археологическая культура") // Контакты и взаимодействие древних культур. КТД НК. Л., 1981. С. 32-34.
- Калинина И.В. Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой неолитической керамики Прикамья // ВАУ, 1981, вып. 15. С. 41-43, табл.
- Каменецкий И.С. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1963. С. 70-72.
- Каменецкий И.С. Археологическая культура – её определение и интерпретация // СА, 1970, № 2. С. 18-36. Рез. фр.
- Каменецкий И.С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 83-94, ил.
- Каменецкий И.С. К вопросу о понятии типа в археологии // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 354-357.
- Каменецкий И.С. Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978. С. 17-24. Библиогр.: с. 23-24.
- Kamenetski I.S. Zur Frage uber den Begriff Typ in der Archaologie. М., 1971 – 6 с. – (VIII CISPP) - Библиогр.: с. 6.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода) / ГЭ. М.: Наука, 1975. - 176 с., табл.1, 1 л. табл. - Библиогр.: с. 152-168.
- Рец.: Клейн Л.С. // СА, 1977, № 3. С. 309-316.
- Квирквелия О.Р. Краткий обзор советской литературы по вопросам применения статистико-математических методов исследования

- в археологии (1926-1977 гг.) // Математические методы в социально экономических исследованиях. М., 1981. С. 318-333.
- Кипарисов Ф.В. Вещь – исторический источник // ИГАИМК, 1933, вып. 100. С. 3-32.
- Кирчо Л.Б. Классификация орнаментации древней расписной керамики // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад, 1981. С. 106-123, ил. Библиогр.: с. 123.
- Клейн Л.С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема археологических культур // СА, 1962, № 2. С. 26-38.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА, 1970, № 2. С. 37-51. Рез. фр.
- Клейн Л.С. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 14-16.
- Клейн Л.С. Рец. на кн.: Möberg С.-А. Introduktion till Arkeologi. // СА, 1973, № 4. С. 294-300.
- Клейн Л.С. Проблема смены культур в современных археологических теориях // ВЛУ. Ист., яз., лит., 1975, вып. 2. С. 95-103. Рез. англ.
- Клейн Л.С. О сущности и границах аналитической археологии // НОСА ТД. Ч.3. Киев, 1975. С. 19-22.
- Клейн Л.С. Археология и преистория в системе И.Роуза // СА, 1976, № 1. С. 306-315.
- Клейн Л.С. Археологические источники: Учебн. пособие / ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 120 с., ил.
- Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л., 1979. С. 50-74. Библиогр.: с. 72-74.
- Клейн Л.С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в археологии. М., 1981. С. 18-23. Библиогр.: с. 22-23.
- Клейн Л.С. Проблема преемственности и смены археологических культур // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 33-38.
- Клейн Л.С. Классификация и типология // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987. Ч.1. С. 33-35.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. 1991. – 447 с.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. / Пер. с нем. М., 1983. (Klix Fr. Erwachendes Denken. Eine Entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1980. – 276 S.).

- Ковалев А.А. Типология и термины // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987. Ч.1. С. 38-40.
- Ковалевская (Деопик) В.Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1963. С. 67-69.
- Ковалевская (Деопик) В.Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // МИА, 1965, № 120. С. 286-301, ил.
- Ковалевская В.Б. О некоторых знаковых системах в археологии // УЗТартГУ, 1969, вып. 236. С. 425-432, ил.
- Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 144-155, ил. Библиогр.: с. 154-155.
- Ковалевская В.Б. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе. Обзор // СА, 1976, № 2. С. 257-265.
- Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв.: Пряжки / АН СССР, ИА. М.: Наука, 1979. – 88 с., ил., 12 л. ил. – (Археология СССР, САИ; Е1-2). – Библиогр.: с. 56-67.
- Кожара В.Л. Концепция базовой классификации. // Теория классификаций и анализ данных. ТД. Ч.1. Новосибирск, 1981. С.61-62.
- Кожин П.М. О формах преемственности археологических культур: (Археологические данные и этногенез) // ТД. СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 357-358.
- Колпаков Е.М. Типологическое исследование афонтовской археологической культуры // КСИА, 1987а, вып. 139. С. 32-38: табл.
- Колпаков Е.М. Три подхода к определению археологической культуры. // Задачи советской археологии в свете решений XXVIII съезда КПСС. ТД. Суздаль, 1987б. С. 121-122.
- Колпаков Е.М. Типология и классификация // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987в. Ч.1. С. 35-38.
- Колпаков Е.М. Интерпретация археологической культуры. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990. С.14-26.
- Колчин Б.А. Археология и естественные науки // МИА 1965, № 129. С. 7-26.

- Колчин Б.А., Маршак Б.И., Шер Я.А. Археология и математика: (Вместо предисловия) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 3-7.
- Колчин Б.А., Шер Я.А. Некоторые проблемы применения естественно-научных методов в археологии // ТД СПИПАИ 1968. Л., 1969. С. 70-76.
- Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.
- Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». ТД / АН СССР, Отд-ние ист. М., 1976. – 60 с.
- Коробков И.И., Мансуров О.М. К вопросу о типологии тейяско-зубчатых индустрий: (На основе материалов местонахождения Чахмаклы в Западном Азербайджане) // МИА, 1972, № 185. С. 55-67, ил.
- Коробкова Г. Ф. 1980. Палеоэкономические разработки и экспериментально-трасологические исследования // Первобытная археология: поиски и находки. Киев.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. / Пер. с *англ.* М., 1977. (Cole M., Scribner S. Culture and Thought: A Psychological Introduction. N.Y., 1974).
- Крис Х.И. Классификация таврских каменных ящиков // КСИА, 1967, вып. 112. С. 23-30, ил.
- Круг Г.К., Круг О.Ю. Математический метод классификации древней керамики // МИА, 1965, № 129. С. 318-325, ил.
- Круг О.Ю. Новый математический метод классификации древней керамики по петрографическим данным // БМОИП, 1965, т.70. Отд. геол., т.40, вып. 3. С. 124-125.
- Кудрявцева О.М. К вопросу об определении понятия "археологическая культура" в современной советской археологии // Археология и методы исторических реконструкций. К., 1985. С. 84-91. Библиогр.: с. 90-91.
- Кудрявцева О.М. О формировании понятия "археологическая культура" // Археология, 1987, № 58. С. 1-7. На укр. яз. Рез. рус.
- Кудрявцева О.М. К проблеме выделения археологических культур // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987. Ч.1. С 49-52.
- Кудрявцева О.М. Сравнительный анализ эмпирических характеристик катакомбной культуры. // Исследование социально-исторических проблем в археологии. / Ред. В. Ф.Генинг. К., 1987. С.159-177.
- Курочкин Г.Н. Безусловная лингвистическая модель как основа

- археологических реконструкций в области этногенеза (ещё раз об этнической атрибуции андроновской культуры). // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. / Ред. Л.П.Плетнёва. Томск, 1981. С.73-76.
- Лебедев Г.С. Структурная типология погребального ритуала: (По материалам Скандинавии эпохи викингов) // ТД СПИПАИ, 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 3-4.
- Лебедев Г.С. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Матер. симпоз. / Ред. В.М.Массон, В.Н.Боряз. Л., 1975. С. 56-58.
- Лебедев Г.С. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1979. С. 74-88. Библиогр.: с. 87-88.
- Лебедев Г.С. Системный подход. Перспективы в археологии // Количественные методы в археологии. М., 1981. С. 11-17. Библиогр.: с. 17.
- Леженко И.Л. Опыт выделения конструктивных элементов модели скребка, их терминология и метрика // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тез. Иркутск, 1975. С. 43-40, ил.
- Лейпунская Н.А. Методика классификации амфорного материала // Археология, 1971, № 3. С. 63-74, ил. На укр. яз. Рез. рус.
- Лейпунская Н.А. Спроба розробки методики класифікації грецьких амфор // Матеріали 13-й конф. ІА АН УРСР (1968), 1972. С. 235-228.
- Лейпунская Н.А. Классификация амфорного материала VI-V вв. до н.э. из Ольвии // ТД 15-й НК ІА УРСР. Одесса, 1972. С. 216-217.
- Лесман Ю.М. К применению методики распознавания образов для анализа керамического комплекса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С. 107-114, ил. Библиогр.: с. 113-114.
- Лесман Ю.М. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА, 1981, вып. 166. С. 98-103, ил. Библиогр.: с. 103.
- Лесман Ю.М. Погребальные памятники новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 118-153, ил.
- Лесман Ю.М.. Датировка комплексов однократного формирования

- (вероятностный подход) // Комплексные методы в исторических исследованиях. ТД. М., 1987. С. 203-205.
- Лесман Ю.М. Чеповецкий М.А., Шер Я.А. Принципы классификации движимых памятников истории и культуры // Музей и этнографические проблемы современности. ТД. II секция. Л., 1984. С. 35-37.
- Лоллекова О. Локальные варианты в археологических культурах // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад, 1981. С. 99-106. Библиогр.: с. 105-106.
- Лордкипанидзе О.Д. О структурном анализе в археологии // АПФГ, 1974, т. 2. С. 253-255.
- Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Львова З.А. О принципах классификации стеклянных бус // Проблемы археологии, 1978, вып. 2. С. 24-28.
- Любин В.П. О проявлении локальных различий в нижнем палеолите: (По материалам Кавказа) // УСА, 1972, вып. 2. С. 19-29. Библиогр.: с. 28-29.
- Любищев А.А. О форме естественной системы организмов. // Известия Биологического НИИ и Биологической станции при Пермском университете, 1923, т. 2, вып. 3, с. 99-110.
- Максимов И.С. Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Ашхабад, 1980. С. 40-43.
- Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ, 1981, № 2. С. 78-96.
- Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 147-150.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1989.
- Маршак Б.И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1963. С. 64-67.
- Маршак Б.И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов // МИА, 1965, № 129. С. 308-317.
- Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 25-52, ил. Библиогр.: с. 52.

- Массон В.М. Развитие теоретических основ советской археологии // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 23-27.
- Массон В.М. Археология за бортом гуманитарии: (Некоторые зарубежные теории и вопрос о предмете археологической науки) // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 46-49.
- Массон В.М. Понятие культуры в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана. ТДС. Ташкент, 1972а. С. 9-11.
- Массон В.М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии. // УСА, 1972б, вып. 1. С. 3-14.
- Массон В.М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // ИМКУз, 1974, вып. 11. С. 15-21.
- Массон В.М. Системный анализ в археологических исследованиях // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. (Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г.). Л., 1975. – С. 53-56.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ: (В свете данных археологии) / АН СССР, ИА. Л.: Наука, 1976. – 191с., ил., 1 л. ил.
- Массон В.М. Культура в понятийном аппарате археологии // ИЛАИ, 1976, вып. 8. С. 3-7.
- Массон В.М., Бочкарев В.С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА, 1978, вып. 152. С. 36-42.
- Матюхин А.Е. Об источниках, роли и типах объяснения в первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума. / Ред. В.М.Массон, В.Н.Боряз. Л., 1975. С. 18-23.
- Матюшин Г.Н. К вопросу о методах классификационного анализа пластинчатых изделий // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 336-339.
- Матюшин Г.Н. К вопросу об основных принципах единой таксономической системы и применение ЭВМ в археологии // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 70-73.
- Матюшин Г.Н. О методах классификации кремневого инвентаря // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тез. Иркутск, 1975. С. 11-14.
- Матюшин Г.Н. О методах классификации массового инвентаря

- памятников каменного века: (Верхний палеолит - энеолит) // ИМКУз, 1975, вып. 12. С. 38-59, ил.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала / АН СССР, ИА. М.: Наука, 1976. - 368 с., ил., карт., 1 л. табл.
- Матюшин Г.Н., Медведев Г.И., Ранов В.А. О структуре методологии и основных принципах методики археологии // Историзм археологии: методологические проблемы. ТДК. М., 1976. С. 55-57.
- Медведев В.Е. Чжурчженьская культура: её варианты и связь с чжурчженьским этносом (Приамурье). // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. / Ред. Л.М.Плетнёва. Томск, 1981. С. 78-80.
- Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий: (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тез. Иркутск, 1975. С. 21-42, ил.
- Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16-33, ил.
- Медведев Г.И., Савельев Н.А., Лежненко И.Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 104-115, ил.
- Мейен С.В. Таксономия и мерономия. // Вопросы методологии в геологических науках. К., 1977. С. 25-33.
- Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты классификации. // ВФ, 1976, № 2. С. 67-79.
- Мелконян Э.Л. Проблема типологического обобщения в археологии и этнографии // Историзм археологии: методологические проблемы. ТДК. М., 1976. С. 50-53.
- Мелконян Э.Л. Типологическое обобщение в этнографии и археологии // ВОНАН АрмССР, 1078, № 10. С. 13-24.
- Методологические и методические вопросы археологии: Сб. науч. трудов / АН УССР, ИА; Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: Наукова думка, 1982. – 230 с., ил.
- Мерперт Н.Я. К вопросу о термине "энеолит" и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С. 4-21.

- Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ: ТДС / АН ТССР, ИИ, ЮТАКЭ. Ашхабад: Ылым, 1980. – 66 с.
- Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума / АН СССР, Науч. совет по ист. мировой культуры, ИЭ; АН Арм.ССР, ИФП. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1978. – 124 с.
- Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. – Пер. с англ. СПб., 1914. (Mill J.S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive. 1868).
- Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // ТД 1-го симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1961. С. 26-28.
- Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности: (К вопросу о методике ист.-археол. исслед.) // НАА, 1967, № 1. С. 53-69. Рез. англ.
- Обсуждение статьи А.Л.Монгайта // Там же. С. 69-76. Подпись: А.К.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
- Монгайт А.Л. Проблемы терминологии и анализа археологических источников // Тез. к Вост. Сиб. регион. совещ. по планированию и координации археол. исслед. палеолита, мезолита, неолита / Иркут. ГУ. Иркутск, 1975. – 64 с., ил. – Библиогр.: с. 61-62.
- Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе / М.Д.Гвоздовер, Г.П.Григорьев, Д.В.Деопк, Н.Б.Леонова. – ДИНЮВС, 1974, вып. 1. С. 7-59.
- Никитина Г.Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА, 1966, № 4. С. 70-85, ил., карт.
- О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в СССР / В.Ф.Генинг, Ю.Н. Захарук, И.С. Каменецкий, Л.С.Клейн, В.М.Массон, Г.А.Федоров-Давыдов // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 6-10.
- Пиоро И.С. Етнос та археологияна культура // Проблемы философи, 1974, вып. 32. С. 106-119, ил. – Библиогр.: с. 118-119.
- Подольский Н.Л. Об оценке классификационной значимости признаков // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 395-398.
- Предмет и объект археологии и вопросы археологических

- исследований: Материалы симпозиума, методол. семинара ЛОИА АН СССР / АН СССР, ЛОИА, ЛКФ; Отв. ред. В.М.Массон, В.Н.Борз. Л.: Наука, 1975. – 60 с.
- Пустовалов С.Ж. О некоторых методах формализованной обработки керамики // Теории и методы археологических исследований. Киев, 1982. С. 196-210, ил.
- Пустовалов С.Ж. Первая система описания керамики в отечественной археологии: (к 80-летию со дня выхода в свет) // Методологические и методические вопросы археологии. К., 1982. С. 218-227.
- Радилюловский В.В., Шукуров А.Ф. Автоматическая классификация керамических форм // ДАН Тадж.ССР, 1981, № 11. С. 656-660, ил.
- Ранов В.А. О применении атрибутивного (количественного) метода в археологии каменного века // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 55-62.
- Розова С.С. Научная классификация и её виды. // ВФ, 1964, № 8. С. 69-79.
- Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
- Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // ВМУ. История, 1978, № 6. С. 74-86.
- Рычков Н.А. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. К., 1982. С. 167-178.
- Русанова И.П. Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА, 1976, вып. 148. С. 31-35, ил.
- Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. / АН СССР, ИА. Л.: Наука, 1981. – 124 с., ил., карт. – (Археология СССР. САИ; Е1-60). – Библиогр.: с. 89-92.
- Сайко Э.В. К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 60-62.
- Семенов С.А. Системный подход и "Аналитическая археология" Д.Кларка // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума. Л., 1975. С. 23-23.
- Семенов С.А. Системный подход и "Аналитическая археология" Д.Кларка // КСИА, 1979, вып. 152. С. 43-48.
- Синицын А.А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной

- Европы. Л., 1977. С. 158-166.
- Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА, 1964, № 4. С. 3-10.
- Смирнов А.П. Понятие "археологической культуры" // ТД СПИПАИ 1963. М., 1964. С6-9.
- Смирнов Ю.А. Погребения эпохи неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы: (Опыт количественного анализа) // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 348-352.
- Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина "могильник" // УСА, 1975, вып. 3. С. 17-22. Библиогр.: с. 22.
- Спицын А.А. Разбор, обработка и издание археологического материала // ЗРАО, 1898, т. 10, вып. 1-2. С. 346-357.
- Статистико-комбинаторные методы в археологии: Сб. статей / АН СССР, ИА; Отв. ред. Б.А.Колчий, Я.А. Шер. М.: Наука, 1970. – 220 с., ил.
- Сулейманов Р.Х. К методике классификации палеолитической индустрии // ИМКУз, 1974, вып. 11. С. 22-28.
- Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 59-64, ил.
- Теоретические основы советской археологии: (ТД на теоретич. семинаре ЛОИА АН СССР, Янв.-апр. 1970 г.) / АН СССР, ЛОИА. Л., 1969. – 34 с.
- Теория и методы археологических исследований: Сб. науч. трудов / АН УССР, ИА; Отв. ред. В.Ф.Генинг. К.: Наукова думка, 1982. – 212 с., ил., табл.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края: (В кратком изложении) // Материалы по этнографии, 1929, т.4, вып. 2. С. 41-62, ил., 2 л. табл. Рез. фр. Библиогр.: с. 62.
- Типология и классификация в социологических исследованиях. / Ред. В.Г.Андреенков, Ю.Н.Толстова. М., 1982.
- Типы в культуре: Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Сб. статей / АН СССР, Науч. совет по проблемам ист. мировой культуры; ЛГУ; Отв. ред. Л.С.Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 184 с., табл.
- Тот Н. Первая технология. // В мире науки, 1987, № 6. С 80-90.
- Третьяков П.Н. Археологические культуры и этнические общности //

- Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 28-33.
- Удальцов А.Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И.В.Сталина о языке // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 9-18.
- Устинов В.А. Применение электронных вычислительных машин в археологии // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1963. С. 58-60.
- Федоров-Давыдов Г.А. Понятия "археологический тип" и "археологическая культура" в "Аналитической археологии" Дэвида Кларка // СА, 1970, № 3. С. 258-270, ил.
- Федоров-Давыдов Г.А. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 123-131. Библиогр.: с. 131.
- Федоров-Давыдов Г.А. Оценка информативности признаков при построении археологической классификации и процесс типобразования // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С. 80-87. Библиогр.: с. 87.
- Федоров-Давыдов Г.А. Археологическая типология и процесс типобразования: (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических исследованиях. М., 1981. С. 267-317, табл.
- Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебн. пособие. М.: Высш. шк., 1987. – 216 с., ил. Библиогр.: с. 212.
- Федорова Н.В. Код для описания возможности машинной обработки фигурно-штампованной керамики эпохи средневековья // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 50-55, ил.
- Федорова Н.В., Экель Б.Я. Обработка керамики с фигурно-штампованной орнаментацией на перфокартах // НОСА ТД. Ч.3. Киев, 1975. С. 24-25.
- Философский словарь. / Ред. И.Т.Фролов. М., 1986.
- Формозов А.А. Этнокультурные области на территории: Европейской части СССР в каменном веке / АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 126 с., ил., карт. – Библиогр.: с. 117-124.
- Форд Д.А. Количественный метод установления археологической

- хронологии. // СЭ, 1962, № 1. С. 32-43.
- Формозов А.А. О термине "мезолит" и его эквивалентах // СА, 1970, №3. С. 6-11. Рез. фр.
- Фосс М.Е. О терминах "неолит", "бронза", "культура" // КСИИМК, 1949, вып. 20. С. 33-47, ил.
- Фосс М.Е. Древнейшая истории Севера Европейской части СССР / АН СССР, ИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 276 с., ил., карт., 3 л. ил., карт. – (МИА; № 29).
- Холюшкин Ю.П. Проблемы корреляции позднелитических индустрий Сибири и Средней Азии / АН СССР, СО, Комис. по востоковед., ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1981. –120 с., ил., карт. (История и культура Востока и Азии).
- Холюшкин Ю.П. К вопросу о принципах построения модели археологической культуры: (На материалах палеолита Сибири) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 40-80, ил.
- Холюшкин Ю.П. Некоторые методические вопросы создания и использования хронологических банков данных идей в археологии древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 43-48. Библиогр.: с. 47-48.
- Холюшкин Ю.П., Холюшкина В.А. Некоторые возможные пути в реализации типологических классификационных построений // Проблемы археологии и этнографии Сибири. ТД РК. Иркутск, 1988. С. 10-11.
- Холюшкин Ю.П., Холюшкина В.А. Методические аспекты исследования культур каменного века Сибири // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 23-45.
- Худяков Ю.С. Аксиологические аспекты выделения археологической культуры // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. ТД. Омск, 1987. Ч.1. С. 40-42.
- Худяков Ю.С. О принципах выделения единиц типологической классификации: (на материалах вооружения средневековых кочевников) // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 107-112.
- Чебанов С.В. Теория классификаций и методика классифицирования. // НТИ, 1977, сер. 2, № 10. С. 1-10.
- Черных Е.Н. О терминах "металлургический центр", "очаг металлургии" и других // СА, 1967, № 1. С. 295-301, карт.
- Черных Е.Н. Связи типологических и химико-металлургических

- признаков // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970а. С. 132-143, ил. Библиогр.: с. 143.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1970б. – 180 с.: ил. – (МИА 172).
- Чеснов Я.В. Историческая этнография и сравнительно-типологический метод // Историзм археологии: методологические проблемы. ТД. М., 1976. С. 31-33.
- Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. Л., 1979. – С. 189-203.
- Шер Я.А. Информация в археологии // Методы естественных и технических наук в археологии. ТД. М., 1963. С. 62-64.
- Шер Я.А. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации // МИА, 1965, № 129. С. 326-330, ил.
- Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистике // Доклады и сообщения археологов СССР. (VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков). М., 1966. С. 253-266, ил.
- Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании: (К формализации типологического метода в археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер. М., 1970. С. 8-24, ил.
- Шер Я.А. Некоторые вопросы теоретической археологии // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. С. 401-405.
- Шер Я.А. К характеристике структуры общей археологии // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент, 1973. С. 53-56.
- Шер Я.А. Методологические вопросы археологии // ВФ, 1976, № 10. С. 67-79.
- Шер Я.А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах : (К теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 127-143, ил.
- Шер Я.А. О развитии языка археологии // Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978. С. 43-48. Библиогр.: с. 48.
- Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971.
- Щукин М.Б. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии // СА, 1974, № 1. С. 259-264.

- Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. // АСГЭ, 1977, вып. 18. С. 80-91.
- Энсары С.С. Аналогия в археологии // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. ТДС. Ашхабад, 1980. С. 17-20.
- Adams W.Y. Archaeological classification: theory versus practice. // *Antiquity*. 1988. Vol. 62., N 234. P. 40-56.
- Adams W.Y. & Adams E.W. *Archaeological Typology and Practical Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1991. – 427 p.
- Рец.: Kolpakov E.M. Two sides of a coin: classification in theory and practice. // *Journal of European Archaeology*, 1993, vol. 1. P. 195-197.
- Analytical archaeologist: Collected papers of David L. Clarke. 3 Bd. by his colleagues. - London etc.: Acad. press, 1979. – XIV, 554 p., ill., maps, portr. – (Studies in archaeology).
- Angeli W. Typologie und typologische Methode. // *Archaeologia Austriaca*, 1958, Hf. 23. S. 104-108.
- Archaeological theory and practice / Bd. by D.E.Strong. London - New York: Seminar press, 1973. – XVI, 308 p., ill., maps, 2 ill.
- Archéologie et calculateurs: Problèmes sémiologiques et mathématiques / CNRS. Paris, 1970. – 372 p., ill., 1 ill.
- Bakka E. Reply. // *NAR*, 1968, 1. P. 45-50.
- Bakka E. Comments of Knut Odner: Ullshelleren in Valldalen, Roldal: a study of ecological adaptation, based on prehistoric archaeological material. // *NAR*, 1973, vol. 6, N 2. P. 120-125
- Bakka E. Ullshalleren in Valldalen once again Discussion continued from *NAR* 6, p. 120. // *NAR* 1976, vol. 9, N 1. P. 64-67.
- Benfer R.A. Sampling and classification. // *Sampling in archaeology*. Tucson, 1975. P. 227-247.
- Benfer R.A., Benfer A.N. Automatic classification of inspectional categories: multivariate theories of archaeological data. // *American Antiquity*. 1981. N 46. P. 381-396.
- Bennet W.C. The Peruvian co-tradition. // *A reappraisal of Peruvian archaeology*. Menasha, Wisconsin, 1948. P. 1-4, maps.
- Benjamin A.C. *Science, technology and human values*. Columbia: University of Missouri Press, 1965.
- Béres J. Kultúrna skupina. // *Základné metodologické problémy a marxitické kategorie v archeológii*. Nitra, 1978. S.43-47. Bibliogr.: s. 47.
- Bialekova D. Archeologická kultura. // *Základné metodologické problémy*

- a marxitické kategórie v archeológii. Nitra, 1978. S. 21-25. Bibliogr.: S. 25.
- Binford L. R. Archaeological systematics and the study of culture process // *American Antiquity*, 1965, vol. 31(2). – P. 203–210.
- Binford L.R. *An Archaeological Perspective / With a contribution by G.I. Quimby*. New York; London: Seminar press, 1972. – XII, 464 p., ill., maps.
- Blume E. *Die germanischen Stämme und Kulturen swischen Oder und Passarge zur römischen Kaizerzeit*. Bd. 1, Wurzburg, 1910. – 64 S. (Mannus-Bibliothek; N 8).
- Bohannon P. Rethinking culture: a project for current anthropologist. // *CurAnt*, 1973, vol. 14, N 4. P. 357-373. Bibliogr.: p. 372.
- Bordes F. *Typologie du Paléolithique ancien et moyen / CNRS*, 3-e ed. Paris, 1979. – 103 p., ill., 55 ill. 1-e ed. Bordeaux, 1961.
- Bordes F. A propos de typologie. // *L'Anthropologie*, 1965, vol. 69. P. 3-4.
- Bordes F. On old and new concepts in typology. Replav. // *Current Anthropology*, 1972, vol. 13(1). P. 40-41.
- Brachman H. *Archäologische Kultur und Ethnos. Zu einigen methodischen Voraussetzungen der ethnischen Interpretation archäologischer Funde*. // *WBUnivHalle*, 1979, L. 13. S. 101-121. Bibliogr.: S. 119-121.
- Bray W., Trump O. *The Penguin dictionary of archaeology*. Harmondsworth (England). – 269 p., ill., 9 maps. – (Penguin ref. books).
- Brew J.C. The use and abuse of taxonomy. // *Brew J.O. Archaeology of Alkali Ridge, Southeastern Utan*. Cambridge, Mass., 1946. P. 44-66.
- Brooks R.L. Events in the archaeological context and archaeological explanation. // *CurAnt*, 1982, vol. 23, N 1. P. 67-69, 73-75. Res. rus., engl., Bibliogr.: p. 74-75. Comments: p. 69-73.
- Bujna J. *Kulturny komplex*. // *Základné metodologické problémy a marxitické kategórie v archeológii*. Nitra, 1978. S. 67-71. – Bibliogr.: s.71.
- Chang K.C. *Rethinking archaeology*. New York: Random House, 1967. – 167 p.
- Childe V.G. *Man makes himself* – 34 impr. – London: Watta, 1939. – XII, 275 p., 11 ill. – Bibliogr.: p. 271-272. First published 1936. Second impression 1937.
- Childe V.G. *The Bronze age*. Cambridge: The Univ. Press, 1930. – XII, 258 p., ill. – Bibliogr.: p.248-253.

- Childe V.G. The Danube in prehistory. Oxford: The Clarendon Press, 1929. – XX, 479 p., ill., maps, 63 ill., maps. – Bibliogr.: p. 451-459.
- Childe V.G. Piecing together the past: The interpretation of archaeological data. - London, 1959. – VIII, 176 p., ill., maps.
- Childe V.G. Prehistoric migrations in Europe. Oslo: Aschenhoug, 1950. – X, 249 p., ill. – Bibliogr.: p. 231-257.
- Christenson A., Read D.W. Numerical taxonomy, R-mode factor analysis and archaeological classification. // American Antiquity. 1977, N 42. P. 163-179.
- Čilinska Z. Typ. // Základné metodologické problémy a marxitické kategorie v archeológii. Nitra, 1978. S. 52-55. – Bibliogr.: s. 5.
- Clark G. Archaeology and society: Reconstructing the prehistoric past. Cambridge, Mass.; Harvard univ. press, 1957. – 272 p., ill., 13 ill., 2 maps. First published: London, 1939.
- Clarke D.L. Analytical archaeology. London: Methuen, 1968. – XX, 684 p., ill., maps, 2 ill. – Bibliogr.:p. 671-676.
- Clermont N. Les concepts de culture et de système en archéologie. // L'Anthropologie, 1978, t. 82, N 3. P. 373-383.
- Contemporary archaeology: A guide to theory and contributions / Ed. by M.P.Leone. London; Amsterdam; Feffers and Simons, 1972. – XVI, 460 p., ill., maps. – Bibliogr.: p. 413-450.
- Cormack R.M. A review of classification. 1971.
- Cowgill G.L. Models, methods and techniques for seriation. // Models in archaeology. London, 1972. P. 381-424.
- Cowgill G.L. Clusters of objects and associations between variables: two approaches to archaeological classification. // Essays on archaeological typology. / Ed. by R.Whallon, J.A.Brown. Center for American Archaeology. Evanston, 1982. P. 30-55.
- Cullberg C. On Artifact Analysis: A study in systematics and classification of a Scandinavian early Bronze age material with metal analysis and chronology as contributing factors. Lund: Gleerup, 1968. – 342 p., ill., maps. – (Acta archaeol. Lundensia, Ser. in 4°; N 7). – Bibliogr.: p. 336-341
- Cullberg C. Reply to the comments on "On Artifact Analysis" // NAR, 1970, vol. 3. P. 50-72, ill.
- Daniel G. A hundred and fifty years of archaeology. – 2 ed. London: Duckworth, 1975. – 410 p., maps. – Bibliogr.: p. 401-406. First published as "A hundred years of archaeology" 1950. Reprinted 1952.

- Deetz J. Invitation to archaeology. New York: The Natural History Press, 1967. – X, 150 p., ill.
- Dekanova J. K obsahu pojmu "civilizácia". // Základné medologické problémy a marxitické kategorie v archeológii. Nitra, 1978. S. 86-89. – Bibliogr.: s. 89.
- Demetrova S. Kulturna skupina. // Základné medologické problémy a marxitické kategorie v archeológii. Nitra, 1978. S. 48-51. Bibliogr.: S. 51.
- Doran J.E., Hodson F.R. Mathematics and computers in archeology. 2d print. Cambridge, Mass.: Harvard univ. press, 1976. – XII, 382 p., ill., maps. – Bibliogr.: p. 349-370. First published 1975.
- Dunnell R.C. Systematics in prehistory. New York; London: The Free Press – Collier- MacMillan, 1971a. – 209 p., ill. – Bibliogr.: p. 206-209.
- Dunnell R.C. Sabloff and Smith's "The importance of both analytic and taxonomic classification in the type-variety system". Comment. // American Antiquity. 197b, vol. 36, N 1. P. 115-118.
- Dunnell R.C. Style and function: a fundamental dichotomy. // American Antiquity, 1978, vol. 43, N 2. P. 192-202.
- Dunnell R.C. Methodological issues in americanist artifact classification. // Advances in archaeological method and theory. Ed. by M. Schiffer. AP, 1986, vol. 9. P. 149-207.
- Ebert J.I. An ethnoarchaeological approach to reassessing the meaning of variability in stone tool assemblages. // Ethnoarchaeology: implications of ethnography for archaeology. / Ed. by C.Kramer. New York, 1979. P. 59-74.
- Eggert M.K.H. Zum Kulturkonzept in der prähistorischen Archäologie. Bonn, 1978, Bd. 178. S. 1-20.
- Essays on archaeological typology / Ed. by R.Whallon, J.A.Brown; Center for American Archaeology. Evanston, 1982.
- Ford S.A. The type concept revisited. // American Anthropologist, 1954, vol. 56, N 1. P. 42-54.
- Fridrich J., Klima B., Valoch K. Systematica pojmu "kultura" v paleolitu. // Archeologicke rozhledy, 1968, roc. 20., ses. 3. S. 308-311, ill.
- Furmánek V. Archeologicka kultura. // Základné medologické problémy a marxitické kategorie v archeológii. Nitra, 1978. S. 13-20. Bibliogr.: s. 20.
- Gardin J.-C. Une archéologie theorique. Paris: Hachette, 1979. – 339 p., ill., index. Bibliogr.: p. 307-325.
- Gaucher G. Nature et fonction de la typologie. // Congrès Préhist. de

- France. *Ses*, 21, 1983, T. 2. P. 125-130. Bibliogr.: p. 129-130.
- Hagen A. On arkeologiens kulturbegrep. // *Kuml*, 1970 (1971). S. 267-278. Res. engl. Bibliogr.: s. 278.
- Hardin M.A. The cognitive basis of productivity in a decorative art style: implication of an ethnographic study for archaeologists' taxonomies. // *Ethnoarchaeology: Implications of ethnography for archaeology*. N.Y., 1979. P. 75-101: ill. – Bibliogr.: p. 99-101.
- Harris M. *The nature of cultural things*. Hew York: Random House, 1964.
- Hayden B. Are emic types relevant to archaeology? // *Ethnohistory*. 1984, N 31. P. 79-92.
- Heizer R.F. *A guide to archaeological field methods*. Palo Alto, Calif.; National press, 1958. - X, 162., ill., maps. – Bibliogr.: p. 120-150.
- Heizer R.F., Graham J.A. *A guide to field methods in archaeology: Approaches to the anthropology of the dead*. // New red. ed. Palo Alto, Calif.; Calif.: National Press, 1967. – X, 274 p., ill., maps. – Bibliogr.: p. 211-264.
- Hensel W. A method of ethnic qualification of archaeological sources. // *Apolona*, 1977, t. 18. P. 7-55.
- Herrman J. Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. // *RAZ*, 1965, Jg. 6, Hf. 2. S. 97-128, ill. – Bibliogr.: S. 124-128.
- Hill J.N., Evans R.K. A model for classification and typology. // *Models in archaeology*. London, 1972. P. 231-273. – Bibliogr.: p. 270-273.
- Hodder I. *Reading the past*. Cambridge, 1986.
- Hodson F.R. Cultures as types? Some elements of classification theory. // *Bulletin of the Institute of Archaeology University of London*, 1980, N 17. P. 1-10.
- Hodson F.R. Some aspects of archaeological classification. // *Essays on archaeological typology*. / Ed. by R.Whallon, J.A.Brown. Center for American Archaeology. Evanston, 1982. P. 20-29.
- Hodson F.R., Sneath P.H.S., Doran J.E. Some experiments in the numerical analysis of archaeological data. // *Biometrika*. N 53. P. 311-324.
- Holloway R.L. Culture: a humain domain. // *CurAnt*, 1969, vol. 10, N 4. P. 395-412.
- Hrubec I. O type a typologickej méthode. // *Základné medologické problémy a marxitické kategorie v archeológii*. Nitra, 1978. S. 59-65. – Bibliogr.: s. 63.
- Isaak G. Analytical archaeology. // *Antiquity*, 1981, vol. 55, N 215. P. 200-215. – Bibliogr.: p. 205.
- Jahn M. Die Abreuzung von Kulturgruppen und Völkern in der

- Vorgeschichte. Berlin: Akad. Verlag, 1955. – Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akad. der Wissenschaften zu Leipzig; Philologische-Historische Klasse; Bd. 99, Hf. 3.
- Kantman S. Essai sur la formation de concept du "Type" dans l'étude du paléolithique. // Quartär. 1969, Bd. 20. P. 69-77. – Bibliogr.: p. 76-77.
- Kilian L. Zum Aussagewert von Fund und Kulturprovinzen. // Swiatowit, 1960, t. 23. S. 41-85, ill.
- Klejn L.S. Was ist eine archäologische Kultur? Zu einigen grundlegenden Begriffen der Archäologie in Lichte der Leninischen Widerspiegelungstheorie // RAZ, 1971, Jg. 12, Hf. 3. S. 321-346. Res. rus.
- Klejn L.S. Zu einigen Begriffen der Archäologie. Berichtigungszusatz zum Artikel "Was ist eine archäologische Kultur?" in RAZ 12, 1971, Hf. 3 // RAZ, 1972, Jg. 13, Hf. 3. S. 367-368.
- Klejn L.S. Archaeological typology. Oxford, 1982. – 322 p., ill. – (BAR International series; N 153). – Bibliogr.: p. 292-321.
- Kluckhohn C. The use of typology in archaeological theory. // Selected Papers from the Proceedings of the V-th Intern. Congress of Anthropological and Technological Sciences (1956). Philadelphia, 1960. P. 134.
- Kolpakov E.M. & Vishnyatsky L.B. The Bordes method? // NAR, 1989, vol. 22, N 2. P. 107-118.
- Konopka M. "Kultura archeologiczna" – teoria i praktyka: Uwagi na marginesie dyskusji w sorawach metodologicznych. // Archeologia Polski, 1978, t. 23, fas. 1. S. 183-191. – Bibliogr.: s. 190-191.
- Kossinna G. Die Herkunft der Germanen: Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911. – 30 s., 1 Karte. (Mannus-Bibliothek; N 6).
- Kozłowski J.K. On the typological classification of stone artifacts (Contributions to discussion). // Sprawosdania Archeologiczne, 1972, t. 24. S. 455-466.
- Krieger A.D. The typological concept. // American Antiquity, 1944, vol. 9, N 3. P. 271-288.
- Krieger A.D. Archaeological typology in theory and practice. // Selected Papers from the proceedings of the V-th Intern. Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (1956). Philadelphia, 1960. P. 141-151.
- Kroeber A.L. Style and civilization. 2d print. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1963. – 192 p.

- Lamiova-Schmiedlova M. Kulturny komplex. // Základné metodologické problémy a marxistické kategorie v archeológii. Nitra, 1978. S. 64-66. – Bibliogr.: s. 66.
- Laplace-Jauretche G. Typologie analytique. Application d'une nouvelle méthode d'étude des formes et des structures aux industries à lames et lamelles. // Quaternaria, 1957, vol. 4. P. 133-164.
- Laplace-Jauretche G. Essay de typologie systématique. (Annali dell' Università di Ferrara, ser. 15, vol. 1, suppl.2). Ferrara, 1964.
- Les methodes mathématiques de l'archéologie / CNRS. Paris, 1972. – VIII, 268 p., ill.
- Linton R. The study of Man: an introduction. New York; London, 1936. – 503 p., ill. – Bibliogr.: p. 491-497.
- Lüning J. Zum Kulturbegriff in Neolithikum. // PZ, 1972, Bd. 47, Hf. 2. S. 145-173. – Bibliogr.: S. 171-173.
- Malmer M.P. Jungneolitische Studien. Bonn: Habelt; Lund: Gleerup, 1962. – XXXVI, 960 s., ill. Kart. – (Acta aroheologica Lundensia. Ser. in 8°, N 2). – Bibliogr.: S. 945-959.
- Malmer M. P. Metodproblem inen järnalderns kunsthistorie. Lund, 1963. – (Acta Archeologica Lundensia, ser. in 8°, N 3).
- Malmer M.P. The correlation between definitions and interpretations of Neolithic cultures in North-Western Europe. // Palaeohistoria, 1967, t. 12. (1966). P. 373-378.
- Malmer M.P. Comments on "On Artifact Analysis" by C.Cullberg. // NAR, 1970, vol. 3. P. 42-49, ill.
- Man's imprint from the past: Readings in the methods of archaeology / Selected by J. Deets. 2d print. Boston, 1971. – XIV, 596 p., ill., maps. – (The Little Brown Ser. in anthropology).
- McKern W.C. The Mid-Western taxonomic method as an aid to archaeological culture study. // American Antiquity, 1939, vol. 4. P. 301-313.
- Mellor D.H. Do culture exist? // The explanation of culture change: models in prehistory. London, 1973. P. 59-72. – Bibliogr.: p. 71-72.
- Mill J.S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive. London, 1868.
- Möberg C.-A. Introduktion till Arkeologi. Jämförande och nordisk fornkunskap. Stockholm, 1969. – Illustr. 229 S.
- Рец.: Клейн Л.С. // СА, 1973, № 4. С. 294-300.
- Moberg C.-A. Archaeograms and historical entities: Comments on "Analytical Archaeology" by D.L. Clarke. // NAR, 1970, N 3. P. 21-24.
- Models in archaeology / Ed. by D.L.Clarke. London: Methuen, 1972. –

- 1056 p., ill., maps, 4 ill.
- Montelius O. Om tidsbestämning inom broualdern med särskildt a fseeude pa Skandinavien. Stockholm, 1885. – 336 p., ill., kart. Kongl. Vitterheta Historie och Antiquitetets Akademiens Handlinger, 1885, Del. 30, N 4.
- Montelius O. Den förhistoriska fornforskarens method och material. // Antiquariats Tidkrift för Sverige, 1884-1891, Del. 8, N 3. S. 1-28.
- Montelius O. Typologien eller utvecklingsläran tillämpad pa det menckliga arbetet. // Svenska Fornminnesföreningens Tidkrift, 1900, Del. 10. S. 237-268, ill.
- Montelius O. Die älteren Kulturperioden im Orient und Europe. Bd. 1. Methode. Stockholm, 1903. – 110 S., XVI, ill.
- Müller S. Mindre Bidreg til den förhistoriske archaeologia methode. I. Den svenske typologie. // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1884. S. 161-216.
- Mulvaney D.J. Classification and typology in Australia. // Stone tools as cultural markers: change, evolution and complexity. Canberra, 1977. P. 263-268.
- Narr K.J. Typology und Seriation. // BonnJb, 1978, jb. 178. S. 21-30.
- Neustupný J. Some suggestions concerning archaeologic records and archaeological cultures. // Swiatowit, 1960, t. 23. P. 31-40.
- Neustupný J. The classification of groups of prehistoric finds according to the activity of man. // Bericht über den 5. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1961. P. 613-614.
- Nylen E. Völker und Kulturen-Schiffe und Meer. // ABalt, 1974, N 1. S. 97-107.
- Osgood G. The cibonay culture of Cayo Redondo Cuba. New Haven: Yale univ. press, 1942. – 65 p., ill. – Yale univ. publications in anthropology; N 25).
- Otto K.H. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften. // EAF, 1953, Bd. 1. S. 1-27.
- Pavuk J. Civilizácia. // Základné metodologické problémy a marxitické kategórie v archeológii. Nitra, 1978. S. 72-79. – Bibliogr.: S. 79.
- Phillips P., Willey G.R. Method and theory in American Archaeology: an operational basis for culture-historical integration. // American Anthropologist, 1953, vol. 55. P. 615-635.
- Pieta K. Civilizácia ako archeologicka kategoria. // Základné metodologické problémy a marxitické kategórie v archeológii. Nitra, 1978. S. 80-85. – Bibliogr.: S. 85.

- Piggot S. Approach to archaeology. London, 1959. – 134 p., 25 ill.
- Plog F. Systems theory in archaeological research. // Annual review of archaeology, 1975, vol. 4. P. 207-224.
- Read D.W. Some comments on typologies in archaeology and an outline of a methodology. // American Antiquity, 1974, N 39. P. 216-242.
- Read D.W. Intuitive typology and automatic classification: divergence or full circle? // Journal of anthropological archaeology, 1989, vol. 8, N 2. P. 158-188.
- Rejholcova M. Typ ako archeologická kategória. // Základné metodologické problémy a marxitické kategórie v archeológii. Nitra, 1978. S. 56-58. – Bibliogr.: S. 58.
- Ritchie W.A., McNeish R.S. The pre-iroqesion pottery of New York state. // American Antiquity, 1949, vol. 15, N 2. P. 97-124.
- Romsauer P. Archeologická kultura. // Základné metodologické problémy a marxitické kategórie v archeológii. Nitra, 1978. S. 26-34. – Bibliogr.: s. 34.
- Rouse I. Prehistory in Haiti: a study in method. New Haven: Yale univ, press, London: Oxford univ. press. 1939. – 202 p., ill., 3 ill – (Yale University; Publications in Anthropology; t. 21).
- Rouse I. On the correlation of phases of culture. // American Anthropologist, 1955, vol. 57, N 4. P. 13-722.
- Rouse I. The classifications of artifacts in archaeology. // American Antiquity, 1960, vol. 25, N 3. P. 313-323.
- Rouse I. Seriation in archaeology. // American Historical Anthropology: Essays in Honor of Leslie Spier. Carbondale, 1967. P. 153-195.
- Rouse I. Classification for what?: Comments on "Analytical archaeology" by D.L. Clarke. // NAR, 1970, vol. 3. P. 4-12.
- Rouse I. Introduction to prehistory: A systematic approach. New York: McGraw-Hill book comp., 1972. – VIII, 302 p. – Bibliogr.: p. 246-252.
- Rowe J.H. Archaeological dating and cultural process. // Southwestern Journal of Anthropology, 1959, vol. 15, N 4. P. 317-324
- Sabloff J.A., Smith R.E. The importance of both analytic and taxonomic classification in the type-variety system. // American Antiquity. 1969, N 34. P. 278-286.
- Sackett I.R. Quantitative analysis of Upper Palaeolithic stone tools. // American Anthropologist, 1966, vol. 68, N 2. P. 356-394.
- Sackett I.R. Factor analysis and artifact typology. // American Anthropologist. 1969, N 71. P. 1125-1130.
- Schiffer M.B. Behavioral archeology. New York, 1976.

- Schiffer M.B. Formation processes of the archaeological record. Albuquerque, 1987.
- Schlette F. Dynamik archäologischer Kulturen. // *Modern Probleme der Archäologie*. Berlin, 1975. S. 57-66. – Bibliogr.: S. 66.
- Schlette F. Zum Problem ur- und frühgeschichtlicher Wanderungen und ihres archäologischen Nachweises. // *Schriften zur ur- und Frühgesch.*, 1977, N 30. S. 39-44. – Bibliogr.: S. 44.
- Schuchhardt C. Alteuropa: Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. 2 Aufl. Berlin-Leipzig: de Gruyter, 1926: – XIV, 308 S., ill., 42 ill.
- Settlement archaeology / Ed. and with an introduction by K.C.Chang. Palo Alto, Calif.; National press books, 1968. – 230 p., ill.
- Sharer R.J., Ashmore W. Fundamentals of archaeology. Menlo Park, California, etc.: The Benjamin / Cummings Publishing Company, 1979. – 614 p., ill. – Bibliogr.: p. 577-600.
- Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. Washington, 1956. – XII, 414 p., ill. – Bibliogr.: p. 395-403.
- Šiska S. Prispěvek k vyčlenení pojmov "kultúra" a "kultúrna skupina" v praveku. // *Základné metodické problémy a marxistické kategórie v archeológii*. Nitra, 1978. S. 35-42. – Bibliogr.: s. 42.
- Smith J.W. Foundations of archaeology. Beverly Hills: Glencoe press, 1976. – XIV, 568 p., ill., maps. – Bibliogr.: p. 535-556.
- Smith R.E., Willey G.R., Gifford J.C. The type-variety concept as a basis for the analysis of Maya pottery. // *American Antiquity*, 1960, vol. 25, N 3. P. 330-340.
- Sokal R.R., Sneath P.H.A. Principles of taxonomy. San Francisco; London, 1963. – 359 p., ill., 1 ill. – Bibliogr.: p. 320-338.
- Solberg B. Automatic versus intuitive and impressionistic classification of Norwegian spearheads from A.D. 550-1100. // *NAR*, 1986, Vol. 19, N 2. P. 77-89. ill., kart. – Bibliogr.: p. 89.
- Sonneville-Bordes D. Les listes-types. Observations de méthode. // *Quaternaria*, 1974-1975, t. 18. P. 9-43.
- Spaulding A.C. Statistical techniques for the discovery of artifacts types. // *American Antiquity*, 1953, vol. 18, N 4. P. 305-313.
- Spaulding A.C. The dimensions of archaeology // J. Deetz, ed., *Man's Imprint from the Past*. Boston. 1971. – P. 23-39. (Reprint from G. E. Dole and R. L. Carneiro (eds.), *Essays in the Science of Culture in Honor of Leslie A. White*. New York: Thomas Y. Crowell. 1960 – P. 437-456).
- Spaulding A.C. Artifact classes, association and seriation. // *Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse*. Mouton, 1978.

- P. 27-40.
- Steward J.H. Types of types. // *American Anthropologist*, 1954, vol. 56, N 1. P. 54-57.
- Swartz B.K.Ir. A logical sequence of archaeological objectives. // *American Antiquity*, 1967, vol. 32, N 4. P. 487-497.
- Tabaczynski S. Kultura i kultury w problematice badan archeologicznych. // *Archeologia Polski*, 1976, t. 21, z. 2. S. 365-374.
- Taylor W.W. A study of archaeology. Philadelphia: American Anthropological Association, 1948. – 256 p., 2 ill., – (*American Anthropologist*; Vol. 50, N 3. P.2; *Memoir* N 69). – *Bibliogr.*: p. 22-256.
- Thomas D.H. The use and abuse of numerical taxonomy in archaeology. // *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1972, New York. P. 31-49.
- Tixier J. Procèdes d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de l'Épipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Ouest. // *Background to evolution in Africa*. Chicago, 1967. P. 771-820.
- Transformations: Mathematical approaches to culture change* / Ed. by C. Renfrew, K.L. Cooke. New York etc. Acad. press, 1979. – XXIV, 515 p., ill.
- Trigger B.G. *Time and Tradition: Essays in archaeological interpretation*. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1978. – 273 p.
- Рец.: Башилов В.А. // *СА*, 1982, № 1. С. 279-283.
- Trigger B.G. Distinguished lecture in archaeology. Constraint and freedom – A new synthesis for archaeological explanation. // *American anthropologist*, 1991, vol. 93, N 3. P. 551-569.
- Tylor E.B. *Researches into the early history of mankind*. 1865.
- Tylor E.B. *Anthropology: an introduction to the study of man and civilization*. London: MacMillan, 1881. – 448 p., ill.
- Uslar R. Über der Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde. // *Jahrbuch der Romisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz*, 1955, Bd. 2. S. 1-20.
- Valde-Nowak P. Aspekt metryczny klasyfikacji rdzeni z epoki kamienia. // *Sprawozdania archeologiczne*, 1981, t. 33. S. 215-218, ill. Res. engl.
- Voss O. Comments on "On Artifact Analysis" by C.Cullberg // *NAR*, 1970, vol. 3. P. 35-42, ill.
- Watson P.A. Limitations on archaeological typologies and on models

- of social systems. // The explanation of culture change: models in prehistory. London, 1973. P. 209-213. – Bibliogr.: p. 213.
- Watson P.J. 1979. The idea of ethnoarchaeology: notes and comments // Ethnoarchaeology: implications of ethnography for archaeology. Ed. by C.Kramer. N.Y. P. 277-287.
- Watson P.J., LeBlanc S.A., Redman C.L. Explanation in archaeology: an explicitly scientific approach. New-York – London, 1971.
- Whallon R. A new approach to pottery typology. // American Antiquity, 1972, vol. 37. P. 13-33.
- Whallon R. On the monothetic nature of "traditional" types. // Research Records / Rochester Museum and Science Center. 1980, N 13. P. 9-20.
- Whallon, R. and J.A.Brown (eds) Essays on Archaeological Typology. Evanston, 1982: Center for American Archaeology Press.
- White J.P., Thomas D.H. What mean these stones? Ethnotaxonomic models and archaeological interpretations in the New Guinea Highlands. // Models in archaeology. London, 1972. P. 275-308.
- Willey G.R. An introduction to American archaeology. // North and Middle America, 1966, vol. I, XIV, 526 p., ill., maps.
- Willey G.R., Phillips P. Method and theory in American Archaeology. Chicago: The Univ. of Chicago press, 1958. – 270 p.
- Základné metodické problémy a marxistické kategórie v archeológii: Zborník referátov / Archeologický Ústav SAV. Nitra, 1978. – 296 S.

Список сокращений

АИУ	Археологические исследования на Украине
АПФГ	Археологические памятники феодальной Грузии
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград.
БМОИП	Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВЛУ	Вестник Ленинградского университета. Ленинград.
ВМУ	Вестник Московского университета. Москва.
ВОНАН	Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван
ВФ	Вопросы философии
ДАН	Доклады АН СССР
ДИНЮВС	Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИА	Институт археологии
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИМК	Институт истории материальной культуры
ИИФФ	Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИЛАИ	Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
ИМКУз	История материальной культуры Узбекистана
КД	Каракумские древности
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КТД НК	Краткие тезисы докладов научной конференции

ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	Народы Азии и Африки. Москва.
НОСА	Новейшие открытия советских археологов
НТИ	Научно-техническая информация
НТК	Научно-теоретическая конференция
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РСАЭК	Региональная студенческая археолого-этнографическая конференция
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
ТД РК	Тезисы докладов республиканской конференции
ТДК	Тезисы докладов конференции
ТД	Тезисы докладов
ТДС	Тезисы докладов и сообщений
ТД СПИПАИ	Тезисы докладов Сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований
ТНИЯЛИ	Тувинский научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТНК	Тезисы научной конференции
УЗТартГУ	Ученые записки Тартуского гос. университета
УІЖ	Український історичний журнал. Київ.
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЮТАКЭ	Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
Abalt	Archaeologia Baltica. Łodz.
APolona	Archaeologia Polona. Warszawa.
BAR.	British Archaeological Reports. Oxford.
BonnJb	Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseum in Bonn und des Vereins von Altertumsfreunden in Rheinlande. Bonn

CISPP	Congrès International des sciences pre- et protohistoriques. (Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS).
CNRS	Centre National de la recherche scientifiques. Marseille.
CurAnt	Current Anthropology. Chicago.
EAF	Ethnographisch-Archäologische Forschungen. Berlin.
EAZ	Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin.
NAR	Norwegian Archaeological Review. Oslo.
PZ	Praehistorische Zeitschrift. Berlin.
WBUnivHalle	Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität. Hall-Wittenberg.